

Синтаксическія явленія Синодальнаго списка I Новгородской лѣтописи.

ВВЕДЕНІЕ.

Область древне-русскаго синтаксиса совсѣмъ не богата точными изслѣдованіями ни въ отношеніи отдѣльныхъ памятниковъ, ни въ отношеніи историческаго развитія тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ явленій; мало также въ этой области опредѣленныхъ, провѣренныхъ и признанныхъ методовъ изслѣдованія. Русскій историческій синтаксисъ связывается почти исключительно съ именемъ А. А. Потебни и сосредоточивается на его работѣ «Изъ записокъ по русской грамматикѣ». Талантливая и богатая матеріалами работа эта дала очень много русской наукѣ своими широкими обобщеніями и глубокимъ анализомъ отдѣльныхъ явленій, но она оставила за собой, конечно, еще очень широкое поле дѣятельности для новыхъ изслѣдованій. Эти новыя синтаксическія изслѣдованія должны быть необходимо направлены въ сторону точныхъ разысканій, которыхъ не достаетъ въ работѣ Потебни, но которыя привели къ столь цѣннымъ результатамъ въ другихъ областяхъ языкознанія. Точныя разысканія въ области древне-русскаго синтаксиса могутъ развиваться по двумъ главнымъ направленіямъ: или какое-либо одно явленіе или группа явленій можетъ изучаться въ своемъ историческомъ развитіи, или же можетъ изучаться совокупность явленій, по возможности, вся система синтаксическаго строя языка, но ограниченная одной эпохой, однимъ историческимъ моментомъ.

Задачей настоящей работы является изслѣдованіе совокупности синтаксическихъ явленій одного памятника—Синодальнаго списка I Новгородской лѣтописи. Относительно значенія этого памятника нѣтъ необхо-

димости много говорить. Синодальный список I Новгородской летописи является однимъ изъ наиболѣ цѣнныхъ письменныхъ памятниковъ для изученія древне-русскаго языка и въ частности древне-русскаго синтаксиса. Извѣстно, что Синодальный списокъ есть одинъ изъ древнѣйшихъ русскихъ письменныхъ памятниковъ вообще и древнѣйшій памятникъ русскаго летописанія въ частности; время его написанія опредѣляется для его основныхъ частей такъ: для перваго почерка, до 1200 г., (стр. 1 — 123) и для втораго почерка, до 1234 г., (стр. 123 — 236) — вторая половина XIII вѣка, а для третьяго почерка, до 1333 г., (стр. 237 — 334), къ которому прибавлено еще три записи за 1337, 1345 и 1352 гг., (стр. 334 — 337) — первая половина XIV вѣка¹). Кромѣ того, Синодальный списокъ является цѣннымъ для синтаксическаго изслѣдованія и съ точки зрѣнія общаго характера своего языка. Правда, летописный рассказъ не даетъ образцовъ того живого чистаго русскаго языка, какой находимъ въ грамотахъ, но летопись, по сравненію съ грамотами, богаче и разнообразнѣе по своему содержанию, а вмѣстѣ съ тѣмъ по даннымъ языка. Вообще летописи являются едва ли не лучшими образцами книжнаго древне-русскаго языка; Синодальный же списокъ I Новгородской летописи выдѣляется среди нихъ какъ по древности своего написанія, такъ и по сравнительной однородности своего языка, безъ частыхъ постороннихъ вставокъ и длинныхъ религиозныхъ разсужденій, нарушающихъ своей витіеватостью и обиліемъ церковнославянизмовъ основной характеръ языка.

Всякое изслѣдованіе, само собой разумѣется, можетъ ставить себѣ тѣ или иныя границы и по матеріаламъ и по задачамъ; важно лишь, чтобы размѣры матеріала согласовались съ задачами работы и чтобы характеръ матеріала согласовался бы съ ея методами. Поэтому, приходится поставить вопросъ: какія задачи можно намѣтить при изслѣдованіи синтаксическихъ явленій отдѣльнаго памятника и какъ слѣдуетъ подходить къ синтаксическому матеріалу при такомъ его ограниченіи?

Прежде всего и проще всего выдвигается задача описательнаго характера. Должны быть опредѣлены и описаны синтаксическія явленія

¹ См. Б. М. Ляпуновъ, Изслѣдованіе о языкѣ Синод. сп. I Новгор. Летописи, стр. 16 — 17.

Синодальнаго списка, а при этомъ необходимо отнести къ области синтаксиса опредѣленные факты языка, необходимо сгруппировать эти факты и квалифицировать ихъ съ помощью тѣхъ или иныхъ терминовъ. Но извѣстно, что въ теоріи синтаксиса есть много нерѣшенныхъ вопросовъ, много несогласій въ основныхъ вопросахъ какъ по содержанію самаго предмета синтаксиса, такъ и по опредѣленію отдѣльныхъ его явленій. Въ связи съ этимъ встаетъ вопросъ: какъ связать синтаксическое описаніе Синодальнаго списка съ неопредѣленностью теоретическаго синтаксиса? Въ работѣ, изслѣдующей синтаксическія явленія одного памятника, невозможно, конечно, рѣшать обще-теоретическіе вопросы, и нѣтъ нужды давать опредѣленія для фактовъ, имѣющихъ обще-теоретическій характеръ. Такъ напр. въ такой работѣ можно не касаться столь труднаго вопроса, какъ вопросъ о томъ, что такое предложеніе, можно не рѣшать вопроса о томъ, что такое сказуемое, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ нужды давать въ ней опредѣленіе этихъ терминовъ. Однако, при отнесеніи извѣстныхъ языковыхъ фактовъ къ области синтаксиса, при группировкѣ синтаксическихъ явленій изучаемаго памятника, при той или иной квалификаціи разсматриваемаго явленія приходится неизбѣжно сталкиваться съ обще-теоретическими вопросами, приходится неизбѣжно исходить изъ точныхъ опредѣленій, считаться съ возможными значеніями того или иного термина. Поэтому, не разсуждая объ общетеоретическихъ вопросахъ по существу, приходится все же связывать работу съ опредѣленной синтаксической системой. Въ подобной работѣ въ такомъ случаѣ могла бы быть принята полностью какая-либо извѣстная цѣльная синтаксическая система, которая и служила бы основаніемъ при описаніи и группировкѣ синтаксическихъ явленій; но мы не присоединились съ полной послѣдовательностью ни къ одной такой системѣ и въ отдѣльныхъ случаяхъ пользовались отдѣльными ученіями, давая иногда и самостоятельную систематизацію явленій; это дѣлалось отчасти по основаніямъ теоретическаго характера, отчасти по соображеніямъ практическимъ — въ видахъ болѣе удобной группировки наличнаго матеріала. Такимъ образомъ, та система, которая проводится въ данной работѣ и которая находится въ зависимости отъ имѣющагося въ Синодальномъ списокѣ матеріала и отъ его характера — древняго письменнаго языка,

не имѣть теоретическаго значенія и не можетъ имѣть достаточной полноты и опредѣленности; это только, такъ сказать, «рабочая» система. Въ введеніи нѣтъ нужды останавливаться на отдѣльныхъ частяхъ ея, но въ немъ приходится коснуться нѣкоторыхъ основныхъ синтаксическихъ вопросовъ, на которые опирается настоящее изслѣдованіе.

Сущность вопроса лежитъ въ соотношеніи грамматическихъ признаковъ предложенія съ логическими и психологическими его основами. Когда еще съ срединѣ прошлаго вѣка было поколеблено старое «логическое» направленіе, на его мѣсто были выдвинуты, съ одной стороны, психологическія основы рѣчи, съ другой — формально-грамматическіе ея признаки. И съ тѣхъ поръ все ищутъ систему, опирающуюся на эти новыя основанія, которая, замѣнивъ старую логическую, удовлетворила бы современнымъ научнымъ требованіямъ по глубинѣ, точности и всесторонности изслѣдованія языковыхъ явленій и могла бы съ надлежащей послѣдовательностью обнять всю область синтаксическихъ явленій во всемъ ихъ живомъ разнообразіи. Но такой системы пока не создано. И основной методологическій вопросъ о соотношеніи формальныхъ признаковъ предложенія съ его логическими и психологическими основаніями остается нерѣшеннымъ: находятся ученые защитники и для логическихъ основаній, психологическія основанія предложенія понимаются неодинаково, формальнымъ признакамъ придается отдѣльными изслѣдователями неравноцѣнное значеніе. И среди разнообразныхъ трудовъ по синтаксису, русскихъ и иностранныхъ, не найдется, кажется, двухъ, въ которыхъ бы наблюдалось согласіе по этимъ основнымъ положеніямъ.

Въ русской синтаксической литературѣ въ послѣднія десятилѣтія особенно проводилось положеніе о необходимости основывать синтаксическое изслѣдованіе на морфологическихъ признакахъ входящихъ въ предложеніе словъ, такъ какъ грамматическая форма словеснаго предложенія не соответствуетъ логическому и психологическому сужденію. Это формально-грамматическое направленіе, выдвинутое, съ одной стороны, Потебней, а съ другой — акад. Ф. Θ. Фортунатовымъ и получившее свое дальнѣйшее развитіе у ихъ учениковъ и послѣдователей, приняло для русскаго языка особенно важное значеніе въ силу развитія въ немъ предложеній безъ *verbum finitum*. Рядомъ съ этимъ направленіемъ и, пожалуй,

уже на смѣну ему, выступаютъ другія теченія, въ которыхъ къ построе- нію синтаксическихъ системъ привлекаются тѣ психическіе акты, выра- женіями которыхъ и являются словесныя предложенія и входящія въ нихъ формы, хотя бы между психическими актами и соответствующими имъ словесными выраженіями и не было тождества.

Соглашаемся съ этой точкой зрѣнія и полагаемъ, что цѣльная синтаксическая система не можетъ быть построена въ непосредствен- ной послѣдовательной связи формальныхъ признаковъ предложенія съ соотносительными съ ними психическими актами, придающими имъ «внутреннее значеніе». Согласованіе этихъ двухъ соотносительныхъ фактовъ рѣчи даетъ основу для классификаціи предложеній и ихъ чле- новъ и для методовъ синтаксическаго изслѣдованія вообще, причемъ исходнымъ пунктомъ остается формальная сторона рѣчи. Формальные признаки рѣчи являютъ собою тѣ морфологическія образованія, въ кото- рыхъ обнаруживаются соотношенія между собой членовъ предложенія и ихъ синтаксическія значенія. Этимъ формальнымъ признакамъ предло- женія въ нашемъ сознаніи всегда сопутствуютъ внутреннія значенія словъ, какъ членовъ словеснаго предложенія, но сами эти значенія, однако, не всегда выступаютъ въ предложеніи съ достаточно ясными, характерными формальными признаками. Такимъ образомъ, одни предло- женія, въ которыхъ формальные признаки и внутреннія значенія нахо- дятся въ полномъ согласованіи, выступаютъ для нашего сознанія, какъ предложенія ясныя по своему строенію, — это предложенія, такъ сказать, полной формальной выразительности; другія, формально-недоста- точныя, — не представляются вполне ясными по своему строенію. При опредѣленіи состава и классификаціи этихъ послѣднихъ мы непремѣнно исходимъ отъ предложеній «полной формальной выразительности» и поль- зуемся ихъ аналогіей.

Внутреннія соотношенія и значенія словъ, какъ членовъ предложе- нія, находятъ себѣ выраженіе, помимо формальныхъ признаковъ, также въ интонаціи и въ порядкѣ словъ; однако, и въ этихъ случаяхъ то зна- ченіе, которое мы придаемъ той или иной интонаціи или порядку словъ, и на которое мы обычно опираемся при разсмотрѣніи формально-недо- статочныхъ предложеній, само, въ свою очередь, опирается на аналогію

предложеній «полной формальной выразительности» съ соответствующей интонаціей и порядкомъ словъ. Такимъ образомъ, то, что воспринимается нами, какъ внутреннія соотношенія и значенія словъ, какъ членовъ предложенія, не стоитъ внѣ языка и его формальныхъ признаковъ, но тѣсно связывается съ наличными формальными признаками каждаго даннаго предложенія и съ формальными признаками, свойственными вообще данному языку.

Внутреннія соотношенія и значенія принимаются въ синтаксисѣ, какъ таковыя, какъ данные результаты, воспринимаемые грамматическимъ чутьемъ, независимо отъ условій ихъ образованія, связанныхъ, несомнѣнно, съ сложной психической дѣятельностью, причемъ эта психическая дѣятельность есть дѣятельность не столько индивидуальная, сколько «народная» — носителей даннаго языка въ ихъ совокупности и видоизмѣняющаяся до нѣкоторой степени соотносительно съ измѣненіемъ формъ языка.

Высказанныя общія соображенія примѣняются въ настоящей работѣ постольку, поскольку это стоитъ въ связи съ общими задачами работы и поскольку это позволяютъ наличныя письменныя данныя памятника. Въ связи съ этимъ выступаетъ вторая задача изслѣдованія — самое выясненіе внутреннихъ значеній тѣхъ или иныхъ синтаксическихъ фактовъ и выясненіе употребленія отдѣльныхъ формъ. Исходнымъ пунктомъ въ изслѣдованіи этихъ вопросовъ принимается, какъ и вообще, предложеніе, какъ мінімумъ человѣческой рѣчи. При этомъ, значеніе многихъ синтаксическихъ формъ Синодальнаго списка кажется вполне соответствующимъ современному ихъ значенію и, вмѣстѣ съ этимъ, настолько яснымъ для нашего чутья языка, что нѣтъ нужды на нихъ останавливаться. Иное дѣло тѣ формы, которыя не сохранились до нашего времени или которыя выступаютъ въ нашемъ языкѣ такъ или иначе видоизмѣненными, съ иными значеніями. Въ этихъ случаяхъ представляется, конечно, чрезвычайно важнымъ опредѣлить внутреннее значеніе формы въ языкѣ изучаемаго памятника. И важно это въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, само по себѣ, для полноты опредѣленія даннаго явленія, а во-вторыхъ, для опредѣленія, является ли то или иное синтаксическое явленіе, та или иная форма фактомъ живого языка или нѣтъ. Поскольку предъ нами живая языковая форма, она должна имѣть свое значеніе,

и это значеніе можетъ быть прослѣжено во всемъ ея употребленіи; употребленіе формы должно имѣть внутреннее обоснованіе, должно оправдываться. Если же этого не наблюдается, то это указываетъ или на то, что форма утрачивается въ языкѣ (въ связи съ чѣмъ можно прослѣдить измѣненіе въ значенія замѣняющей ее формы), или же на то, что она выступаетъ, какъ чуждая, книжно-подражательная, не претворившаяся въ живое явленіе языка.

Итакъ, важно опредѣлить значеніе синтаксическихъ формъ. Но какъ это сдѣлать, если дѣло идетъ о формахъ, уже утраченныхъ языкомъ или измѣнившихъ въ немъ свое значеніе? Обычное чутье языка не подсказываетъ значенія формы, уже утраченной, но его тѣмъ не менѣе можно постигнуть лишь этимъ чутьемъ; и чтобы пріобрѣсти это чутье, приходится одно — вчитываться и вдумываться въ изслѣдуемую рѣчь. Полагаемъ, что этотъ пріемъ слѣдуетъ признать основнымъ при опредѣленіи живого значенія формъ древняго письменнаго языка; различные же внѣшніе признаки имѣютъ уже вторичное, отображающее значеніе. Укажемъ на одинъ примѣръ. Извѣстно, что въ грамотахъ древней Руси наблюдаются почти исключительно формы прошедшаго времени на *-лз*, въ то время какъ въ другихъ памятникахъ, писанныхъ болѣе книжнымъ языкомъ, рядомъ съ этими формами, постоянно встрѣчаются формы аориста и имперфекта; отсюда, естественно, дѣлалось предположеніе о томъ, что въ грамотахъ отражается въ данномъ случаѣ чисто-русская живая рѣчь, а формы аориста и имперфекта были уже утрачены живымъ языкомъ и оставались въ книжномъ языкѣ лишь по традиціи. Проф. Д. Н. Кудрявскій сдѣлалъ такое же заключеніе на томъ основаніи, что въ Лаврентьевскомъ спискѣ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» формы на *-лз* наблюдаются обычно въ предложеніяхъ прямой рѣчи, гдѣ, естественно, могла передаваться болѣе живая рѣчь, между тѣмъ какъ въ разсказѣ лѣтописца, въ рѣчи болѣе книжной, гораздо чаще наблюдаются формы аориста и имперфекта. Но прежде, чѣмъ группировать факты по этимъ внѣшнимъ признакамъ и дѣлать отсюда сразу широкія историческія обобщенія, не слѣдуетъ ли поискать, нѣтъ ли въ самихъ этихъ формахъ такихъ различій въ значеніи, съ которыми связывалось бы ихъ употребленіе, и не кроется ли причина раздѣленія этихъ формъ по названнымъ

рубрикамъ въ ихъ внутреннихъ значеніяхъ. Думаемъ, что это именно такъ. Здѣсь указываемъ на это явленіе только, какъ на примѣръ, подробнѣе оно разсмотрѣно во II главѣ изслѣдованія.

Возможно, что указанный пріемъ — вчитываться и вдумываться въ изслѣдуемую рѣчь — можетъ заключать въ себѣ много субъективнаго; возможно, что и связанные съ нимъ выводы настоящей работы покажутся въ той или иной степени субъективными. Однако, субъективнаго элемента при опредѣленіи значеній явленій языка избѣжать нельзя, а изъ субъективныхъ выводовъ разныхъ изслѣдователей создастся въ результатѣ, несомнѣнно, и нѣчто объективное. Нѣкоторые выводы могутъ показаться субъективными потому, что иногда бываетъ чрезвычайно трудно, по характеру синтаксическаго матеріала, съ очевидностью доказать на отдѣльныхъ примѣрахъ справедливость своего пониманія. Сложность синтаксическихъ явленій не всегда даетъ возможность вносить въ положеніе исчерпывающую полноту матеріаловъ и достаточную доказательность; громоздкость примѣровъ не позволяетъ приводить ихъ все; а возможность различнаго пониманія того или иного явленія въ отдѣльныхъ примѣрахъ можетъ вести къ неубѣдительности, къ недоказательности разсужденія. Для полноты, рядомъ съ выписываемыми примѣрами обычно приводятся указанія на цифры страницы и строки другихъ примѣровъ; такимъ образомъ даются почти исчерпывающія указанія, исключая случаевъ, гдѣ матеріалъ очень обиленъ и однообразенъ. При этомъ, для большей доказательности приводятся, прежде всего, примѣры, которые кажутся болѣе доказательными; но рядомъ съ этимъ непременно указываются и объясняются все примѣры, которые заключаютъ въ себѣ какое-нибудь, хотя бы и кажущееся, противорѣчіе; и только примѣры, недостаточно доказательные, но и не противорѣчащіе проводимому положенію, указываются лишь въ цифрахъ страницы или иногда и совсѣмъ не указываются, если они обильно представлены въ спискѣ.

Поскольку ставилась задача опредѣлить внутреннее значеніе формъ по употребленію ихъ въ Синод. сп., постольку приходилось исходить изъ мысли, что данныя формы отражаются въ спискѣ, какъ живые факты языка. Полагаемъ, что, изучая синтаксическія явленія древне-русскаго

памятника, приходится, дѣйствительно, исходить изъ мысли, что предъ нами явленія русскаго языка, и только уже на основаніи показаній памятника можно приходиться къ выводу, что тѣ или иные его факты не имѣютъ характера живого явленія, а являются книжными. Такъ необходимо поступать въ виду того, что точный составъ синтаксическихъ явленій древне-русскаго языка пока не установленъ и требуетъ еще своей установки.

Само собой разумѣется, что при изученіи того или иного синтаксическаго явленія, наблюдаемаго въ спискѣ, привлекаются все относящіяся сюда данныя списка, и эти данныя разсматриваются съ возможной тщательностью; но другой матеріалъ, извѣстный по памятникамъ или по изслѣдованіямъ, привлекается вообще мало, въ отдѣльныхъ случаяхъ. Такъ приходится поступать, прежде всего, потому, что точнаго и вполне разработаннаго матеріала, которымъ можно бы было пользоваться для послѣдовательныхъ сопоставленій, почти не имѣется; сопоставленія же отрывочныя во многихъ случаяхъ не могутъ имѣть серьезнаго значенія; такъ приходилось поступать иногда и для того, чтобы постороннимъ матеріаломъ не запутывать и не осложнять нѣкоторыхъ выводовъ, которые намѣчались данными Синодальнаго списка; эти послѣднія данныя, несомнѣнно, имѣютъ свое цѣнное значеніе, и именно въ ихъ опредѣленіи состоитъ главная задача работы. Что же касается болѣе широкихъ историческихъ обобщеній, то для нихъ, конечно, нуженъ былъ бы и болѣе широкій матеріалъ.

Однако, и въ предѣлахъ настоящей работы можно все-таки подойти къ нѣкоторымъ обобщеніямъ историческаго характера. Эти историческія обобщенія составляютъ третью задачу изслѣдованія. Въ ней, съ одной стороны, выдвигается вопросъ о томъ, какое мѣсто въ общемъ развитіи русскаго синтаксиса занимаетъ то или иное явленіе Синод. списка, какой моментъ въ историческомъ развитіи фиксируется этимъ спискомъ. Въмѣстѣ съ этимъ, является вопросъ о томъ, какое значеніе въ построеніи историческаго синтаксиса могутъ имѣть показанія отдѣльнаго памятника.

Съ одной стороны, такія показанія имѣютъ свою цѣнность. Научныя положенія въ области древне-русскаго синтаксиса носятъ въ значительной степени слишкомъ общій характеръ; мы знаемъ немало о явленіяхъ

древне-русского синтаксиса вообще, но мало знаемъ о явленіяхъ, характерныхъ для определенной эпохи, для той или иной группы древне-русскихъ говоровъ, для языка книжнаго въ отличіе отъ народнаго и т. п. Для выполнения этихъ пробѣловъ при изученіи совокупности синтаксическихъ явленій одной эпохи необходимо точное ограниченіе, необходима однородность матеріала. Между тѣмъ, подборъ однородныхъ древнерусскихъ памятниковъ, относящихся къ одному историческому періоду и къ одной мѣстности, является затруднительнымъ, такъ какъ, съ одной стороны, различіе по содержанію и по литературному характеру памятниковъ замѣтно отражается на ихъ синтаксическихъ данныхъ, съ другой—многіе памятники содержатъ въ себѣ обильныя наслоенія компиляторовъ и переписчиковъ, относящіяся какъ къ разнымъ эпохамъ и говорамъ, такъ и къ разнымъ типамъ литературнаго стиля. Такимъ образомъ, ограниченіе матеріала обезпечиваетъ въ извѣстной степени однородность его и вмѣстѣ съ этимъ точность и определенность выводовъ.

Но, съ другой стороны, такое ограниченіе матеріала имѣетъ и свои недостатки въ отношеніи къ историческимъ выводамъ. Прежде всего, матеріалъ одного памятника оказывается во многихъ случаяхъ недостаточнымъ; въ силу этого, нерѣдко приходится ограничиваться простымъ констатированіемъ примѣровъ безъ какихъ бы то ни было разсужденій и выводовъ. Но даже въ случаяхъ, гдѣ имѣется вполне обильный матеріалъ, онъ, при своемъ ограниченіи, не даетъ основаній для многихъ обобщеній историческаго характера въ связи съ мѣстными особенностями, вліяніемъ литературнаго стиля и т. п. Для рѣшенія подобныхъ вопросовъ необходимы послѣдовательныя сопоставленія съ соответствующими фактами другихъ древне-русскихъ памятниковъ, съ данными живого русскаго языка, а также и съ фактами синтаксиса другихъ славянскихъ языковъ. Поскольку послѣдовательныхъ сопоставленій съ такими фактами нѣтъ, приходится часто не рѣшать, а только ставить вопросы на общемъ фонѣ древне-русскаго синтаксиса.

І. ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНІЙ.

§ 1. Основные типы предложений.

Исходнымъ пунктомъ изслѣдованія синтаксическихъ явленій Синодальнаго списка І Новгородской лѣтописи принимается предложеніе. Строеніе предложенія опредѣляется формами и значеніями входящихъ въ предложеніе членовъ, главныхъ и второстепенныхъ; въ основѣ своей строеніе предложенія опредѣляется характеромъ главныхъ членовъ. По характеру главныхъ членовъ предложенія дѣлятся, прежде всего, на предложенія двусоставныя и предложенія односоставныя. Двусоставныя предложенія — такія предложенія, которыя раздѣляются нашимъ грамматическимъ сознаниемъ на двѣ части: — субъектную и предикатную, и содержатъ въ себѣ оба главные члена — подлежащее и сказуемое. Односоставныя предложенія — такія предложенія, которыя не раздѣляются нашимъ сознаниемъ на двѣ части и содержатъ въ себѣ лишь одинъ главный членъ — сказуемое, вокругъ котораго группируются всѣ второстепенные члены, если они имѣются.

Не касаясь вопроса о происхожденіи и о первоначальности двусоставной или односоставной конструкціи, принимаемъ за исходный пунктъ изслѣдованія предложеніе двусоставное, а) въ виду большей формальной ясности этой конструкціи и б) въ виду несомнѣнно большей ея употребительности. Исходя изъ тѣхъ же основаній — большей формальной ясности и большей распространенности, считаемъ основнымъ типомъ двусоставныхъ предложеній предложеніе съ личнымъ глаголомъ сказуемаго и имен. пад. подлежащаго. Формальная ясность двусоставнаго предложенія съ личной глагольной формой сказуемаго и имен. пад. подлежащаго лежитъ вообще въ основѣ пониманія предложенія съ грамматической точки зрѣнія. Двусоставное предложеніе, въ которомъ подлежащее выражено имен. пад. существительнаго, а сказуемое — согласованной съ нимъ личной глагольной формой, должно быть признано идеальнымъ по формѣ; идеальность формы заключается въ формальной ясности

такого предложенія для нашего грамматическаго сознанія. Отъ этого идеальнаго типа расходятся двѣ линіи, изъ которыхъ одна представляетъ собой способы выраженія подлежащаго, а другая — способы выраженія сказуемаго. Направленіе каждой изъ двухъ линій идетъ до извѣстной степени самостоятельно, такъ что формы сказуемаго и формы подлежащаго подлежатъ отдѣльному разсмотрѣнію. По мѣрѣ расхожденія этихъ линій отъ идеальной формы предложенія, формальная ясность каждаго изъ членовъ, а отсюда и формальная ясность ихъ соотношеній, т. е. цѣлой конструкціи ослабѣваетъ. Такимъ образомъ, выдѣляются предложенія переходныя и недостаточныя. Подъ недостаточными разумѣемъ предложенія, главные члены которыхъ не находятъ себѣ достаточнаго формальнаго выраженія для того, чтобы они могли быть признаны подлежащими или сказуемыми, и ихъ приходится опредѣлять, какъ синтаксически - главные члены.

Односоставныя предложенія — такія предложенія, которыя не раздѣляются въ нашемъ грамматическомъ сознаніи на двѣ части и содержать въ себѣ лишь одинъ главный членъ, вокругъ котораго группируются всѣ второстепенные члены, если они имѣются въ предложеніи. Во вниманіе принимаются наличные словесно выраженные члены безъ какихъ бы то ни было добавленій; такимъ образомъ, предложеніе типа: «хочю ити на Ригу» 208,2 есть предложеніе односоставное, такъ какъ словесно выраженнымъ въ немъ является лишь одинъ главный членъ — сказуемое, хотя другой — подлежащее — и можетъ быть легко возстановленъ по формѣ сказуемаго. Односоставныя предложенія съ главнымъ членомъ — сказуемымъ по формѣ своего сказуемаго подраздѣляются на а) опредѣленно - личныя, б) неопредѣленно - личныя, в) безсубъектныя. Отдѣльно стоятъ недостаточныя односоставныя предложенія. Къ нимъ относимъ такія односоставныя предложенія, главный членъ которыхъ, не являясь сказуемымъ, имѣетъ, однако, въ предложеніи самодовлѣющее независимое положеніе, какъ по формальнымъ признакамъ, такъ и по внутреннему значенію.

Особо стоятъ неполныя предложенія. Къ нимъ относимъ такія предложенія, конструкція которыхъ воспринимается въ связи съ словесно не выраженными, но легко возникающими въ сознаніи членами, опредѣ-

ляющимися съ той или иной полнотой или а) на основаніи наличныхъ членовъ даннаго предложенія или б) въ связи съ контекстомъ, изъ котораго они займствуютъ свое пополненіе.

§ 2. Двусоставныя предложенія съ личной формой глагола.

Въ Синод. списокѣ наблюдаются слѣдующіе типы двусоставныхъ предложеній съ личной формой глагола въ сказуемомъ:

1. Простое сказуемое въ личной глагольной формѣ и подлежащее въ имен. пад. какихъ-либо словъ въ формѣ существительныхъ; это наиболее ясный въ формальномъ отношеніи типъ, который мы назвали, въ силу этого, идеальнымъ по формѣ; типъ этотъ не требуетъ особыхъ замѣчаній; примѣры его многочисленны и варьируются въ зависимости отъ распространенности и сложности предложенія: «рѣкъмоу мѡжъ тѣ» 1,10 и мн. др.¹.

2. Составное сказуемое изъ личной глагольной формы со вторымъ именит. и подлежащее въ имен. пад.

Въ Синод. сп. наблюдаются слѣдующіе варианты этого типа предложеній, различающіеся по характеру сказуемаго:

а) сказуемое составное выражено личной формой глагола «бѣти» и вторымъ именит. существительнаго: «азъ ѡсмь цѣрь» 132,8; «ты ми ѡси снѣ, а азъ тѣбе оцъ» 151,18; «і не то бѣ зло» 255,16; также 192,18, 307,14.

б) сказуемое составное выражено личной формой глагола «бѣти» и вторымъ именит. прилагательныхъ словъ: именемъ прилагательнымъ, мѣстоименіемъ - прилагательнымъ, причастіемъ страдательнымъ, прича-

¹ Всѣ ссылки — по свѣтопечатному изданію Археографической Комиссіи «Новгородская лѣтопись по Синодальному харатейному списку», СПб. 1875. Первая цифра указываетъ страницу, а вторая — строку списка; строка указывается по тому слову, для котораго дается примѣръ. Въ примѣрахъ собственныя имена передаются съ прописной буквы; знаки, за нѣкоторыми исключеніями, особо оговоренными, разставлены согласно современному ихъ употребленію. Варианты приводятся по печатному изданію I Новгородской лѣтописи, изд. Археографической Комиссіи, СПб. 1888 г. по спискамъ К — Археографич. Комиссіи, А — Академическому и Т — Толстовскому (См. Предисловіе къ названному изданію).

стіемъ дѣйствительнымъ; примѣры съ именемъ прилагательнымъ многочисленны: «и ради быша вси по градуу» 21,1 и мн. др.; примѣръ съ мѣстоименіемъ - прилагательнымъ одинъ: «а не вѣдоуще, кака естъ сила крѣпѣна» 290,10; примѣры съ причастіемъ страдательнымъ также многочисленны: «и заложена бы стѣна Софїи Кѣнѣвъ» 2,13 и др.

в) сказуемое составное выражено личной формой полузнаменательныхъ глаголовъ и вторымъ именит. прилагательныхъ словъ: именемъ прилагательнымъ и причастіемъ страдательнымъ: «а клиросъ весь съ людьми падоша ници» 17,18; «и стогаше вса осенина дѣждева» 45,6; «а инии азвѣни вѣбегоша въ Гюргевъ» 234,17; также 125,15, 235,4, 253,17, 262,16, 284,11.

Лексическое значеніе глагола допускаетъ иногда пониманіе его и какъ простого сказуемаго, и тогда прилагательныя слова выступаютъ какъ опредѣленія; въ силу этого, характеръ сказуемаго остается въ нѣкоторыхъ подобныхъ примѣрахъ сомнительнымъ, напр., — «и стапа дѣньє зли» 30,10; но такіе случаи колебанія не вносятъ ничего новаго по существу въ форму сказуемаго.

Примѣровъ съ личной формой полузнаменательныхъ глаголовъ и вторымъ именит. существительныхъ словъ въ Синод. сп. не наблюдается.

3. Сказуемое съ творительнымъ предикативнымъ и подлежащее въ имен. пад.

Въ непосредственной близости къ составному сказуемому стоитъ сказуемое съ творит. предикативнымъ, развившимся изъ второго именит. Творит. предикативный есть такой творит. пад. имени, который входитъ въ составъ сказуемаго соотвѣтственно второму именит. и можетъ чередоваться съ этимъ послѣднимъ. Въ Синод. сп. наблюдаются слѣдующіе типы сказуемаго съ твор. предикативнымъ при имен. пад. подлежащаго:

а) Сказуемое состоитъ изъ личной формы глагола «быти» и имени существ. въ твор. пад.: «да не боудеть Новыи тѣргъ Новгородомъ, ни Новгородъ Тѣржкомъ» 165,14. Примѣровъ съ прилагательными словами не наблюдается.

б) Сказуемое состоитъ изъ личной глагольной формы полузнаменательнаго глагола и имени существительнаго въ твор. пад.: «а самъ

прѣмь ста» 128,1»; этотъ же примѣръ въ той же части списка (Сказаніе о взятіи Царьграда) 132,6, 135,4. Примѣровъ съ прилагательными словами не наблюдается.

в) Творительный предикативный имени существительнаго входитъ въ сказуемое составное: «поставленъ бѣ помѣ въ сыропоую нѣ, архипѣмъ по чѣби нѣ на сборъ» 219,16.

§ 3. Двусоставныя предложенія съ именной частью сказуемаго безъ связки.

Сюда относятся такія двусоставныя предложенія, въ которыхъ выразителемъ предиката является именная часть составнаго сказуемаго при отсутствіи личной глагольной формы-связки.

Согласно съ этимъ, двучленные предложенія безъ личной глагольной формы-связки а ргіогі раздѣляются на 1) предложенія со вторымъ именит. и 2) предложенія съ твор. предикативнымъ.

Двусоставныя предложенія съ вторымъ именит. составнаго сказуемаго безъ связки наблюдаются въ Синод. сп. въ слѣдующихъ типахъ:

а) второй именит. выраженъ именемъ существительнымъ: «гзъ вашъ прѣ» 134,12; «ты на кнѣзь» 231,6 и др.

б) второй именит. выраженъ именемъ прилагательнымъ или причастіемъ страдательнымъ: «а вы вольни въ кнѣзѣхъ» 159,15; «и кто не пожалоукъ сего: сватба пристроена, меды изварены, невѣста приведена, кнѣзи позвани» 232,19.

в) Отдѣльно надо отмѣтить примѣры съ именной формой сравнит. степени, переходной отъ прилагательнаго, не согласованнаго въ родѣ съ подлежащимъ, къ нарѣчію: «а тамо того силнѣе огонь» 301,11. Въ Синод. сп. именныя формы сравнит. степени прилагательныхъ, какъ вторые именит., стоятъ уже на пути къ утратѣ согласованія въ родѣ и числѣ, хотя и не перешли еще въ нарѣчія (см. § 14-й); въ силу этого, данный примѣръ можетъ быть отнесенъ къ этому же типу предложеній со вторымъ именит. прилагательнаго безъ связки. Иначе его пришлось бы выдѣлить въ особую конструкцію съ нарѣчіемъ сравнит. степени въ

составномъ сказуемомъ; типъ составного сказуемаго съ нарѣчіемъ въ сравнит. степени принимаемъ для дальнѣйшей исторіи русскаго языка. Другой примѣръ этого типа съ союзомъ «іако»: «градъ же іако габльковъ боле» 60,1.

Двусоставныхъ предложеній съ творит. предикативнымъ безъ личной глагольной формы въ Синод. сп. не имѣется.

§ 4. Предложенія съ количественными словами въ подлежащемъ. Переходно-безсубъектныя предложенія.

Предложенія, въ которыхъ личная форма глагола, субъектнаго по значенію, соединяется съ количественнымъ словомъ, признаются субъектными, или переходными, или безсубъектными въ зависимости отъ двухъ обстоятельствъ: во-первыхъ, отъ формы самого количественнаго слова и, во-вторыхъ, отъ наличности согласованія личной глагольной формы, какъ сказуемаго, съ даннымъ количественнымъ словомъ. Въ первомъ отношеніи для признанія предложенія субъектнымъ требуется выраженіе количественнаго слова существительной формой въ имен. пад., которая и признается подлежащимъ; во второмъ отношеніи требуется наличность согласованія сказуемаго съ даннымъ количественнымъ словомъ, что является выраженіемъ ихъ взаимоотношенія, какъ сказуемаго съ подлежащимъ. При отсутствіи этихъ условій предложенія съ количественными словами не признаются субъектными, а слѣдовательно, и двусоставными, но — или безсубъектными или переходными. Въ квалификаціи отдѣльныхъ видовъ предложеній съ количественными словами существуютъ разногласія, но они зависятъ отъ различныхъ взглядовъ именно на эти указанные стороны данныхъ предложеній.

Въ примѣненіи къ даннымъ Синод. сп. намѣченные типы предложеній распределяются слѣдующимъ образомъ. Къ двусоставнымъ субъектнымъ предложеніямъ съ количественными словами относятся слѣдующіе типы предложеній Синод. сп.:

1. Количественное слово есть числительное «ѡ», какъ опредѣленіе при подлежащемъ—имени существительномъ въ имен.-дв.; сказуемое въ дв. ч.: «оутопоста ѡ пѡ» 47,4.

2. Количественное слово есть числительное «Г̄»¹, какъ опредѣленіе при подлежащемъ—имени существительномъ въ имен. множ.; сказуемое во множ. ч.: «сѣгорѣша цркви Г̄» 79,1 (К—«церквии»).

3. Количественное слово выражается именемъ существительнымъ съ отвлеченнымъ значеніемъ количества (множество, число), при которомъ стоитъ род. мн. исчисляемыхъ предметовъ; сказуемое во мн. ч.: «поідоша къ Володимиру мнѣство кровопролитець крѣтъаньскына крѣви» 245,9.

4. Количественное слово выражается именемъ числительнымъ отъ пяти и далѣе, при которомъ стоитъ род. мн. исчисляемыхъ предметовъ; сказуемое во мн. ч.: «и сѣдоша 5 кнѣзь въ шатрѣ» 146,7.

5. Количественное слово выражается формой, переходной къ нарѣчію, сохраняющей значеніе им. пад.; при ней род. мн. исчисляемыхъ предметовъ; сказуемое во мн. ч.: «а мало ихъ оубѣжаша, и ти ѣзвни» 65,1.

6. Количественное слово выражается числительнымъ «В̄» въ сочетаніи съ существительнымъ исчисляемыхъ предметовъ, форма котораго сходна съ внѣшней стороны съ им. дв. и род. ед.; сказуемое во мн. ч.: «два попа сгорѣша» 302,5.

Во всѣхъ указанныхъ типахъ предложеній имѣется имен. пад., обозначающій подлежащее, а въ сказуемомъ имѣются явные признаки согласованія съ подлежащимъ (во мн. или дв. ч.); поэтому, всѣ указанные типы предложеній являются двусоставными, субъектными предложеніями. Но въ предложеніяхъ съ такими же формами количественныхъ словъ и съ такими же сочетаніями ихъ съ род. пад. исчисляемыхъ предметовъ, но со сказуемыми въ ед. ч.,—эти предложенія являютъ собою уже иную конструкцію, такъ какъ форма ед. ч. сказуемаго въ данныхъ типахъ можетъ выразить согласованіе съ подлежащимъ, но можетъ отражать и безусубъектность предложенія. Въ формѣ сказуемаго ед. ч. не имѣется вполнѣ достовѣрныхъ указаній на связь его съ количественнымъ словомъ, какъ съ подлежащимъ, и съ этой точки зрѣнія предло-

¹ Сюда же нужно бы прибавить и «д̄», но соответствующихъ примѣровъ въ Синод. сп. нѣтъ; примѣры съ ед. ч. сказуемаго при «д̄»: 260,7, 330,15.

женія данной конструкторіи могутъ быть и двусоставными — субъектными и односоставными — безсубъектными. Опредѣленіе строя усложняется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что форма количественнаго слова можетъ быть понята, при отсутствіи явной ея связи со сказуемымъ, какъ форма не имен., а вин. пад., на возможность котораго въ подобныхъ предложеніяхъ указываютъ нѣкоторые примѣры инославянскихъ языковъ съ несомнѣннымъ вин. пад. Въ ученой литературѣ по вопросу о строѣ данныхъ предложеній наблюдаются разногласія. Такъ Miklosich видѣлъ въ предложеніяхъ съ ед. ч. сказуемаго предложенія субъектныя съ им. пад. (Synt. 53); Jagić оспаривалъ это мнѣніе и видѣлъ въ им. пад. тамъ, гдѣ эта форма несомнѣнна, новообразование вм. вин., свойственнаго этимъ оборотамъ, какъ безсубъектнымъ (Beitr. z. Slav. Synt. 16, 42); Потебня видѣлъ въ формѣ количественнаго слова при несогласованномъ сказуемомъ ед. ч. форму им. пад., «который есть не настоящее, а бывшее подлежащее, уже не принимаемое за субстанцію, производящую дѣйствіе» (Изъ запис., III, 452). Какъ видно, и эти разногласія сводятся къ указаннымъ двумъ сторонамъ разсматриваемой конструкторіи: къ формѣ количественнаго слова и къ его соотношенію со сказуемымъ.

Итакъ, конструкторіа разсматриваемыхъ предложеній связывается, прежде всего, съ формой количественнаго слова. Что показываетъ въ этомъ отношеніи Синод. списокъ?

Извѣстно, что именно славянскимъ языкамъ свойственно обозначеніе числа, какъ субстанціи въ формѣ существительнаго, при которомъ имя исчисляемыхъ предметовъ стоитъ въ род. мн., какъ применное дополненіе. Такими существительными были слова, обозначающія числа 5 — 10, 90, 100, 1000, слово сорокъ; сюда же примыкали и сложные числительныя, въ которыхъ отдѣльныя части сложенія сливались въ одно цѣлое слово-существительное; это особенно касается именъ для чиселъ 11—14, которыя стали соединяться съ род. мн. исчисляемыхъ предметовъ (наблюдается въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ и въ нѣкоторыхъ древне-церковно-славянскихъ памятникахъ: «дѣванадесате златицѣ» вмѣсто «дѣвъ на' десате златици»; см. Miklos., Synt. 481).

Такими же существительными являлись и числительныя съ собира-

тельными значеніемъ. И только числовыя обозначенія для чиселъ 1, 2, 3, 4 были прилагательными, согласовавшимися съ именами исчисляемыхъ предметовъ, какъ со своими опредѣляемыми. Это формальное состояніе языка вполне сохраняется въ Синод. сп. Числительныя (кроме названныхъ прилагательныхъ формъ) послѣдовательно выступаютъ въ Синод. сп. въ формѣ существительныхъ, при которыхъ имя исчисляемыхъ предметовъ стоитъ въ род. мн.; для числительныхъ сложныхъ 11—19 также имѣются указанія на ихъ сліяніе въ одну существительную форму съ род. множ.: «іде мюро. . . по вѣ дѣнии» 260,7 и др. (см. § 30); согласно съ этимъ, въ Синод. сп. наблюдаются и два примѣра согласованія опредѣленія съ числительнымъ существительнымъ въ родѣ и числѣ: «и то р̄ моу» 164,10; «въза. . . з̄ новую» 201,8; примѣровъ съ опредѣленіемъ въ им. мн. типа «цѣлыя пять лѣтъ» въ Синод. сп. не встрѣчается.

Сказанное о числительныхъ-существительныхъ относится и къ другимъ типамъ количественныхъ словъ, встрѣчающихся въ Синод. сп., а именно къ именамъ «много, мало, нѣсколько, толико»; для послѣднихъ не имѣется только положительныхъ примѣровъ, съ относящимися къ нимъ и съ ними согласованными опредѣленіями типа: «то р̄. моу».

Такимъ образомъ, разсматриваемыя количественныя слова послѣдовательно сохраняютъ въ Син. сп. существительныя формы по своему склоненію и управленію применнымъ дополненіемъ и опредѣленіемъ. Если прибавить къ этому то, что при числительныхъ и при другихъ количественныхъ словахъ въ существительной формѣ сказуемое стояло иногда во мн. ч., то легко сопоставить ихъ съ именами существительными съ собирательнымъ значеніемъ, что обычно и встрѣчается въ ученой литературѣ. Однако, насколько первое положеніе о существительной формѣ количественныхъ словъ для извѣстнаго періода отдѣльныхъ славянскихъ языковъ, въ томъ числѣ и для Синод. сп., является несомнѣннымъ, настолько второе положеніе — о собирательномъ значеніи этихъ существительныхъ—кажется сомнительныхъ. Рядъ фактовъ сильно подрываетъ обоснованность этого положенія. Факты эти таковы.

1. Въ то время какъ имена существительныя собирательныя обычно соединяются въ Синод. сп. со сказуемымъ во мн. ч. (см. § 15), при су-

существительныхъ формахъ числительныхъ и другихъ количественныхъ словъ въ немъ, обратно, послѣдовательно наблюдается сказуемое въ ед. ч.; при числительныхъ количественныхъ имѣется лишь одинъ примѣръ со сказуемымъ во мн. ч.: «и сѣдоша $\bar{\text{ѡ}}$ кнѣзь въ шатрѣ, а Глѣбъ и Ольгъ оу Всеволода въ шатрѣ» 146,7; при другихъ существительныхъ формахъ съ количественнымъ значеніемъ сказуемое во мн. ч. также встрѣчается лишь въ одномъ примѣрѣ: «а мало ихъ оубежаша» 651; (примѣръ «ово ихъ измѣроша» 24,7 относимъ къ примѣрамъ съ собирательнымъ, а не съ количественнымъ значеніемъ). Такимъ образомъ, имена существительныя съ собирательнымъ значеніемъ и существительныя формы числительныхъ и другихъ количественныхъ словъ рѣзко различаются между собою въ своемъ соотношеніи со сказуемымъ.

2. Въ случаяхъ, гдѣ подлежащее-числительное проявляется какъ дѣйствительное имя существительное ж. р., при которомъ выступаетъ опредѣленіе, согласованное съ нимъ въ родѣ и числѣ, въ этихъ случаяхъ сказуемое стоитъ обычно какъ разъ не во мн., а въ ед. ч. (ср. «та пять вервей шла»); тамъ же, гдѣ сказуемое выступаетъ во мн. ч., опредѣленіе при подлежащемъ тоже выступаетъ во мн. ч., или же совсѣмъ отсутствуетъ (ср. «всѣ семь оумѣрѣша, неоставльше чадъ» Мар. Ев. Лука, XX,31; см. также примѣры: Потѣбня, Изъ зап. III, 447, 448, 449); Синод. сп. не даетъ въ этомъ отношеніи достаточнаго матеріала; его примѣры со мн. ч. сказуемаго не имѣютъ опредѣленія при подлежащемъ (ср., впрочемъ: «нѣ вси быша единодѣшно и то $\bar{\text{р}}$. моу» 164,9; примѣръ этотъ, однако, не показателенъ, такъ какъ «то $\bar{\text{р}}$.» не соединяется непосредственно со сказуемымъ, а носитъ добавочный характеръ); примѣровъ съ опредѣленіемъ во мн. ч. или примѣровъ типа «та пять вервей шла» въ Синод. сп. нѣтъ.

3. Множ. ч. сказуемаго при имен. пад. количественныхъ словъ наблюдается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда имя¹ исчисляемыхъ предметовъ стоитъ въ род. мн.: «мало ихъ оубежаша» 65,1, «и сѣдоша $\bar{\text{ѡ}}$ кнѣзь». . . 146,7; но въ случаяхъ, гдѣ съ количественнымъ словомъ соединяется

¹ Это имя можетъ оставаться и невыраженнымъ словесно, ср.: «колико на та сѣвѣдѣтельствоужъ тѣ». Остр. Ев. 197.

дополненіе въ род. ед., тамъ сказуемое послѣдовательно употребляется въ ед. ч.: «и много са зла створи» 30,13 и мн. др.

4. Наконецъ, какъ извѣстно, историческій процессъ перехода сочетаній именъ собирательныхъ со мн. ч. сказуемаго въ сочетанія ихъ съ ед. числ. сказуемаго коснулся только именъ собирательныхъ, но ничего не измѣнилъ въ отношеніи количественныхъ именъ.

Всѣ эти факты опровергаютъ собирательное значеніе данныхъ количественныхъ именъ; вѣрнѣе предположить, что въ языкѣ различались собирательность и количество, и что мн. ч. сказуемаго и опредѣленія при количественныхъ словахъ вызывалось не собирательнымъ значеніемъ самого количественнаго слова, а представленіемъ множественности исчисляемыхъ предметовъ, имя которыхъ стояло въ род. пад. мн. ч. Это предположеніе относится не только къ Синод. сп.; оно согласуется вообще съ показаніями древне-русскихъ памятниковъ и памятниковъ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ¹.

Итакъ, количественныя слова въ существительной формѣ не принадлежатъ къ категоріи существительныхъ собирательныхъ по своему синтаксическому положенію. Какъ извѣстно, при существительныхъ собирательныхъ, какъ подлежащихъ, сказуемое выступаетъ иногда не во мн., а въ ед. числѣ; такіе примѣры встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ памятникахъ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ, встрѣчаются они и въ Синод. сп.; «и обрадоваса весь Новгородъ» 123,5 (см. § 15); но это обстоятельство само по себѣ нисколько не нарушаетъ конструкціи предложенія: она остается такой же двусоставной субъектной съ им. пад. подлежащаго и только со сказуемымъ въ ед. ч. вмѣсто множ. Въ предложеніяхъ же съ количественными словами число сказуемаго имѣть

¹ Примѣры, приводимые въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ и грамматическихъ курсахъ, согласуются съ намѣченными положеніями, хотя часто и не распредѣляются соотвѣтственно съ ними; см. напр. Jagić, Beitr., стр. 38—42; Miklosich, Synt, 53 и сл.; Буславъ, Синт., 244—249; Потебня, Изъ зап. III, 448—451; Kalina, «O liczebnikach w języku staropolskim» — Rozprawy i sprawozd. z posiedzen' wydziału filolog. Akad. Umiejętn., t. VI, стр. 43 и сл. и др. Съ этой точки зрѣнія кажется очень неопредѣленнымъ замѣчаніе Потебни, что *«весьма рано числительныя количественныя 5—10 становятся существительными собирательными, т. е. согласуются со сказуемымъ во множ. числѣ»* (Изъ зап. III, 448).

несомнѣнное вліяніе на всю конструкцію предложенія, и конструкція съ ед. ч. сказуемаго понимается различно отдѣльными изслѣдователями.

Опредѣленіе конструкціи предложеній съ единств. ч. сказуемаго при количественномъ словѣ также должно быть связано, во-первыхъ, съ формой количественнаго слова и, во-вторыхъ, съ соотношеніемъ между количественнымъ словомъ и сказуемымъ. Каково это соотношеніе по даннымъ Синод. сп.? Прежде всего, представляется, что форма сказуемаго въ значительной степени является независимой отъ формы количественнаго слова. Внѣшніе формальные признаки въ Синод. сп. даютъ немного положительныхъ данныхъ для такого вывода, такъ какъ ед. ч. сказуемаго во многихъ случаяхъ, само по себѣ, ничего не говоритъ; однако, все-таки для этого вывода имѣются нѣкоторые формальные указанія въ такихъ примѣрахъ, какъ бо осталоса: «бѣ ихъ ꙗкоу» 106,1; «іде мюро . . . наіде ѿ вошавици» 260,7; «бѣше новгородьць ѿ, а соуждаальць ѿ» 71,12; «и сѣгорѣ дворовъ ѿ и ѿ» 153,10.

Но главнымъ образомъ независимость сказуемаго отъ количественнаго слова выясняется изъ внутреннихъ соотношеній и значеній и связывается съ слѣдующимъ обстоятельствомъ. Русскому языку (какъ и другимъ славянскимъ языкамъ) свойственна конструкція съ глаголомъ, субъектнымъ по значенію, въ безсубъектной формѣ съ род. дополненія. По опредѣленію Потебни, род. дополненія обусловленъ въ этой конструкціи, во-первыхъ, лексическимъ значеніемъ глагола, а именно — онъ является при глаголахъ «со значеніемъ увеличенія, уменьшенія, достаточности», въ коихъ самихъ по себѣ мыслится количество: «убыло воды»; во-вторыхъ, род. является, какъ дополненіе опущеннаго обозначенія количества (много и т. п.), напр. «нашло народу» (Изъ зап. III, 438—440); какъ третій случай, выступаютъ предложенія, въ которыхъ обозначеніе количества имѣется налицо: «наѣхало много народу»; наконецъ, сюда же можно прибавить еще и конструкцію съ род. пад. при безсубъектномъ сказуемомъ съ отрицаніемъ: «не было денегъ». Наличность въ языкѣ отмѣченныхъ конструкцій, хотя и различавшихся по происхожденію, несомнѣнно, вызвала аналогію между ними¹ и легко могла приводить къ обобщенію, что, если глаголъ въ субъектной формѣ требуетъ

¹ Какъ на примѣры взаимодействія этихъ конструкцій можно указать на

выраженія субстанціи-подлежащаго въ им. пад. по вопросу *кто? что?*, то этотъ же глаголь въ безсубъектной формѣ требуетъ дополненія по вопросу *кого? чего?*. Такое соотношеніе легко возникало и въ конструкціи съ количественными словами и сочетаніями, т. е. въ нихъ возникала синтаксическая связь между глаголомъ, становившимся безсубъектнымъ, и род. пад., который какъ-бы отрывался отъ количественнаго имени и становился въ зависимость отъ безсубъектнаго сказуемаго: «наде ихъ», какъ «убыло воды», а количественное имя въ им. пад. тѣмъ самымъ теряло свою связь съ род. пад. и свое прямое соотношеніе съ глаголомъ-сказуемымъ; оно становилось независимымъ выраженіемъ количества на вопросъ «сколько?»¹. При такомъ пониманіи конструкціи предложенія, субъектность значенія глагола удовлетворяется род. пад. дополненія, противорѣчіе, такимъ образомъ, устраняется, и имен. пад. поэтому можетъ не обозначать подлежащаго, какъ производителя дѣйствія. Согласно съ этимъ предположеніемъ, въ Синод. сп. должно такъ или иначе отражаться намѣченное взаимоотношеніе между именит. количества, родит. исчисляемыхъ предметовъ и сказуемымъ. И дѣйствительно, въ Синод. сп. имѣются указанія на такое взаимоотношеніе между названными членами предложенія, а именно на такое взаимоотношеніе указываетъ порядокъ словъ. Въ то время какъ приименное дополненіе въ род. пад. примыкаетъ обычно къ своему управляющему слову и стоитъ послѣ него, род. пад. исчисляемыхъ предметовъ въ разсматриваемыхъ предложеніяхъ совершенно отделяется отъ количественнаго слова. Для сравненія можно указать, прежде всего, на приведенные выше, рѣдкіе въ Синод. сп. примѣры субъектныхъ предложеній со множ. ч. сказуемаго при количественномъ

то, что при глаголахъ со значеніемъ уменьшенія, увеличенія, достаточности и т. д. слово, означающее количество, выступаетъ все-таки не въ род. п., а въ имен. (что отмѣчено самимъ Потембей): «убыло два человекѣ» (Изъ зап. III, 439), также и на то, что при нѣкоторыхъ глаголахъ обозначеніе количества возможно и въ роди въ имен. (вин.) пад.: «хватитъ два рубля» и «хватитъ двухъ рублей».

¹ При этомъ въ нѣкоторыхъ предложеніяхъ наблюдаются два род.: одинъ, ближайшій къ количественному обозначенію, остается при немъ и вмѣстѣ съ нимъ составляетъ независимое сочетаніе количества съ имен. пад.; второй отрывается отъ этого сочетанія и связывается съ безсубъектнымъ глаголомъ-сказуемымъ: «бѣ бо осталосѣ ихъ ꙗ мѹ» 1061, ср. также 715.

имени подлежащаго: «и сѣдоша \bar{c} кнѣзь въ шатрѣ» 146,7; «а мало ихъ оубежаша» 65,1; также: «поидоша къ Володимириу мно̀ство кро̀во-про̀литець крѣтыгнѣскыи крѣви» 245,9; а далѣе — на субъектныя предложенія съ род. пад. дополненія при подлежащемъ—имени собирательномъ: «и тѣгда придоша избытъкъ живыхъ изъ Югры» 108,6; «а прокъ ихъ разбѣгошася» 203,7, 73,7, 195,8, 206,18 и др. Между тѣмъ, въ предложеніяхъ съ ед. ч. сказуемаго при имен. пад. количественнаго имени дополненіе въ род. пад. располагается нерѣдко передъ количественнымъ именемъ, —или непосредственно передъ нимъ, или даже совсѣмъ отдѣльно отъ него, причемъ количественное имя отодвигается обычно къ концу предложенія. При именахъ числительныхъ такое расположеніе словъ проводится въ Синод. сп. довольно послѣдовательно: «а црѣкви цѣгныхъ \bar{i} сьгорѣ» 29,9; «и паде ихъ \bar{t} и \bar{a} » 71,14, 71,12, 106,1, 108,4, 153,10, 202,15, 330,14; «а црѣкви сьгоре \bar{i} » 54,1, 82,10, 175,7, 207,1, 313,15; «а головъ сгорѣ \bar{z} .ро» 312,20; сказуемое при этомъ въ большинствѣ случаевъ предшествуетъ количественному имени; только въ трехъ примѣрахъ род. исчисляемыхъ предметовъ непосредственно слѣдуетъ за количественнымъ именемъ: «на Торговомъ полоу \bar{v} и црѣкви сгорѣ» 302,2; «в Неревьскомъ конци \bar{i} црѣкви сгорѣ \bar{i} многа оузорочыя въ црѣвахъ» 302,6; « \bar{i} -тако поженеть единь \bar{r} . вась, а \bar{w} ста побѣгнѣ \bar{z} .а вась» 290,4; въ этихъ предложеніяхъ, особенно въ послѣднемъ, возможно субъектное значеніе.

При другихъ количественныхъ словахъ указанное расположеніе словъ проводится въ Синод. сп. не такъ послѣдовательно; однако, свобода положенія количественнаго имени относительно род. пад. исчисляемыхъ предметовъ наблюдается и здѣсь: «оныхъ же баше много» 77,14; «баше же новгородцевъ мало» 165,6, 234,14, 234,17; «а низовьчъ нѣколько паде» 235,4, 228,16; «и много леже обоихъ» 52,7, 93,18, 321,19; встрѣчаются и примѣры съ порядкомъ словъ, болѣе свойственнымъ субъектнымъ предложеніямъ, хотя и не всегда съ этимъ значеніемъ: «и нѣколько головъ сгорѣ» 285,9; «ио за грѣ наша нѣколько моу добрыхъ паде» 323,23; «толико бо всехъ вои башеть» 167,1, 206,7, 302,4¹.

¹ Въ одномъ изъ примѣровъ нѣтъ род. пад. исчисляемыхъ предметовъ:

Такой порядокъ словъ указываетъ на то, что въ предложеніяхъ съ ед. ч. сказуемаго при имен. пад. количественныхъ именъ эти послѣднія выступаютъ не съ значеніемъ субстанціи и не въ синтаксическомъ положеніи подлежащаго, а обозначаютъ отвлеченное количество на вопросъ «сколько?». Имен. пад. не воспринимается уже какъ производитель дѣйствія сказуемаго, т. е. какъ подлежащее; фактическій производитель дѣйствія, выраженный род. пад., не можетъ, въ силу своей формы, выступить въ качествѣ подлежащаго и перетягивается къ глаголу-сказуемому, какъ его дополненіе; предложеніе становится безсубъектнымъ. Это относится какъ къ предложеніямъ съ имен. пад. числительныхъ, такъ и къ предложеніямъ съ имен. пад. такихъ количественныхъ словъ, какъ «нѣколико, толико, много, мало». Но болѣе того: въ этотъ же процессъ были вовлечены и нѣкоторыя имена существительныя (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) съ количественнымъ значеніемъ. Такими именами существительными являются въ Синод. сп. имена: «множество» и «число». На то, что предложенія съ имен. пад. названныхъ существительныхъ вовлекались въ группу переходно-безсубъектныхъ конструкцій, указываютъ слѣдующіе факты:

1) Въ Синод. сп. не имѣется вполнѣ показательныхъ примѣровъ съ мн. ч. сказуемаго при имен. пад. названныхъ именъ; въ немъ есть два примѣра, которые могутъ быть сюда отнесены, но лишь съ нѣкоторыми оговорками; одинъ примѣръ: «тогда же Разань безбожнымъ и поганымъ татаромъ вземшемъ, поидоша къ Володимирю мноство кровопролитець крѣтъяньскыа крѣви» 2459; множ. число сказуемаго въ этомъ примѣрѣ связывается не только со словомъ «мноство», но и съ придаточной частью предложенія: . . «безбожнымъ и поганымъ татаромъ вземшемъ»; второй примѣръ: «в неі же баше мноство чюди влѣзше» 287,17 требуетъ оговорокъ въ томъ отношеніи, что связка является здѣсь въ ед. ч.; впрочемъ, конструкція даннаго предложенія представляется явно субъектной. Во всѣхъ другихъ случаяхъ сказуемое при существительныхъ «множество» и «число» выступаетъ въ ед. ч.: 8,6, 60,9, 62,9, 78,2, 80,5, 252,21¹.

«и много паде тоу с кѣземь и с Еремѣемъ» 244,2; это обстоятельство не вноситъ существенныхъ измѣненій въ конструкцію предложенія.

¹ На переходно-безсубъектное значеніе подобныхъ предложеній имѣются

2) Въ названныхъ предложеніяхъ наблюдается иногда и тотъ порядокъ словъ, который былъ выше отмѣченъ для переходно-безсубъектной конструкціи: «и паде ихъ бещисленноѣ число» 8,6; «и паде обоихъ множество много» 80,5; другіе примѣры не доказательны въ отношеніи порядка словъ: «и множество паде головъ» (КАТ много) 78,2; «и конь мѣножество помре» (КАТ много) 60,9; «и множество половець паде» 62,9; «і мноѣство много ихъ паде» 252,21.

Далѣе, въ этотъ же процессъ вовлекаются и предложенія съ числительными-прилагательными 2—4, служившими опредѣленіями къ имен. пад. подлежащаго въ двусоставныхъ предложеніяхъ со мн. или дв. ч. сказуемаго; на это вовлеченіе указываетъ примѣръ со сказуемымъ въ ед. ч.: «іде мюро. . . наіде ѿ вошцаници» 260,7.

Кромѣ того, надо отмѣтить еще тѣ предложенія, въ которыхъ им. пад. количественнаго слова соединяется не съ род. мн. исчисляемыхъ предметовъ, а съ род. ед.: «і много зла бѣ» 254,12 и др.; въ этихъ предложеніяхъ сказуемое всегда въ ед. ч.; однако, и въ нихъ форма ед. ч. не является непремѣннымъ выраженіемъ согласованія, и эти предложенія по своей конструкціи и по распорядку словъ сходны съ вышерассмотрѣнными: «и много са зла створи» 30,13, также 161,13, 254,12, 272,14, 285,8; «і створиса не мало зла» 317,18; «і мно бѣ заматни Соуждальскоі земли» 308,5, также 53,16, 90,10; «и толико оста ѣго» 40,17; «и не бѣ зла ничтоже» 59,11.

Такимъ образомъ, Синод. сп. даетъ, несомнѣнно, указанія на безсубъектную конструкцію предложеній съ ед. ч. сказуемаго при имен. пад. количественныхъ именъ. Однако, это не значитъ, что всѣ подобныя предложенія Синод. сп., не имѣющія явныхъ формальныхъ признаковъ субъектности, должны быть признаны безсубъектными. Эти предложенія могутъ восприниматься и какъ субъектныя и какъ безсубъектныя, и въ языкѣ писца они тоже могли выступать какъ съ тѣмъ, такъ и съ другимъ значеніемъ, почему они и опредѣляются здѣсь, какъ переходно-

указанія и внѣ данныхъ Синод. сп. На него указываютъ такія предложенія, какъ «пришло ихъ тѣма» и др., см. Потебня, Изъ зап. III, 444—5; тамъ же соответствующіе примѣры инославянскихъ языковъ; также Miklosich, Synt. 34—35 и др.

безсубъектныя. Переходность понимается въ данномъ случаѣ, какъ возможность колебанія между двумя конструкціями на основѣ внутреннихъ значеній, при однихъ и тѣхъ же внѣшне-формальныхъ признакахъ, такъ что одно и то же предложеніе можетъ восприниматься и какъ субъектное и какъ безсубъектное. Внѣшнимъ критеріемъ для опредѣленія переходнаго предложенія, какъ субъектнаго или безсубъектнаго, можетъ служить лишь разстановка словъ. Впрочемъ, та или иная конструкція предложеній даннаго типа зависитъ, кромѣ того, въ нѣкоторой мѣрѣ отъ степени субстанціальности, свойственной вообще данному количественному имени; такъ, предложенія съ имен. пад. имени существительнаго въ тѣсномъ смыслѣ этого слова скорѣе представляются нашему сознанію, какъ субъектныя, сравнительно съ предложеніями съ имен. пад. числительныхъ или съ другими количественными словами; однако, зависимость конструкціи отъ этихъ данныхъ является лишь относительной, но не безусловной. Переходность конструкціи съ ед. ч. сказуемаго сказывается и въ томъ, что при такомъ сказуемомъ, рядомъ съ количественными словами, не имѣющими значенія подлежащаго, можетъ выступать и явное подлежащее: «и цр̄к̄виѣ съгоре ѿ̄, а ѿ̄-а варазьскаѧ» 54,1; и съгорѣ цр̄к̄виѣ ѿ̄ и домове величии» 107,12, 302,6, 313,5, 313,21.

Съ другой стороны, въ субъектныхъ предложеніяхъ Синод. сп., рядомъ съ другими подлежащими, встрѣчаются и количественныя слова съ род. пад. исчисляемыхъ предметовъ, напр.: «бѣжа Костантинъ посадникъ къ Всѣволодоу, и инѣхъ добрыхъ моужъ нѣколико» 35,8; «кнѣзь же Гирславъ и Володимиръ съ снѣмъ и с новотържци, княжъ дворъ, новгородцевъ мало, торопцане съ кнѣзьмъ своимъ Дѣдмъ поидоша по нихъ» 202,19; «сгорѣ цр̄к̄ы ст̄го Васильѧ, а дворовъ добрыхъ ѿ̄» 276,7, также 273,8, 276,10 330,23.

Къ сказанному о переходно-безсубъектной конструкціи нужно прибавить еще слѣдующія замѣчанія. Синтаксическое положеніе количественнаго имени можетъ быть опредѣлено для Синод. сп. какъ независимый имен. количества. При этомъ существительная форма должна быть принята для Синод. сп. не только для именъ числительныхъ количественныхъ, но и для такихъ количественныхъ словъ, которыя въ дальнѣйшей исторіи русск. языка перешли въ нарѣчія, какъ «много»,

«мало»; на это указываютъ такіе примѣры Синод. сп., какъ «съ маломъ дружингы» 124,10; «съ нѣсколькомъ дружингы» 124,17, хотя эти формы рѣдки въ Синод. сп.; въ другихъ спискахъ здѣсь варианты: КАГ — «съ малою дружиною», АГ — «с нѣколикыми другы». Что же касается формы падежа, то Синод. сп. не даетъ никакихъ указаній на форму именно имен., а не вин. пад.: въ наличныхъ формахъ имен. и вин. пад. не различаются, за очень рѣдкими исключеніями, гдѣ какъ разъ имѣются обычные при обозначеніи числительныхъ численные знаки: «а Ѡ ста побѣгнѣ ꙗ васъ» 290,4.

Въ силу этого и согласно со всѣмъ вышеизложеннымъ, форма количественныхъ словъ принимается въ разсматриваемыхъ конструкціяхъ, какъ форма имен. пад., но не вин.; вмѣстѣ съ этимъ представляется, что форма им. пад. должна быть вообще принята для данныхъ конструкцій, какъ первичная, сравнительно съ вин. пад., чтò, конечно, не исключаетъ возможности чередованія имен. и вин. пад. въ подобныхъ конструкціяхъ уже въ древнѣйшее время въ отдѣльныхъ славянскихъ и въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ. Употребленіе вин. пад. сильно отражается на конструкціи данныхъ предложеній, а именно вин. пад. дѣлаетъ конструкцію безеубъектной¹. Но Синод. сп., повторяемъ, не даетъ въ этомъ отношеніи никакихъ указаній.

Далѣе, соотношеніе количественнаго слова и род. пад. исчисляемыхъ предметовъ можетъ быть троякимъ: а) количественное слово въ существительной формѣ имѣетъ значеніе субстанціи, и род. пад. относится къ нему, какъ его приименное дополненіе: «и множество половець паде» 62,9; б) количественное слово отдѣляется отъ род. пад., примыкающаго къ глаголу-сказуемому, причемъ оно сохраняетъ суще-

¹ Развитие вин. пад. отмѣчается вообще для славянскихъ языковъ, но особенно для польск. и сербск. языковъ, а въ русск. для малорусск. нарѣчія; см. Miklosich, Synt. 391, 357 и др., Поповъ, Синт. изслѣд. 123 — 125 и др. Въ русскомъ литератур. языкѣ имѣемъ несомнѣнные примѣры вин. пад. въ подобныхъ конструкціяхъ, однако не считаемъ основательнымъ видѣть здѣсь вообще уже вин. пад., какъ это дѣлаютъ Овсянико-Куликовскій и Сакулинъ въ «Практич. курсѣ синтаксиса русск. яз.», стр. 182; ср. Jagić, Beitr. 42, гдѣ исторически первоначальнымъ признается вин. пад., въ противоположность Миклошичу — Synt. 54.

ствительную форму или позже переходить въ нарѣчіе; «и црѣкви съгорѣ ѿ» 82,10, «онѣхъ же баше много» 77,14: в) количественное слово и род. пад. составляютъ цѣльное сочетаніе, которое выступаетъ въ предложеніи, какъ одинъ членъ. Въ переходно-безсубъектныхъ предложеніяхъ цѣльныя сочетанія, какъ одинъ членъ предложенія, соотвѣтствующій именит. независимому, выступаютъ явственно въ тѣхъ случаяхъ, когда къ глаголу сказуемому относится особое дополненіе — второй род. пад., какъ въ примѣрѣ: «бѣ бо осталоса ихъ п мѹ» 106,1 (ср. также 71,15 въ неполномъ предложеніи и 330,15). Цѣльныя сочетанія возможны и въ субъектныхъ предложеніяхъ, какъ подлежащія¹.

§ 5. Переходно-безсубъектныя предложенія безъ имен. пад. количественнаго слова.

Во всѣхъ рассмотрѣнныхъ до сихъ поръ предложеніяхъ количественное слово было выражено существительной формой въ имен. пад. Рядомъ съ этимъ, въ Синод. сп. имѣется рядъ предложеній, схожихъ по своему построенію и значенію съ вышеуказанными, но съ той, однако, разницею, что количество обозначено въ нихъ не имен. пад., а какимъ-либо косвеннымъ падежомъ съ предлогомъ или же нарѣчіемъ. Сюда относятся:

«и паде головъ о сте кѣметьства» 95,4.

«и погоре дворовъ съ і» 107,7.

«и баше всѣхъ новгородць боле ѿ» 165,5.

«Гюргевыхъ и Ярославихъ вои паде бещисла» 172,14.

«і паде чюди бещисла» 258,15.

«и тоу ихъ до сыти паде» 85,1.

«и не до сыти бы зла» 212,2.

«и не тоу бы того до сыти зла» 238,12.

Предложенія этого типа уже по одному отсутствію въ нихъ имен. пад.

¹ На синтаксическую цѣльность подобныхъ сочетаній указываютъ случаи съ формой ср. рода ед. ч. опредѣленія, какъ «проѣздили они цѣло три года» и др. — Потѣбня, Изъ зап. III, 452; ср. тоже въ сербск. Maretić, Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika, § 415.

(хотя бы застывшего въ своей формѣ, но сохраняющаго слѣды прежняго своего значенія) не могутъ быть признаны субъектными; помимо этого, и порядокъ словъ въ этихъ предложеніяхъ указываетъ на несубъектное ихъ значеніе; однако, въ виду несомнѣннаго сходства этихъ предложеній съ разсмотрѣнными выше переходно-бесубъектными предложеніями, и данныя предложенія должны быть отнесены къ той же категоріи переходно-бесубъектныхъ. Внутренняя близость ихъ состоитъ въ томъ, что сказуемое въ нихъ также можетъ имѣть субъектное значеніе, и что количественное сочетаніе, какъ таковое, можетъ имѣть до извѣстной степени значеніе субстанции и при отсутствіи въ немъ имен. пад. Это подтверждается примѣромъ Синод. сп., въ которомъ при количественномъ сочетаніи съ косвеннымъ падежомъ сказуемое стоитъ во мн. ч., т. е. имѣетъ явно субъектное значеніе: «тогда вбѣгоша въ Пльсковъ съ тѣ Литвы с женами и с дѣтми» 283,1¹. Съ этимъ связывается и то обстоятельство, что въ одномъ и томъ же сложномъ предложеніи нерѣдко выступаетъ, рядомъ съ имен. пад. количества, и косвенный падежъ съ предлогомъ; таковы примѣры: «и много леже обояхъ, нѣ соуждальць бещисла» 52,7; «и погыбе мно, бещисла людии» 198,8.

§ 6. Развѣтіе переходно-бесубъектныхъ предложеній.

Итакъ, предложенія съ количественными именами при сказуемомъ въ ед. ч. являются въ Синод. сп. переходными отъ субъектныхъ къ бесубъектнымъ въ смыслѣ возможности колебанія ихъ значенія. Но не слѣдуетъ ли признать за предложеніями съ количественными словами вообще переходности и въ историческомъ отношеніи, т. е. признать, что двусоставныя субъектныя предложенія съ такими именами исторически идутъ по пути утраты субъектной конструкціи и перехода въ бесубъектную, и что Синод. сп. отражаетъ одинъ изъ этаповъ этого историческаго пути? Факты, на основаніи которыхъ можно сдѣлать тѣ или иные вы-

¹ Множ. число сказуемаго при количественныхъ именахъ не въ имен. пад. наблюдается и въ литературномъ языкѣ. Такіе примѣры встрѣчаются у Фон-визина, у Пушкина: «тысячъ до двухъ были кое-какъ вооружены»; «около трехъ-сотъ семействъ обитають у подошвы Арарата». — Буслаевъ, Синт. 246.

воды о развитіи безсубъектности въ разсматриваемыхъ предложеніяхъ, связываются съ тѣми формальными измѣненіями, которыя происходили въ количественныхъ словахъ. Съ этой точки зрѣнія можно предположить, что толчкомъ къ развитію безсубъектности въ этихъ типахъ предложеній послужило несоотвѣтствіе между дѣйствительнымъ производителемъ дѣйствія (род. дополненія) и имен. пад. -существительнаго, обозначающаго количество; въ связи съ этимъ, субстанціальное значеніе числительныхъ, развившееся въ праславянскомъ языкѣ, оказалось въ дальнѣйшей исторіи отдѣльныхъ славянскихъ языковъ недостаточно устойчивымъ; это и выразилось, прежде всего, въ ослабленіи субъектнаго значенія предложеній, а затѣмъ и въ морфологическихъ измѣненіяхъ числительныхъ-существительныхъ. Древнѣйшіе памятники отдѣльныхъ славянскихъ языковъ, въ томъ числѣ и старославянскіе памятники отражаютъ уже вполне развитую конструкцію переходно-безсубъектныхъ предложеній. Въ Синод. сп. эти предложенія являются, какъ явствуетъ изъ предшествующаго, очень распространенными.

Остается вопросъ: замѣчается ли развитіе безсубъектности въ этомъ типѣ предложеній въ дальнѣйшей исторіи русскаго языка, въ связи съ формальными измѣненіями именъ числительныхъ?

Въ связи съ измѣненіями въ формахъ числительныхъ количественныхъ и другихъ количественныхъ словъ произошли слѣдующія измѣненія древне-русскихъ конструкцій:

а) Къ переходно-безсубъектной конструкціи примкнули предложенія съ числительными 2—4, ранѣе не входившія въ эту конструкцію, а бывшія двусоставными субъектными; интересно сопоставить примѣры перваго почерка: «сѣгореста прѣкви $\bar{в}$ » 87,15, 46,13, 47,4 съ примѣрами: «сопрѣстаса два кнза» 308,1, 196,18, «іде мюро... наіде $\bar{д}$. воцаници» 260,7. Это обстоятельство можетъ служить нѣкоторымъ основаніемъ къ положенію о развитіи безсубъектности; однако, возможность субъектной конструкціи для предложеній съ числительными 2—4 при этомъ не утрачивается; ср.: «два попа сгорѣша» 302,5.

б) Существительныя формы средн. р. въ имен. пад. типа: — много, мало, нѣколико, толико и т. п. потеряли свое прежнее существительное

значеніе имен. пад. и застыли въ данной формѣ, какъ нарѣчія; это обстоятельство, несомнѣнно, отразилось на развитіи безсубъектности въ предложеніяхъ съ данными словами, такъ какъ форма нарѣчія связывается съ безсубъектностью значенія больше, чѣмъ форма существительнаго; при этомъ, въ однихъ изъ такихъ застывшихъ формъ и до сихъ поръ продолжаютъ сохраняться слѣды стараго значенія имен. пад., и сочетаніе ихъ съ род. дополненія можетъ выступать въ предложеніи въ значеніи подлежащаго, какъ цѣлое сочетаніе; при ед. ч. сказуемаго такое предложеніе остается переходно-безсубъектнымъ, при мн. ч. оно является двусоставнымъ субъектнымъ; но для другихъ выраженій это стало уже невозможнымъ, и для нихъ совсѣмъ утратилась возможность субъектнаго значенія конструкции; такимъ нарѣчіемъ является, напр., нарѣчіе «мало», — ср. примѣры Синод. сп. 65,1 и 202,20.

Другія историческія измѣненія въ формахъ именъ числительныхъ и другихъ количественныхъ словъ не отразились на субъектномъ значеніи конструкции. Такъ, на немъ не отразилась замѣна ед. ч. согласованнаго опредѣленія и сказуемаго при числительныхъ множ. числомъ въ такихъ предложеніяхъ, какъ «та пять вервей шла» (въ Синод. сп. не встрѣчается); — «тѣ пять вервей шли»; не отразились и формальныя измѣненія сочетаній числительныхъ 2—4 съ именами исчисляемыхъ предметовъ, при условіи мн. ч. сказуемаго.

Изъ другихъ примѣровъ переходно-безсубъектныхъ предложеній, не содержащихъ въ себѣ количественныхъ словъ, надо отмѣтить: «ано тамо измано вачышік моу» 165,7. Это предложеніе имѣетъ безсубъектную форму сказуемаго, къ которому относится вин. пад. дополненія, если судить по написанію «вачышік»; съ этимъ предложеніемъ можно сопоставить такіе примѣры другихъ др.-русскихъ памятниковъ, какъ «и съ тое сосны медъ выбрано и сосну спалено» (Потебня, Изъ зап. III, 435): форма вин. пад. зависитъ отъ переходнаго значенія даннаго дѣйствительнаго глагола. Но, можетъ быть, примѣръ этотъ можно сопоставить и съ типомъ «а вырѣзано на той печати инърогъ звѣрь» — ор. cit., стр. 459, такъ какъ въ Синод. сп. различіе формъ имен. множ. и вин. множ. въ склоненіи муж. р. не проводится послѣдовательно.

§ 7. Определенно-личные односоставныя предложения.

Къ определенно-личнымъ односоставнымъ предложениямъ относятся предложения, въ которыхъ словесно-выраженнымъ является одинъ лишь главный членъ—сказуемое, но въ формѣ сказуемаго заключается определенное указаніе на подлежащее; сюда принадлежатъ односоставныя предложения, сказуемое которыхъ выражено личной глагольной формой 1 или 2 лица; таковы: «не деите мене днь, а зѣтра поиду из города» 171,17; «се слышимъ, оже идете противоу насъ» 194,2 и др.

Конструкція определенно-личныхъ предложений можетъ быть разсмотрѣна съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны, возникаетъ вопросъ, какъ опредѣлить главный членъ такого предложения? Исходя въ пониманіи строя предложения изъ того типа, который является наиболѣе яснымъ въ формальномъ отношеніи, т. е. изъ двусоставнаго предложения, полагаемъ, что главный членъ односоставнаго предложения, выраженный личной глагольной формой, такъ тѣсно ассоціируется со сказуемымъ двусоставнаго предложения, какъ по формальнымъ признакамъ, такъ и по своему внутреннему значенію, что вполне можетъ быть опредѣленъ, какъ сказуемое. Это относится не только къ определенно-личнымъ, но и къ другимъ односоставнымъ предложениямъ съ личной глагольной формой, въ томъ числѣ и къ предложениямъ безсубъектнымъ. Въ формѣ сказуемаго определенно-личнаго предложения заключено указаніе на подлежащее; это указаніе дается личнымъ окончаніемъ глагола; однако, личное глагольное окончаніе указываетъ лишь на то, какое подлежащее можетъ явиться, можетъ быть возстановлено въ этомъ предложеніи, но оно не является, само по себѣ, выразителемъ подлежащаго и не замѣняетъ этого послѣдняго; подлежащимъ предложенія можетъ быть только особое слово, являющееся специальнымъ его выразителемъ; тамъ, гдѣ этого слова нѣтъ, нѣтъ грамматическаго подлежащаго; сказуемое же предложенія не обозначаетъ никакого другаго члена, кромѣ самого сказуемаго. Такимъ образомъ, предложения «иду» и «азъ иду» представляютъ различныя синтаксическія конструкціи, формальнымъ различіемъ которыхъ соотвѣт-

ствують и внутреннія различія въ значеніи¹. Этотъ вопросъ не является уже только вопросомъ обще-теоретическимъ, но связывается непосредственно съ исторіей языка и съ данными Синод. сп. и приводитъ къ другой подлежащей разсмотрѣнію сторонѣ опредѣленно-личныхъ предложений, именно къ факту чередованія въ языкѣ опредѣленно-личныхъ предложений съ предложениями двусоставными съ личными мѣстоименіями 1 и 2 л. въ качествѣ подлежащаго, или, другими словами, къ факту употребленія и неупотребленія въ языкѣ личныхъ мѣстоименій при личныхъ глагольныхъ формахъ.

Извѣстно, что это чередованіе есть наслѣдіе индо-европейскаго языка, причемъ въ исторіи отдѣльныхъ языковъ судьба его оказалась различной. Въ русскомъ языкѣ это чередованіе проходитъ черезъ всю его исторію, т. е. въ немъ, рядомъ съ предложениями, содержащими личное мѣстоименіе - подлежащее при личной глагольной формѣ сказуемаго, наблюдаются предложения съ личной глагольной формой сказуемаго безъ личного мѣстоименія - подлежащаго. При этомъ наблюдается, что въ современномъ литературномъ языкѣ личныя мѣстоименія употребляются чаще, чѣмъ это замѣтно въ древнерусскихъ памятникахъ. Въ этомъ отношеніи показанія Синод. сп. представляютъ значительный интересъ.

Обращаясь къ показаніямъ Синод. сп., приходится, прежде всего, выдѣлить такіе примѣры съ личными мѣстоименіями 1 и 2 л. въ качествѣ подлежащаго, въ которыхъ сказуемое не выражено личной глагольной формой и, слѣдовательно, не заключаетъ въ себѣ формальнаго

¹ Содержащемуся въ личной формѣ глагола указанію на лицо нерѣдко придается значеніе подлежащаго; см. напр. Delbrück, *Vergl. Synt.*, III, 10: Bei der ersten und zweiten Person des Verbums steckt das Subjekt in der Verbalform; ср. ученіе Kern'a о томъ, что въ личной формѣ глагола заключается сказуемое и подлежащее, а особое слово для выраженія подлежащаго является его «предѣлителемъ».

Противоположнаго мнѣнія держится Потебня; возражая противъ подобнаго мнѣнія Буслаева, онъ указываетъ, что подлежащее никогда не бываетъ не только личнымъ окончаніемъ, но даже и «личнымъ мѣстоименіемъ въ формальномъ значеніи»... личное мѣстоименіе бываетъ подлежащимъ только тогда, когда оно не равносильно личному окончанію: «я сказа́лъ» съ силою рѣчи на второмъ словѣ есть сказуемое безъ подлежащаго, какъ лат. dixi. (Изъ заи. I, 66 и 93—94).

указанія на подлежащее. Къ такимъ предложеніямъ относятся: 1) предложенія со сказуемымъ въ формѣ прош. врем. на-«лъ» безъ вспомогательнаго глагола, 2) предложенія съ именной частью составнаго сказуемаго безъ связки, 3) предложенія съ причастнымъ сказуемымъ (см. § 16) и 4) предложенія неполныя съ опущеннымъ сказуемымъ; таковы: «а вы плотници суще» 1,1; «а вы вольни въ кнѣзѣхъ» 159,15; «азъ галъ ворога вашего Исаковица 134,11; «ты к намъ крѣтъ цѣловалъ» 181,21; «а вы роздравше та прочъ» 209,18; также 195,3, 213,17, 214,5, 231,5, 267,17, 293,12, 297,18.

Въ этихъ предложеніяхъ мѣстоименіе - подлежащее является формально-необходимымъ; его отсутствіе переводитъ предложеніе не въ категорію односоставныхъ опредѣленно-личныхъ, а въ категорію неполныхъ, пополненіе которыхъ со стороны подлежащаго можетъ производиться на основаніи контекста или реальной обстановки рѣчи (въ живой рѣчи). Для разсматриваемаго же вопроса такіе примѣры не показательны; для него показательны такіе примѣры, въ которыхъ мѣстоименіе личное употребляется, какъ подлежащее, или не употребляется при личной глагольной формѣ сказуемаго. Относительно-этихъ примѣровъ можно поставить вопросъ: чѣмъ опредѣляется употребленіе и употребленіе личныхъ мѣстоименій и чѣмъ объясняется историческое развитіе ихъ употребленія?

Относительно употребленія и употребленія личныхъ мѣстоименій въ древне-русскихъ памятникахъ распространеннымъ является мнѣніе, что личные мѣстоименія употреблялись въ нихъ сравнительно рѣдко, и что употребленіе ихъ наблюдается всего чаще въ тѣхъ случаяхъ, когда эти мѣстоименія находятся подъ логическимъ удареніемъ, но что иногда въ древне-русскихъ памятникахъ личные мѣстоименія стоятъ какъ-бы безъ всякой надобности (Соболевскій А. И., Лекція по исторіи русскаго языка, изд. 4, стр. 240—241). Насколько эти положенія соотвѣтствуютъ даннымъ Синод. списка?

Примѣры Синод. сп. можно раздѣлить на нѣсколько группъ. Къ первой группѣ относятся примѣры прямой рѣчи, представляющіе два предложенія, соединенныя по способу сочиненія или подчиненія, при чемъ лица ихъ подлежащихъ различны; если въ такихъ предложеніяхъ

заклѣчается противоположеніе или сравненіе, то въ нихъ подлежащія-мѣстоименія обычно выступаютъ; при этомъ, однако, приходится отмѣтить, что сравненіе или противоположеніе не относится непременно къ самимъ личнымъ мѣстоименіямъ, но можетъ относиться и къ предложеніямъ въ цѣломъ. Таковы примѣры:

«ты ми ꙗси сѣпъ, а гзъ тѣбе оцѣ» 151,18.

«ка, княже, очима позриши ты, та мѣ главами своими вържемъ» 157,10 (въ КАТ нѣтъ «ты»).

«такъ, браѣ, страдали дѣди наши и очі за роусьскоую землю, такъ, браѣ, и мѣ поидимъ по своѣмъ кнѣзи» 158,5.

«а идете противоу нѣ; тѣ вы поидите, а мѣ васъ не загли» 195,25.

«мѣ ваші поуостимъ, а вы наши поуостите» 259,5.

Къ этой же группѣ относятся такіе примѣры съ двумя предложеніями съ разными лицами, которыя соединены по способу сочиненія или подчиненія, но заключаютъ въ себѣ иныя отношенія, чѣмъ сравненіе или противоположеніе; въ этой группѣ подлежащее - мѣстоименіе обычно также выступаетъ, иногда, впрочемъ, лишь во второмъ предложеніи; таковы примѣры:

«ты ꙗси слѣпъ, како можеша црѣство държати? азъ ꙗсмь црѣ» 132,6.

«поусти Стослава... и всѣ... исправи, гзъ [г]ость поукаю и товаръ» 152,1 (въ списке «кость», возстановляется по КАТ).

«выдайте ми Гякима Иванковица... не выдадите ли, а га поилъ ꙗсмь коне Тьхвѣрю, а ꙗще Волховомъ напою» 200,6.

«прите к нимъ жены ихъ и товаръ, тоже мѣ Вачеслава поумъ, или вы собѣ, а мѣ себе» 230,15.

«оже Онаныа лишитса посадничества, гзъ вамъ гнѣва Ѡдамъ» 268,11.

«выдайте ми кнѣза Афанасыа і Федора Жревьского, а гзъ с вами миръ докончаю» 318,8; также 193,10, 194,4, 194,14, 224,8, 286,20, 296,4, 299,11, 332,8.

Всѣ соединенныя предложенія, отмѣченныя здѣсь, связаны известными логическими соотношеніями входящихъ въ нихъ предложеній: отно-

шеніемъ сравненія, противоположенія, условія и слѣдствія и др.; эти соотношенія во многихъ случаяхъ находятъ свое словесное выраженіе въ союзахъ, съ помощью которыхъ предложенія соединяются между собой по способу сочиненія или подчиненія; такіе союзы являются или въ обоихъ предложеніяхъ: «камо-тамо, ꙗко-тако, то-а, оже-тъ, оже-а, не ли-а», или въ одномъ изъ нихъ: «оже, а, тоже»; рѣже въ этихъ предложеніяхъ нѣтъ союзовъ (см. указанные примѣры 132,6, 151,18, 152,1, 259,5), но и въ этомъ случаѣ между соединенными предложеніями наблюдается то или иное логическое соотношеніе.

Обращаемся теперь къ примѣрамъ, въ которыхъ тоже соединяются два отдѣльных предложенія, съ разными лицами, но въ которыхъ, однако, эти лица - подлежащія остаются словесно не выраженными. Такихъ предложеній въ Синод. сп. значительно меньше сравнительно съ предложеніями съ личными мѣстоименіями; они таковы:

«а вы плотници суще, а приставимъ вы хоромъ роубити» 1,1.

«ꙗко копимъ сребро и соболи и ина оузороучы; а не гоубите своихъ смърдь и свои дани» 104,16.

«мира не хотимъ, а моужи оу мене; а далече есте шли, и вышли есте, акы рыбы на соухо» 169,17.

«не деите мене днь, а завтра пойдю из города» 171,18.

«се слышимъ, оже идете противоу насъ, послоушавше половць» 194,2 (ср. дальше: — «а мы вашей землі не залахомъ» 194,4).

«не хочю оу васъ княжити, идоу Църниговоу, гость къ мнѣ поускаите» 201,21.

«пойдите съ мною на поуть, а зла до васъ есмь не мѣслилъ никотораго же; а тѣхъ ми выдаите, кто ма обадилъ къ вамъ» 209,3.

«даите намъ число, іли бѣжимъ проче» 273,19.

«кѣже, поѣди проче, не хотимъ тебе, али идемъ всѣ Новгородъ прогонитъ тебе» 296,10.

Сопоставляя эти примѣры съ ранѣ приведенными, съ личными мѣстоименіями, можно замѣтить, что они не имѣютъ внутри себя той связи, которая отмѣчена была въ ранѣ приведенныхъ примѣрахъ и ко-

торая большею частью находила себѣ выраженіе въ союзахъ; примѣры безъ личныхъ мѣстоименій представляются болѣе отрывочными, и, можетъ быть, ихъ не всегда можно разсматривать, какъ сочиненные, а надо въ нихъ видѣть отдѣльныя предложенія; союзъ «а» этому не препятствуетъ по своему значенію.

Такимъ образомъ, можно придти къ выводу, что, если два предложенія съ разными лицами выражаютъ то или иное взаимное соотношеніе, то при личной глагольной формѣ сказуемаго въ нихъ обычно выступаетъ и личное мѣстоименіе, какъ подлежащее, — въ обоихъ предложеніяхъ или только во второмъ изъ нихъ. Можно ли объяснить это обстоятельство тѣмъ, что на мѣстоименіе падаетъ логическое удареніе, что оно подчеркивается въ предложеніи? Ко многимъ изъ приведенныхъ примѣровъ такое объясненіе можетъ быть примѣнено, но далеко не ко всѣмъ; противоположеніе и другія соотношенія не всегда касаются именно мѣстоименій - подлежащихъ, и логическое удареніе во многихъ случаяхъ явно не падаетъ на подлежащее; такъ въ примѣрахъ 132,7, 200,7, 216,19, 259,6, 268,12 и др. Ясно, что мѣстоименіе - подлежащее въ древне-русскомъ языкѣ, какъ и въ современномъ, присутствуетъ въ предложеніи не только подъ логическимъ удареніемъ, и отсутствіе его связывается также не только съ отсутствіемъ логическаго ударенія. Отклоняя, такимъ образомъ, это объясненіе, можно обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Предложенія съ личными мѣстоименіями, сравнительно съ соответствующими опредѣленно-личными, являются безусловно полными, между тѣмъ какъ отсутствіе личнаго мѣстоименія придаетъ предложенію нѣкоторую неполноту съ точки зрѣнія значенія, подобную до извѣстной степени той, которая наблюдается въ предложеніяхъ безъ подлежащаго другой формы; согласно съ этимъ, отмѣченное присутствіе мѣстоименій - подлежащихъ при соединеніи предложеній, выражающихъ то или иное соотношеніе между собою въ цѣломъ, является выраженіемъ именно полноты данныхъ предложеній, а не послѣдствіемъ логическаго ударенія на подлежащемъ.

Обращаемся къ примѣрамъ слѣдующей группы — къ отдѣльнымъ предложеніямъ, которыя не приходится ставить въ связь съ предложеніями съ другимъ лицомъ подлежащаго; при этомъ, относимъ сюда лишь

предложенія прямой рѣчи. Подлежащее - мѣстоименіе является выраженнымъ въ слѣдующихъ предложеніяхъ этого типа:

«и рекъ к нему онъ си: что ты тому велиши творити» 1,7.

«оутолиша црѣ, не даша нѣмоу напоустити фразъ, рекоуче: мѣ с тобою нѣсмь» 133,19.

«брѣ мога нѣсте ·вѣ· княза повесили въ въ Галици... и положили нѣсте оукоръ на всѣхъ» 156,15.

«изберете собѣ игоумена. Они же рекоша: кого ты блѣвиши» 204,5.

«рекоша: мѣ бесвои брѣа бес пльсковицъ не имамъ са на Ригоу» 210,4.

«рѣ посадий: ты нѣси мой дворъ хотель зажечи» 220,15.

«а Ярославъ всеѣ злобы лишается, а за то газъ порочаюса» 299,9.

Для нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ примѣровъ вполне можетъ быть принято объясненіе, что присутствіе личного мѣстоименія - подлежащаго связывается съ логическимъ на немъ удареніемъ; такъ, оно можетъ быть принято для примѣровъ 204,5; 299,9; въ другихъ случаяхъ оно сомнительно, а въ примѣрахъ 1,7 и 220,15 оно кажется совсемъ непріемлемымъ. Это тѣ случаи, когда мѣстоименія стоятъ, по выраженію акад. А. И. Соболевскаго, «какъ-бы безъ всякой надобности» (Лекціи, изд. 4, стр. 241). Такое опредѣленіе можетъ возникнуть, однако, только тогда, если смотрѣть на личное мѣстоименіе, какъ на вторичный указатель лица, уже указаннаго глагольной формой; въ такомъ случаѣ его употребленіе, дѣйствительно, должно имѣть причину — въ логическомъ удареніи, въ намѣреніи подчеркнуть лицо, особенно его выдвинуть. Но можно посмотрѣть на мѣстоименіе личное и съ другой точки зрѣнія — какъ на подлежащее вообще; при этой точкѣ зрѣнія нѣтъ необходимости искать особыхъ причинъ его употребленія: подлежащее, независимо отъ своей формы, можетъ выступать въ предложеніи не только подъ логическимъ удареніемъ.

Но въ чемъ же тогда состоитъ внутреннее различіе между этими предложеніями съ личными мѣстоименіями и предложеніями безъ нихъ? Обращаемся къ этимъ послѣднимъ примѣрамъ Синод. сп.; они таковы:

«а се вины ѿго творахоу: .а̄. не блюдетъ смердъ, .в. чемоу хотель ѿси сести Переаслави? .г̄.е: ехаль ѿси съ пълку переди всѣхъ»... 33,13.

«а в Новѣгородъ присла: клана(ю)са стѣи Софии и гробоу бѣа монго и всѣмъ новгородьцемъ; пришълъ ѿсмь къ вамъ, слышавъ насильнѣ ѿ князь» 151,1.

«и выѣха на Ярослалъ дворъ и цѣлова чѣтнѣи крѣтъ... любо изищу моу новгородьстии и волости, пакы ли а головою повалоу за Новѣгородъ» 163,20.

«и въспроси оу Ярослѣ сѣа Федора; и не да имъ сѣа и ре: се даю вы шюринъ свои Гюрга» 231,7; «и рекоша новгородци: княже, не хотимъ измерети на конихъ» 170,1; также 176,2, 181,12, 298,12 и др.

Въ другихъ примѣрахъ предложенія прямой рѣчи соединяются съ основнымъ текстомъ съ помощью союза «такъ»:

«а целовавъ крѣтъ къ новгородцемъ, тако хоцю оу васъ оумерети» 27,4.

«и присла въ Новѣгородъ, тако не хоцю оу васъ княжити» 67,5.

«новгородьци же цѣловавъше стоую бѣю, тако не хотимъ его, идоша прогнать его»... 67,8.

...«рекоуще тако: тако копимъ сребро и соболи»... 104,16, также 149,16, 207,15.

Наблюдая эти примѣры и сопоставляя ихъ съ примѣрами съ личными мѣстоименіями, можно замѣтить слѣдующее. Кажется, что примѣры съ личными мѣстоименіями, дѣйствительно, передаютъ подлинную живую рѣчь, и отдѣльные примѣры являются отдѣльными образцами этой рѣчи. Примѣры же безъ личнаго мѣстоименія носятъ нѣсколько иной характеръ. Эти послѣдніе примѣры не кажутся отраженіемъ подлинной живой рѣчи, живого разговора; во многихъ случаяхъ и, вѣроятно, въ большинствѣ ихъ они представляютъ собой только передачу сущности того, что было сказано тѣми или иными лицами; это не подлинная живая рѣчь, но, такъ сказать, экстрактъ ея въ передачѣ книжника, и отсутствіе личныхъ мѣстоименій приходится въ значительной степени относить на счетъ именно этой книжной передачи; въ ней же, естественно, на первый планъ вы-

ступаетъ лишь то, что составляетъ главное содержаніе рѣчи, т. е. ея предикатъ съ относящимися къ нему косвенными членами, а подлежащее при этомъ остается невыраженнымъ, какъ само собой понятное въ связи съ предшествующимъ. Характеръ такой передачи особенно явственно проявляется въ тѣхъ примѣрахъ, которые имѣютъ союзъ «такъ». Такимъ образомъ, кажется, что подходящіе сюда примѣры лишены до нѣкоторой степени полноты. Эту же неполноту можно видѣть и въ такихъ примѣрахъ этой же группы, которые, можетъ быть, съ большей точностью передаютъ живую рѣчь, но передаютъ ее не въ цѣломъ, а только въ выдержкахъ, конструкція которыхъ связывается съ предшествующею рѣчью, въ текстѣ не приведенной. Наконецъ, та же неполнота можетъ, конечно, связываться и непосредственно съ условіями даннаго предложенія, какъ факта живой рѣчи; но думаемъ, что для примѣровъ прямой рѣчи менѣе всего можно исходить изъ этихъ послѣднихъ условій, и необходимо всегда имѣть въ виду книжный характеръ ея изложенія.

Слѣдующую, третью группу примѣровъ составляютъ предложенія прямой рѣчи съ повел. накл. сказуемаго. Личныя мѣстоименія - подлежащія употребляются въ повелительныхъ предложеніяхъ очень рѣдко, что вполне естественно. Сюда относятся примѣры:

«а Стосла̑ рѣша: а ты пожди бр̑а, то̑ поидеши» 41,18.

«даже боуду виновать, да боуду тоу мрт̑въ, боуду ли правъ, а ты ма̑ справи, ги̑» 180,9.

«нъ оже поидоу[тъ] на насъ, ты̑ вы̑ намъ помозите» 208,16.

«то̑ вы̑ лоуче насъ исбчите, а жены̑ и дѣти̑ поѣмлете себе, а не лоуче погании» 209,21.

«оже бѣ̑ казнь свою възложилъ на Онтонит̑а, а вы̑ сочите таковаго моу̑»... 216,12.

«съ̑ на̑ крт̑ное челованик̑ [доловъ], а ты̑ поиди прочь, а мы̑ себе кнѣ̑а промыслимъ 224,8 (доб. по АТ, стр. 236); также 194,9, 195,2, 259,6.

Въ однихъ изъ этихъ примѣровъ присутствіе личнаго мѣстоименія можетъ быть объяснено логическимъ удареніемъ; но въ другихъ такое объясненіе было бы явной натяжкой; такъ, оно не можетъ быть принято, на нашъ взглядъ, въ примѣрахъ 41,18, 208,15, 216,12, 224,8.

Можно отмѣтить также, что и въ этой группѣ личныя мѣстоименія-подлежащія выступаютъ, главнымъ образомъ, въ предложеніяхъ съ разными лицами, связанныхъ между собою логическими отношеніями, причемъ они выступаютъ или въ обоихъ предложеніяхъ или только во второмъ (ср. примѣры первой группы). Но вообще эта группа не даетъ интересныхъ наблюденій въ отношеніи Синод. сп. Примѣровъ этой группы безъ личнаго мѣстоименія-подлежащаго въ Синод. сп. много; приводитъ ихъ нѣтъ надобности.

Наконецъ, послѣднюю, четвертую группу составляютъ предложенія не прямой рѣчи, а авторскія замѣчанія. Въ нихъ подлежащее-мѣстоименіе большею частью отсутствуетъ. Къ этой группѣ относятся, прежде всего, предложенія со сказуемымъ въ 1-мъ лицѣ множ. ч., которыя по своему значенію приближаются къ предложеніямъ неопредѣленно-личнымъ съ 3-мъ лицомъ множ. ч. сказуемаго, съ той разницей, что при 1-мъ лицѣ къ числу неопредѣленныхъ лицъ, къ которымъ относится сказуемое, авторъ (говорящій) причисляетъ и себя. Таковы примѣры:

«потомъ наиде дѣжгъ, тако не видехомъ гасна дѣни ни до зимы» 46,16.

«ста вса зима тепломъ... и коуплахомъ кадкоу малоую по ѡѣ-коунъ» 63,7 (ср. «оже коуплахоу по погатѣ хлѣбъ» 20,11).

«наиде дѣжгъ великъ... оли и до Никулина дѣни не видѣхомъ свѣтла дѣни» 211,1; также 141,6, 219,11, 221,11, 221,16, 227,18 («коуплахомъ», КАТ—«купляху»), 300,4, 38,5 (КАТ доб. «вси»).

Сюда же относятся предложенія съ 1-мъ л. множ. ч. сказуемаго въ религиозныхъ авторскихъ отступленіяхъ, какъ — «на та оуповаемъ, ѣи вссдержителю» 260,14; «і пакы не поманемъ Исая пррѣка» 289,21; также 226,17, 250,11, 251,1, 307,7.

Другіе примѣры представляютъ собой личныя авторскія замѣчанія съ 1 л. множ. ч.; они встрѣчаются въ вставныхъ повѣстяхъ, именно, — въ повѣсти о взятіи Царьграда: «и пожъженъ бѣ градъ и цркви, не-сказьны лѣптою, имъ же не можемъ числа съповѣдати» 131,16; также 140,5, 141,9, и въ повѣсти о татарскомъ нашествіи: «слыша-хомъ бо, тако многы страны поплѣниша» 191,18; также 198,15.

Къ авторскимъ замѣчаніямъ относятся также примѣры съ 1 л.

ед. ч. сказуемаго: «мнѹ бо, ꙗко»... 57,10; «тѹ всѣ въ єдиной Софїи сказахъ» 140,16; «хотаче восприати Ладогоу, просто же рекоу і Новѹгородъ» 251,21.

Сюда же можно, вѣроятно, отнести и примѣръ: «а на полатѣхъ и въ стѣнахъ... не вѣде, колико злата и сребра» 140,13.

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ отсутствіе мѣстоименія - подлежащаго вполне понятно, такъ какъ въ этихъ предложеніяхъ подлежащее совсѣмъ не выступаетъ въ сознаніи; нѣкоторыя изъ приведенныхъ предложеній можно сопоставить съ такими, какъ вводное «говорить», вставляемое въ прямую рѣчь и являющееся неполнымъ предложеніемъ.

Соотвѣтственныя предложенія съ подлежащими - личными мѣстоименіями наблюдаются въ Синод. сп. при переходахъ въ теченіи разсказа, при противопоставленіяхъ, сопровождаемыхъ противительными союзами или частицей «же», но опять безъ обязательнаго логическаго ударенія на подлежащемъ-мѣстоименіи. Сюда относятся примѣры:

«прѣмѣдрии моу вѣдати ꙗ добрѣ... мы же ихъ не вѣмы, кто соуть» 191,14.

«мы же на прѣднекъ възвратимъса» 225,18.

«тѹ бы намъ все видаще предъ очима лоучшимъ быти, мы же бѣхомъ поущыши» 227,10; также 221,6, 250,17, 275,18, 290,4, 290,19.

На основаніи разсмотрѣнныхъ примѣровъ Синод. сп. можно притти къ слѣдующимъ заключеніямъ относительно употребленія и опущенія личныхъ мѣстоименій, какъ подлежащихъ, при личной глагольной формѣ сказуемаго.

Прежде всего, нѣтъ достаточныхъ основаній признать для Синод. сп., какъ для памятника древне-русскаго языка, нормальнымъ, такъ сказать, типомъ предложенія безъ мѣстоименій-подлежащихъ, и выступленіе этихъ послѣднихъ въ предложеніи связывать непременно съ логическимъ удареніемъ, съ необходимостью подчеркнуть лицо, выражаемое и безъ того глаголомъ-сказуемымъ¹. Въ личномъ мѣстоименіи слѣдуетъ

¹ Интересно отмѣтить, что Zikmund, признавая «правиломъ» опущеніе мѣстоименія-подлежащаго при личной глагольной формѣ въ чешск., указы-

видѣть не указаніе на лицо, а подлежащее, и присутствіе и отсутствіе его въ предложеніи приходится въ такомъ случаѣ сопоставлять, съ точки зрѣнія внутреннихъ значеній, съ присутствіемъ и отсутствіемъ въ предложеніи подлежащаго вообще, независимо отъ его формы; а это чередованіе не связывается, конечно, лишь съ логическимъ удареніемъ, но опредѣляется разнообразными и сложными условіями рѣчи, на которыхъ здѣсь нѣтъ возможности останавливаться. Такимъ образомъ, типъ опредѣленно-личныхъ предложеній мы рѣшаемся сопоставить, въ объясненіе условій употребленія мѣстоименій при личной формѣ глагола, съ типомъ предложеній неполныхъ, съ опущеннымъ подлежащимъ, со стороны ихъ внутреннихъ значеній: въ тѣхъ и въ другихъ подлежащее ступевывается передъ другими членами предложенія, и потому не называется. Съ формальной же стороны между тѣми и другими есть существенная разница: въ то время какъ въ неполныхъ предложеніяхъ подлежащее можетъ не быть указано только тогда, когда оно ясно по окружающей рѣчи или по обстановкѣ рѣчи, въ опредѣленно-личныхъ предложеніяхъ оно указывается самой формой сказуемаго..

§ 8. Неопредѣленно-личныя предложенія.

Неопредѣленно-личныя предложенія — такія предложенія, въ которыхъ является выраженнымъ лишь одинъ изъ главныхъ членовъ и именно сказуемое, причемъ въ формѣ его заключается указаніе на лицо и число подлежащаго, но по внутреннему значенію рѣчи само подлежащее остается неопредѣленнымъ. Въ Синод. сп. къ этой категоріи предложеній относятся двѣ группы: а) предложенія со сказуемымъ въ личной глагольной формѣ 3-го л. множ. ч., б) со сказуемымъ въ формѣ прош. времени на-лъ (въ данныхъ случаяхъ на-ли), въ которомъ 3-ье лицо мн. ч. опредѣляется отсутствіемъ личной формы вспомогательнаго глагола (тогда какъ 1 и 2 лица всегда опредѣляются или личнымъ мѣстоименіемъ или личной формой вспомогательнаго глагола). Вотъ нѣсколько примѣровъ:

васть, однако, нѣсколько условій, вызывающихъ ихъ употребленіе, не ограничиваясь условіемъ ударенія. — Skladba jazyka českého, § 178; ср. Maretić, Gramm. i stil., § 466.

«въ лѣ · ѿѿѿ · въсадиша Соудіслава ис пороуба» 6,2.

«въ лѣ · ѿѿѿе · побѣдиша Всѣсла на Немизѣ: томъ же лѣ гаша и на Рши» 7,3.

«пойди, кнѣ, хотать тебе онять» 36,1.

«пополошишася людѣ; сългаша бо, яко»... 38,14.

«того лѣ ижгоша вълхвы дѣ; творахуть ꙗ потворы дѣюще» 204,20 и мн. др.

Примѣровъ со сказуемымъ въ формѣ прош. вр. на -лъ (-ли) мало; можемъ указать:

«а рекоуче тако: нашу землю днѣ ѿтали, а ваша заоутро възата будеть» 193,6, также 247,5.

Всѣ эти примѣры не требуютъ особыхъ замѣчаній. Можно отмѣтить лишь, что иногда бываетъ затруднительно рѣшить вопросъ, является ли данное предложеніе неопредѣленно-личнымъ или является оно неполнымъ, и подлежащее его можетъ быть возстановлено по контексту: напр.

«выгнаша новгородци Соудила ис посадничества; и по то изгнании · е · и днѣ оумре. И потѣ даша посадничество Якоуноу Мирославицю» 56,12 и др.

§ 9. Безсубъектныя предложенія.

Безсубъектныя предложенія — такія предложенія, въ которыхъ при сказуемомъ нѣтъ подлежащаго и въ которыхъ оно не можетъ быть возстановлено ни по формальнымъ признакамъ даннаго предложенія ни въ связи съ контекстомъ или реальной обстановкой рѣчи. Опредѣленіе безсубъектности носить отрицательный характеръ и въ значительной степени зависитъ отъ того, что признается вообще подлежащимъ предложенія и что можетъ быть признано сказуемымъ. Къ безсубъектнымъ предложеніямъ Синод. сп. относимъ слѣдующіе типы предложеній, которые подраздѣляются по формѣ сказуемаго:

1. Сказуемое простое выражено глаголомъ въ формѣ 3 л. ед. ч.: «не достоинъ ꙗа поати» 35,3.

«загорѣса на Ільинѣ оулицы» 313,11; также 106,16, 107,6, 107,10, 153,9, 285,3, 301,10, 312,18, и др.

«загорѣса на Богани улкѣ і погорѣ до половины Рогатици» 327,21, 331,19.

«загореса въ Чыгловѣ оулки. . . и потомъ боле въздвижеса» 107,6.

«и тако са чюжаше Ѡ всѣхъ стѣхъ до Гѣйна дѣни» 108,5¹.

Въ виду того, что нѣкоторые глаголы могутъ употребляться въ субъектномъ и въ безсубъектномъ значеніи (ср. напр. — «загорѣса Ондрѣшковъ дворъ. . . погорѣ Ілына оулица» 331,18), то въ отдѣльныхъ случаяхъ неясно, является ли предложеніе безсубъектнымъ или неполнымъ субъектнымъ, подлежащее котораго можетъ быть восстановлено изъ контекста, какъ напримѣръ: «бѣ знаменіе въ сѣнци въ полѣдѣни и бѣ гакѣ мѣць и сѣмерчеса и по мале времени напѣлниса и пакы просвѣтиса» 95,6.

Особо выдѣляются примѣры, въ которыхъ безсубъектное сказуемое выражено личной формой глагола-существительнаго въ формѣ 3 л. ед. ч. Изъ образцовъ, вообще относящихся къ этой группѣ, въ Синод. сп. наблюдаются немногіе примѣры однообразной конструкціи, въ которыхъ къ сказуемому примыкаетъ косвенное дополненіе, не связанное съ безсубъектностью:

«оуже естъ велми к ночи» 291,21.

«и бѣ на зиму, и иде кнѣзь». . . 101,1, 179,10, 231,3.

«и бѣ на задутрѣе, оувидѣ кнѣзь» 245,20.

Особо выдѣляется примѣръ съ формой 3 л. ед. ч. повелит. накл. того же глагола: «гѣ боуди» 208,17 (ср. стр. 47, примѣръ 292,9).

Примѣръ — «и бѣ сѣчи злѣ» 2,2 вызываетъ сомнѣніе въ виду вариантовъ КАТ — «сѣча зла».

2. Сказуемое простое выражено личной формой глагола, безсубъектное значеніе котораго связывается съ отрицательной конструкціей предложенія, при которой на мѣстѣ имен. пад. подлежащаго является родит. дополненія. Примѣры часты и не требуютъ особыхъ замѣчаній:

¹ Значеніе «са чюжаше» не вполне ясно. Въ «Матеріалахъ для словаря др.-русс. яз.» Срезневскаго дается толкованіе «свирѣпствовать» на основаніи этого же примѣра.

«и не бе мира съ ними» 37,16.

«а на зиму не бѣ снѣга велика, ни гасна дѣни» 47,3

«а правды не створи» 209,13; также 69,18, 88,15, 95,1, 97,5, 106,6, 111,15, 112,5, 167,13, 175,2, 195,10, 227,14, 230,7, 236,6, 242,5, 248,5, 268,22, 269,9, 272,19, 289,7, 307,4.

3. Безсубъектность простого сказуемаго въ формѣ личнаго глагола связывается со значеніемъ уменьшенія, убыли, при которомъ на мѣстѣ имен. подлежащаго является род. дополненія; въ Синод. сп. имѣется примѣръ, въ которомъ значеніе убыли относится не къ формѣ 3 л. ед. ч., а къ относящемуся къ ней инфинитиву: «передъ вечернею поча оубывати сѣнца» 20,15.

4. Сказуемое выражено глаголомъ - существительнымъ въ формѣ 3 л. ед. ч. съ инфинитивомъ:

«къгда баше брани быти на поганыа, тьгда са начаша бити межи собою» 180,16.

«но оуже баше бѣю гнѣвою не противитиса» 242,17.

«како было ему своимъ полкомъ оуразити нашу сторону» 267,3.

«боу, гѣ бѣ мѣтвыи члѣвкѣ, въ ономъ вѣцѣ стати со всѣми оугодившими ти ѿ вѣка» 292,9.

Въ этихъ примѣрахъ сказуемое «баше», «боу» выступаетъ съ конкретнымъ значеніемъ глагола и къ нему присоединяется инфинитивъ длительного или недлительнаго вида такъ, какъ онъ присоединяется вообще къ сказуемому въ качествѣ дополнительнаго приглагольнаго члена; это тѣ случаи, нерѣдкіе въ древне-русскихъ памятникахъ, конструкція которыхъ связывается съ конкретностью значенія глагола «быти»; это значеніе можетъ быть опредѣлено, какъ «слѣдовало», «предстояло», «случилось» и т. п., такъ что личная форма глагола «быти» могла бы быть замѣнена со стороны содержанія однимъ изъ названныхъ глаголовъ или же могла бы быть замѣнена составнымъ сказуемымъ съ нарѣчіемъ «нужно», «можно» и т. д. Разсмотрѣнная конструкція сохраняется до сихъ поръ какъ въ литературномъ языкѣ, такъ и въ народномъ; однако, кажется, что литературное ея употребленіе

является болѣе ограниченнымъ сравнительно съ древне-русскимъ, въ связи съ ослабленіемъ конкретнаго значенія глагола «быти»¹.

Въ Синод. сп. наблюдается еще примѣръ: «і бѣ видѣти тако і лѣсъ» 288,4. Этотъ примѣръ, типъ котораго обычно не отдѣляется отъ только что указаннаго, долженъ быть на самомъ дѣлѣ выдѣленъ особо; въ этомъ примѣрѣ глаголъ «бѣ» не имѣетъ конкретнаго значенія, а является лишь отвлеченной связкой, такъ что составляетъ вмѣстѣ съ инфинитивомъ цѣльное сказуемое, которое можетъ быть вполне сопоставлено съ составнымъ сказуемымъ и можетъ быть также названо составнымъ. Въ Синод. сп. имѣется лишь одинъ примѣръ такого типа. Но на основаніи другихъ показаній, характеристику этого типа можно нѣсколько расширить. Этотъ типъ является ограниченнымъ въ отношеніи тѣхъ инфинитивовъ, которые могутъ въ него входить. Такими инфинитивами могутъ быть: «видѣти, слышати, чути, знати, вѣдѣти» — всѣ дѣительнаго вида. При этомъ, къ такимъ конструкціямъ съ инфинитивами имѣется параллельная конструкція съ составнымъ сказуемымъ съ нарѣчіемъ, соотвѣтствующимъ по содержанію инфинитиву: «видно, слышно, вѣдомо, знатно» (старинное, XVIII в.) «чутно» (малор.). Въ литературномъ русскомъ языкѣ теперь вполне употребительны лишь составныя сказуемыя съ нарѣчіями «видно», «слышно», въ народной и отчасти въ разговорной рѣчи сохраняются сказуемыя съ инфинитивами «видать», «слыхать»; въ литературномъ языкѣ они очень рѣдки; однако: «Синева между ними не видать», Тург., Бѣжинъ лугъ².

¹ Ср. «и еще долго было ей лежать мягкимъ пологомъ на заснувшихъ поляхъ» — Тург. (см. Пѣшковскій, Р. Синт., 326); «ѣхать было всего около 80-и верстъ»; ср. «быть было ненастью, да дождь помѣшалъ»; другіе примѣры см. у Потебни, Изъ зап. II, 402 — 403.

² Этотъ типъ, какъ сказано, недостаточно выдѣляется среди примѣровъ сочетанія глагола «быть» съ инфинитивомъ вообще; такъ у Потебни встрѣчаемъ рядомъ примѣры: «сліди було знати» и «повчитись було у кривого Хоми» — Изъ зап., II, 403 и др.; однако, выдѣленіе указанныхъ глаголовъ кое — гдѣ все же намѣчается и ставится въ связь съ соотвѣтствующими нарѣчіями. Потебня указываетъ, что «видно, слышно, замѣтно, знатно, чутно» могутъ имѣть при себѣ объектъ въ вин. пад. (при отрицаніи — въ род.) по видимому сходно съ неопр. наклоненіями — Изъ зап. III, 469; далѣе, что въ сочетаніяхъ «было, будетъ» съ «знать, вѣдать, слыхать» малор. «чути» отрица-

5. Сказуемое безсубъектнаго предложенія составное изъ связки въ личной формѣ глагола и а) причастія страдат. въ именной формѣ ср. р. ед. ч. или б) нарѣчія съ признаками именной формы прилагательнаго средняго рода или в) нарѣчія безъ этихъ признаковъ:

«такъ речѣно бѣ дръвѣ Исоу Неоугиноу бѣмъ» 242,18.

«і потомъ бѣ тихо» 316,21, 59,18, 201,11.

«Въ се же лѣ лютѣ баше» 23,10.

Въ эту конструкцію можетъ входить инфинитивъ:

«да лоуче ны естъ оумрети. . . нежели съ срамомъ ѿйти» 136,4.

6. Сказуемое составное, въ которое, вмѣстѣ съ личной формой глагола «быти», входитъ инфинитивъ и отрицательное нарѣчіе или косвенный падежъ неопредѣленнаго мѣстоименія:

«такъ нѣлзѣ бѣше дойти до тѣргоу сквозѣ городъ» 60,10.

«нѣлзѣ бо баше инако изити изъ града» 129,13.

«ні сѣна людѣмъ баше лзѣ добыти, ні нивѣ дѣлати» 211,3.

«і нелзѣ баше орати по селомъ і нѣчимъ» 256,6; также 11,2, 127,14, 287,18.

Въ этихъ примѣрахъ съ личной глагольной формой тѣсно связываются и инфинитивъ и отрицательныя нарѣчія или неопредѣленное мѣстоименіе, такъ что всѣ три формы составляютъ цѣльное сочетаніе, нѣчто единое. Эта конструкція въ равной степени употребительна въ современной русской рѣчи.

не можетъ быть передъ личной формой: «небуде знать», въ то время, какъ въ другихъ случаяхъ оно передъ инфинитивомъ: «мнѣ неуйти» — III 476. Ср. также примѣры: «и было то слышать по всей земли», — «слѣдъ твоего знаѣ не было», см. Е. О. Карскій, Бѣлорусы II 3, стр. 12; см. также у Буслаева, Синт. § 196, (напрасно только Буслаевъ и здѣсь указываетъ на обозначеніе необходимости или возможности). Особо выдѣляется сочетаніе *jest* (*było, będzie*) съ инфинитивами *widać, słysząc, czuć, znać, stać* (*mię na co*), причемъ *jest* въ наст. вр. обычно опускается — Krasnowolski, Systemat. Składnia języka polsk., стр. 21.; примѣра для послѣдняго инфинитива не указано. Zikmund указываетъ на сочетаніе безсубъектнаго *jest* съ инфинитивомъ со значеніемъ возможности или при страдательномъ значеніи; всѣ примѣры кромѣ «*zde jest dostati dobré kávu*» съ инфинитивомъ *vidati, viděti, slyseti, znáti*. Въ сочетаніи *jest* съ другими инфинитивами Zikmund видитъ значеніе необходимости. — Skladba jazyka českého, стр. 658.

7. Сказуемымъ является нарѣчіе съ признаками именной формы ср. рода прилагательнаго, какъ вторая часть составнаго сказуемаго, безъ связки. Инфинитивъ можетъ входить на общихъ основаніяхъ, какъ дополнительный членъ:

«где имъ любо, тоу же собе кнѣза поймають» 114,17.

«невѣдомо, камо ю дѣша» 140,1.

«оже ти не оугодно държати Новагорода снѣмъ» 188,9.

«а нелѣпо быти градоу семоу безъ влѣдцѣ» 216,10.

«а съ востока свѣтло . . . а с запада свѣтло» 240,8.

8. Сказуемымъ являются нарѣчія, не имѣющія названныхъ признаковъ, но выражающія сказуемое а) или въ силу того, что могутъ соединяться съ verb. finit. въ составное сказуемое:

«а смородѣмъ нелга вылести» 24,3.

«а жалъ ми своѣа оѣины» 151,5, 297,7.

«а намъ не надобе» 208,15.

б) или въ силу того, что исторически произошли изъ verb. finit. и сохраняютъ въ синтаксическомъ употребленіи его слѣды; это относится къ отрицательной безсубъектной конструкціи съ нарѣчіемъ «нѣтоу»:

«нѣтоу вамъ кнѣза инога развѣ стослѣ» 68,11.

«такъ и числа нѣтоу» 78,3; также 136,3, 140,14, 156,18, 169,9, 181,17, 216,9.

«оу на кнѣза нѣтоуть» 298,18.

Сюда же относимъ примѣры съ «нѣ», полагая, что въ немъ утеряно полное значеніе verb. finit.:

«в нѣи же числа нѣ» 227,5, 227,8.

9. Сказуемое выражено инфинитивомъ съ значеніемъ возможности, долженствованія, подобно предложеніямъ типа: «баше брани быти», но безъ verb. finit.; модальное значеніе желательности находитъ себѣ выраженіе въ присоединеніи «бъ»:

«даче медѣ мало а дружины много, да къ вечероу вѣдати» 1,12.

«ω семь бы разоумети комоуждо насъ» 57,3.

«а то бѣи соудити» 108,13.

«соудѣ по волости не слати» 213,14.

«что бо рещи или что глѣти о бывшей на нѣ ѿ ба казни 225,20.
 «тѣ бы намъ все видаще предъ очима доучьшимъ быти» 227,8;
 также 178,11, 284,22, 299,7, 323,3.

Объ инфинитивѣ въ предложеніяхъ зависимыхъ съ союзами подчинительными см. дальше.

§ 10. Односоставныя предложенія съ имен. пад. въ качествѣ главнаго члена, безъ косвенныхъ приглагольныхъ членовъ.

Къ предложеніямъ этой группы въ Синод. сп. относятся слѣдующія предложенія, являющіяся по своему характеру недостаточными предложеніями:

1. Восклицательныя предложенія съ имен. пад. въ качествѣ главнаго члена:

«оле страшно чюдо и дивно, браѣ» 168,20.

«о мѣного побѣды, браѣ, безчисльное число» 170,20; въ КАТ
 «мѣногы побѣды».

«нѣ, гѣ, слава тебе» 233,3, 260,11.

«но о мѣрдие его великое» 263,21.

«о горе, браѣ» 285,6, 313,6.

2. Предложенія съ имен. пад. въ качествѣ главнаго члена. Сюда относимъ предложенія описательнаго характера, въ которыхъ констатируется наличность явленія, что находитъ себѣ выраженіе въ имен. пад. имени, — одномъ или въ соединеніи съ относящимися къ нему косвенными членами. Въ Синод. сп. сюда могутъ быть отнесены предложенія: «мразъ, вылица, страшно зѣло» 30,11, если ихъ не ставить въ синтаксическую связь съ предшествующимъ предложеніемъ: «и сташа дѣнь зли» и не признавать въ силу этого неполными, съ имен. пад. подлежащаго; также:

«стояше вса осенина дѣждева . . . тепло, дѣжгъ» 45,7.

«зѣло страшно бѣ, громъ и мѣлница» 60,1.

§ 11. Предложенія съ отсутствующими формами глагола-существительнаго при имен. пад. подлежащаго и косвенныхъ членахъ.

Въ особую группу выдѣляемъ предложенія, съ отсутствующимъ сказуемымъ, которое сознается, какъ форма наст. врем. глагола-существительнаго. Такія предложенія вполне свойственны современному литературному и народному языкамъ, которые обходятся безъ формъ наст. врем. этого глагола, сохраняя въ живомъ употребленіи отчасти лишь застывшее слово «есть». Этотъ типъ предложеній современнаго языка принимается, какъ слѣдствіе того, что языкъ утратилъ формы наст. врем. глагола «быти». Такъ какъ въ Синод. сп. наблюдаются личныя формы наст. врем. глагола-существительнаго, то соотвѣтствующія предложенія Синод. сп. приходится разсматривать въ связи съ вопросомъ: имѣются ли въ немъ указанія на историческую связь утраты формъ наст. врем. глагола-существительнаго съ распространеніемъ предложеній данной категоріи? Сюда же относимъ и такія предложенія, съ отсутствующимъ сказуемымъ которыхъ можетъ соединиться представленіе о не настоящемъ времени или о модальномъ значеніи. Въ Синод. сп. наблюдаются слѣдующіе типы этой категоріи:

1. Предложенія съ имен. пад. въ качествѣ главнаго члена и съ указательной частицей:

«сѣ имена воѣводамъ ихъ: ·ā· Маркосъ . . . ·в̄·и Кондофъ ω Фландръ» 141,15.

«а се нашъ посаднѣ» 182,2 (въ К. «се есть»).

«а рекоуче: то вы, а то новгородци; а намъ не надобе» 208,14.

2. Предложенія съ двумя именит., съ значеніемъ соотношенія между ними, однако, такого, которое затруднительно признать соотношеніемъ подлежащаго и именной части сказуемаго:

«родиса Новгородѣ оу Іярослава снѣ Міхайль, а кнѣже има Изаслѣ, а вноукъ Володимирь» 98,14.

«томѣ лѣ испьса црѣвъ на воротехъ архейпъ Мартоурии, стѣга бѣа, а писецъ Грыцинъ Петровицъ» 113,4.

«заложѣ црѣвъ . . . Новгородѣ, на горѣ, а прозвище Нередѣ» 120,1.

«а чернечьское іма Анкюдинъ» 262,21.

«іма емоу Вошелгъ» 281,5.

3. Предложенія съ имен. пад. подлежащаго, при которомъ косвенные члены, применные и приглагольные. Примѣры довольно многочисленны:

«тоуга, бѣда на всѣхъ» 24,4 [КАТ «тоуга и бѣда»].

«нѣтоу ны съ тобою обиды; съ Гярославомъ ны обида» 169,10.

«а се оуже Микулинъ днѣ» 224,6.

«да всѣмъ бѣ» 195,3 [КАТ «всѣмъ есть»].

«паки ли твои мець, а наше голѣ» 200,16.

«да оно имъ бѣ и крѣ чѣтныи» 214,8.

«і цѣловаша стѣую бѣю менши, како стати всѣмъ, любо животь, любо смѣрть за правдоу новгородскоую, за свою очіноу» 266,17; также 202,2, 268,6, 268,21, 286,18, 298,18.

Къ этому надо прибавить, что въ Синод. сп. находимъ примѣры подобныхъ предложеній съ значеніемъ констатировапія, но не для наст., а для прош. времени, причемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ возможно возстановленіе опущеннаго сказуемаго по предшествующему тексту, но съ натяжкой, въ другихъ нѣтъ основаній для возстановленія:

«и тако другимъ падъшимъ ѿ глада, троупиѣ по оулицамъ и по тѣргоу и по путъмъ и всюдоу» 23,17.

«бахоу же изременани межи ими; въ нихъ же людѣ на конихъ, одени въ брѣне, и коне ихъ» 137,9 [пов. о Царьградѣ].

«а овболъ окованъ баше весь сребромъ; и столпы сребрныѣ ·вѣ· а ·д· кивотъныи» 139,9 [пов. о Царьградѣ].

«о горѣ баше! по тѣргоу троупиѣ, по оуличамъ троупиѣ, по полю троупиѣ» 162,10.

«баше тоуга и печаль; на оуличи скѣрбь другъ съ другомъ, дома тѣска, зраще дѣтти плачюще хлѣба» 227,15.

«пороугание черницамъ и попадаымъ, і добрымъ женамъ и двѣамъ прѣ мѣрми и сестрами» 244,11¹.

Подобно предшествующимъ, наблюдаются въ Синод. сп. предложенія

¹ Предложеніе «Изасла баше посаженъ на Лоукахъ княжити, и ѿ Литвы оплечь Новѣугородоу» 119,9 сюда не вносится на основаніи добавленія въ АТ: «и бѣ ѿ Литвы»...

переходно-безсубъектные съ количественными сочетаніями и съ опущеннымъ сказуемымъ съ тѣмъ же значеніемъ констатированія, и иногда также не для наст. времени, а для прош.:

«даче медуу мало, а дружины много». . . 1,11.

«нача здати црѣвь. . . а коньцаша мѣа авгоу. . . а всѣго дѣла црѣвнаго зданитя дѣни ·ō·» 84,4.

. . . «невѣде, колико злата и сребра» 140,13.

«и оубиша. . . . а раненыхъ много обоихъ» 181,3.

«а то мно вины его» 296,1.

4. Предложенія, въ которыхъ при имен. пад. подлежащаго имѣются приглагольные косвенные члены, и сущностью предложенія является соотношеніе между подлежащимъ и косвеннымъ членомъ, причемъ опущенное сказуемое сознается, какъ форма наст. врем. глагола-существительнаго:

«нъ оже бѣ по насъ, кто на ны» 214,17.

«то же брае не на добро, на зло» 218,21 (АТ «есть не на добро»).

«а кнѣзь безъ грѣха» 268,7.

«зане всоуе троудъ ихъ безъ бѣга повелѣнѣа» 305,20; также 209,19, 218,9, 230,17, 274,2, 320,18.

5. Предложенія, въ которыхъ опредѣляется мѣстонахожденіе подлежащаго — имен. пад., причемъ сознается отсутствіе формы наст. врем. глагола-существительнаго съ реальнымъ значеніемъ существованія, нахожденія:

. . . «Всѣволодь Пльсковѣ, съ брѣмъ Стоплькомъ» 36,2.

. . . «Стоплькъ оу города съ пльковици» 38,14.

«и не бы вести, кде Іярославъ» 167,13.

«мира не хочемъ, а моужи оу мене» 169,17; также 129,12, 165,15, 205,21, 273,2, 301,12, 303,19,

Сюда же предложенія типа: «иже на Дивнѣй горе» 103,6 и типа: «а что по манастиремъ». . . 127,1 — см. дальше § 34.

Приведенные примѣры указываютъ, что предложенія безъ сказуемаго-личной формы наст. врем. глагола-существительнаго были вполне свойственны языку, отразившемуся въ Синод. си. При этомъ, основной характеръ ихъ представляется такимъ же, какимъ онъ представляется и

для современнаго языка. Эти предложенія характеризуются тѣмъ, что съ самимъ называніемъ предмета имен. падежомъ связывается констатированіе этого предмета, и что косвенные члены могутъ по своему содержанію связываться со сказуемымъ такъ, что въ предложениіи сознается соотношеніе между имен. пад. подлежащаго и даннымъ косвеннымъ членомъ и безъ спеціальнаго указанія на это посредствомъ личной формы глагола - существительнаго, если, конечно, не нужно приводящихъ указаній на время прош. или будущее и наклоненіе. Предложенія эти развивались въ языкѣ, какъ особые способы выраженія мысли, и, вѣроятно, ихъ развитіе, въ связи съ другими условіями, вело уже къ уtratѣ формъ наст. времени вообще. Нѣкоторые отдѣльные примѣры при этомъ указываютъ на довольно свободное пользованіе этимъ типомъ въ отношеніи временнаго и модальнаго значенія, см. напр., 23, 17, 244, 11, что, вѣроятно, указываетъ на ослабленное представленіе времени при этихъ конструкціяхъ и на выраженіе модальности интонационными средствами; разсмотрѣнныя предложенія наблюдаются или въ примѣрахъ живой разговорной рѣчи Синод. сп. или въ описаніяхъ, но не въ повѣствовательномъ изложеніи событій.

Такъ какъ разсматриваемыя предложенія ставятся въ связь съ опущеніемъ формъ наст. времени глагола «быти», какъ сказуемаго, то необходимо разсмотрѣть и соответствующія имъ полныя предложенія, въ которыхъ сказуемое не опускается. Въ Синод. сп. находимъ слѣдующія предложенія съ формой наст. врем. глагола «быти» въ сказуемомъ:

Во-первыхъ, предложенія, въ которыхъ указывается на существованіе предмета (имен. пад. подлежащаго), — тотъ типъ, который сохраняется до сихъ поръ въ языкѣ въ предложеніяхъ съ «есть»:

«и ныне єсть» 141, 5.

«суть ми орудиа въ Роуси, а вы вольни въ кнѣзѣхъ» 159, 15.

«єсть оу наю третии другъ» 167, 12.

«є ли вина ꙗго?» 181, 15.

«єсть чьрнець дыяконъ оу стѣ Георгиа» 216, 15.

То же въ предложеніяхъ типа переходно-безсубъектныхъ съ относительнымъ «что»:

«повеле въметати въ погребъ, что єсть новгородць» 171, 5.

«Ѡстоуписа Волока и что ѣсть новгородскаго за тобою» 218,6.

Эти предложенія соотвѣтствуютъ характеру современной рѣчи и тѣмъ самымъ не даютъ интересныхъ историческихъ показаній.

Во-вторыхъ, встрѣчаемъ въ Синод. сп. нѣсколько предложеній съ «ѣсть» и «соуть», строеніе которыхъ представляетъ нѣкоторыя особенности:

«ихъ же добрѣ никто же не вѣсть, кто соуть и Ѡкоде изидоша и что языкъ ихъ и котораго племене соуть и что вѣра ихъ» 190,16.

«инии же глѣть, како се соуть, о нихъ же Мефодии . . . свѣдѣтельствоуекъ» 190,21.

«бъ ѣдинъ вѣсть, кто соуть» 191,11.

«мы же ихъ не вѣмы, кто соуть» 191,15.

«не вѣдахоу кнѣза Юрыа, кдѣ естъ» 321,13.

Если бы эти примѣры передать современнымъ языкомъ, то слѣдовало бы сказать: «никто не знаетъ, кто они и откуда пришли . . . и какого они племени»; «говорятъ, что это тѣ, о которыхъ» . . . ; «не знаемъ, кто они»; «не знали, гдѣ онъ». Особенность строенія состоитъ, такимъ образомъ, въ томъ, что въ Синод. сп. находимъ личныя формы глагола-существительнаго въ качествѣ сказуемаго, а въ современномъ, при отсутствіи этой формы, является отсутствующая въ Синод. сп. форма имен. пад. (подлежащаго);¹ для построенія предложенія необходимо то или другое (если относительное мѣстоименіе «кто» въ примѣрахъ Синод. сп. и можетъ быть принято, какъ подлежащее, то въ соотвѣтствующихъ имъ примѣрахъ современной рѣчи, при другомъ имен. пад. - подлежащемъ, оно является именной частью составнаго сказуемаго). Эти примѣры интересны со стороны соотношенія между употребленіемъ личной формы глагола-существительнаго, какъ сказуемаго, въ др.-русскомъ и употребленія подлежащаго въ современномъ яз.; соотношеніе это, несомнѣнно, характерно для исторіи языка, однако, оно не связано непосредственно съ употребленіемъ личныхъ мѣстоименій, такъ какъ

¹ Ср. Ржигга Ѡ. В., Синтаксисъ слав. языковъ, стр. 11—12.

подлежащимъ могло бы быть и не мѣстоименіе. Надо замѣтить при этомъ, что четыре изъ пяти приведенныхъ примѣровъ относятся къ повѣсти о татарскомъ нашествіи. Здѣсь же надо указать примѣръ «оуже есть велми к ночи» 291,22, въ которомъ «есть» могло бы быть опущено, согласно съ другими примѣрами; но это единичный примѣръ.

Въ третьихъ, надо выдѣлить три примѣра съ «ѣсть», «соуть» въ переводной повѣсти о взятіи Царьграда и одинъ примѣръ въ стереотипномъ церковно-славянскомъ выраженіи; на эти примѣры нѣтъ основаній смотрѣть, какъ на отраженія древне-русскихъ синтаксическихъ явленій:

«повѣжь намъ, где ѣсть моу твои» 133,8.

«мы съ тобою ѣсмь» 133,19 (К. «есме»).

«да лоуче ны ѣсть оумрети» . . . 136,4.

«твоѧ бо есть гѣи власть казнити и пакы миловати» 302,15.

Такимъ образомъ, языку Синод. сп. вполнѣ свойственны предложенія безъ сказуемаго въ формѣ наст. врем. глагола «быти», и это сказуемое выступаетъ лишь въ случаяхъ, гдѣ его присутствіе связано съ особыми условіями рѣчи. Съ этими показаніями Синод. сп. согласуется и то обстоятельство, что въ немъ нѣтъ примѣровъ съ «ѣсть» при инфинитивѣ, хотя такіе примѣры наблюдаются въ др.-церковно-славянск. памятникахъ. Что касается употребленія формъ наст. времени отъ «быти» въ качествѣ связки въ составномъ сказуемомъ и въ формахъ сложнаго прошедшаго времени, то объ этомъ ниже.

§ 12. Неполныя предложенія съ опущенными членами конкретного содержанія.

1. Сюда относимъ предложенія съ опущеннымъ сказуемымъ; форма и конкретное содержаніе котораго воспринимается съ достаточной ясностью въ связи съ наличными членами, а также съ обстановкой рѣчи, но не заимствуется непосредственно изъ предшествующей рѣчи:

«и власть себе раздѣлиша: ѿрви граѧ, а Маркосоу Соудъ, а доужевѣ десатина» 143,1.

«и дѣлова чѣтныи крѣтъ, а новгородьци к нему, яко с нимъ въ животь и въ смѣрътъ» 163,19.

«а вы роздравше та прочь» 209,17.

«роспрѣса Степанъ Твърдиславиць съ Водовікомъ, Иванке Тимошкиниць по Степанѣ» 220,4 и др.

Эти предложенія не представляютъ спеціального интереса въ историческомъ отношеніи, но даютъ примѣры живой рѣчи.

2. Сюда относимъ предложенія, неполнота которыхъ связана съ опущеніемъ членовъ, восстанавливаемыхъ изъ контекста. Среди этихъ предложеній заслуживаютъ вниманія въ отношеніи Синод. сп. предложенія съ опущеннымъ и восстанавливаемымъ изъ предшествующаго текста подлежащимъ. Дѣло въ томъ, что такія неполныя предложенія въ сильной степени свойственны языку Синод. сп. Подлежащее, ясное по предшествующему тексту, обычно не называется: это бываетъ или тогда, когда въ послѣдующихъ предложеніяхъ то же подлежащее, что и въ предыдущемъ, или когда дополненіе предшествующаго становится подлежащимъ послѣдующаго, что ясно изъ контекста. Въ первомъ случаѣ иногда можно говорить о слитномъ предложеніи, но во многихъ случаяхъ сложность конструкторіи отдѣльныхъ частей и содержаніе мѣшаютъ этому; подлежащее не находитъ себѣ новаго выраженія въ связи съ тѣмъ, что Синод. сп. не знаетъ въ такомъ положеніи анафорического мѣстоименія «онъ» (см. ниже стр. 60):

«ожениса кнѣзь Олександръ, снѣъ Ярославль, въ Новѣгородѣ, погъ въ Полотьскѣ оу Брачьслава дчерь, і вѣнчасъ в Торопчи; тоу кашку чини, а в Новѣгородѣ дроую» 251,5.

«а кнѣзь погониса по нихъ съ своимъ дворомъ, и би та подѣъ Зижъчемъ, і не оупоустѣ ихъ ни моужа; і тоу ізби избытокъ кнажичь». . . 262,7; также 15,7, 18,13, 25,1, 164,17, 257,7, 281,7 и др.

Подлежащее не называется, когда оно указано въ предшествующемъ предложеніи въ качествѣ дополненія:

«сїцна бѣ пркы печерьская Ішамъ митрополитомъ; томъ лѣ прѣстависа» 10,10.

«поставиша археппа Нифонта, моужа стѣа и зѣло боищасъ бѣ; и приде Новоугородоу мѣа генъвра». . . 25,17.

«и выгониста и ис Перетаслава; и приде опать Новоугородоу» 27,10.

«и поможе бѣ Олговицю съ черниговчи; и многы кытаны исеце, а другына изма роуками» 31,17.

«Новгородьци. . . . изволиша бѣмъ избрана Мартоурига, и послаша понь, и приведоша из Роусѣ; и посадѣша и в еѣпши, и послаша къ мѣтрополитоу; и присла понь съ чѣстью, и иде съ передними моу». . . 103,13; также 104,4, 111,14, 161,20, 163,1, 255,21 и др.

Эти предложенія съ отсутствующимъ словеснымъ подлежащимъ тамъ, гдѣ оно само собой ясно, можно сопоставить съ тѣмъ, что выше сказано о предложеніяхъ опредѣленно-личныхъ. Для Синод. сп. приходится отмѣтить вообще частое опущеніе подлежащаго тамъ, гдѣ оно ясно, поскольку конструкція и внутреннія значенія предложенія допускаютъ его неполноту. Въ дальнѣйшей исторіи русскаго языка развитіе употребленія подлежащаго связывается съ развитіемъ употребленія личныхъ мѣстоименій и въ частности съ переходомъ значенія мѣстоименія «онъ» — ἐκεῖνος въ значеніе мѣстоименія личнаго 3-го лица.

Неполныя предложенія съ другими опущенными и возстановляемыми по контексту членами тоже часты въ Синод. сп.:

«Тѣгда Ѡлша посадничество у Твѣрдислѣ^ѣ и даша Сменоу Борисовицю, а тысацьскою оу Якоуна, и даша Семьюноу Юминоу» 182,19 и мн. др.

II. ГЛАВНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНІЯ И ИХЪ СОГЛАСОВАНІЕ.

§ 13. Подлежащее.

Въ формѣ предложенія подлежащее обычно есть имен. пад. имени. Это выраженіе соотвѣтствуетъ основному значенію подлежащаго, какъ производителя дѣйствія сказуемаго и характеризуется наибольшей согласованностью между его формой и значеніемъ.

Синод. сп. даетъ слѣдующій матеріалъ выраженія подлежащаго имен. пад. имени:

1. Подлежащее выражается имен. пад. существительныхъ формъ.

а) Сюда относится, прежде всего, выраженіе подлежащаго имен. пад. именъ существительныхъ; нѣтъ нужды приводить примѣры.

б) Подлежащее выражено имен. пад. мѣстоименія личнаго. Въ Синод. сп. наблюдаются примѣры подлежащаго, выраженнаго имен. пад. личныхъ мѣстоименій 1 и 2 л. ед. и мн. ч.; примѣровъ съ личными мѣстоименіями - подлежащими въ дв. ч. нѣтъ. Въ 3-мъ лицѣ подлежащаго встрѣчается указательное мѣстоименіе «онъ», «они», о чемъ ниже. Выраженіе подлежащаго имен. пад. личныхъ мѣстоименій по существу не требуетъ особыхъ замѣчаній для Синод. сп. Но въ связи съ этимъ способомъ выраженія подлежащаго выступаетъ вопросъ объ употребленіи въ рѣчи личнаго мѣстоименія-подлежащаго и объ отсутствіи его въ предложеніи, которое въ силу этого становится односоставнымъ, опредѣленно-личнымъ. Вопросъ этотъ разсмотрѣнъ уже выше, въ главѣ объ односоставныхъ, опредѣленно-личныхъ предложеніяхъ.

в) Подлежащее выражено имен. пад. другихъ существительныхъ формъ: мѣстоименій-существительныхъ: «кто вы добръ, того любите» 147,14; «і кто, браѣ, о семь не поплѣчетса, кто са на̄ осталъ живыхъ 244,16 и мн. др.; числительныхъ-существительныхъ: «и сѣдоша ·5̄· кнѣзь въ шатрѣ» 146,7; въ неполномъ предложеніи: «но вси быша единодѣшно, и то ·р̄· моу» 164,9, также 41,9.

2. Подлежащее выражено имен. пад. мѣстоименія «онъ».

Это мѣстоименіе приходится выдѣлить особо, такъ какъ оно представляетъ колебанія между существительнымъ и прилагательнымъ словами. Въ примѣрахъ Синод. сп. оно можетъ восприниматься, какъ мѣстоименіе-существительное съ анафорическимъ значеніемъ или со значеніемъ, близкимъ къ значенію личнаго мѣстоименія, согласно съ современнымъ языкомъ; однако, оно никогда не повторяетъ собой подлежащаго непосредственно предшествующаго предложенія или части сложнаго предложенія, какъ въ современномъ. Примѣры Синод. списка таковы:

«идоша прогнать его съ Лоукъ; онъ же... иде Торопцю» 67,9.

«кнѣзь же Мѣстиславъ въ вѣче поча звати; они же не поидоша» 157,20.

«новгородци тебе не слоушаютъ; мы дани прошали тебе, і они на выгнали» 297,18; также 153,18, 206,4, 207,19 и др.

Въ этихъ случаяхъ мѣстоименіе «онъ» выступаетъ со значеніемъ, соотвѣтствующимъ мѣстоименію личному 3-го лица.

Рядомъ съ этимъ, въ Синод. сп. встрѣчаются примѣры съ имен. мн. «они» съ несомнѣннымъ значеніемъ мѣстоименія-прилагательнаго, причемъ это мѣстоименіе-прилагательное является указательнымъ съ значеніемъ «тотъ» — ἐκεῖνος:

«Придоша свѣкъ подь Ладоугоу и пожьгоша ладожане хоромы... затворишася въ гра... а по кнѣза послаша и по новгородце. Они же (т. е. свѣкъ) пристоупиша подь городъ» 64,6.

«а лоуцане оустерегосшася и ѿступиша — они въ городъ, а иня Пльсковоу» 68,3¹.

«ано тамо измаво вачышнѣ моу; а мьнышекъ — они розидошася, а иноу помьрло голодомъ» 165,8.

«а добыгъкъ Сменовъ и Водовиковъ по [мѣ]стомъ розделиша. Они троудишася събирающе, а си въ трудъ ихъ вѣнидоша» 223,18 (добавл. на основаніи КАТ).

Въ нѣкоторыхъ примѣрахъ можно колебаться между тѣмъ или другимъ пониманіемъ мѣстоименія «они».

Объ указательномъ мѣстоименіи «онъ» (они) въ качествѣ опредѣленія см. дальше § 26.

3. Подлежащее выражается имен. пад. прилагательныхъ субстантивированныхъ. Сюда относятся случаи наименованія женщины по имени мужа черезъ притяжательное прилагательное, производное отъ его имени, получающее самостоятельное субстантивированное значеніе:

«постави монастырь... Полюжата Городьшница, Жирошкина дѣци» 117,14.

¹ Въ буквѣ о въ «они» слились чернила; ср. въ печатномъ изданіи стр. 147—«ици»; но въ 1-мъ почеркѣ і не употребляется въ срединѣ строки, см. Б. М. Ляпуновъ, Изслѣд. о яз. Синод. сп. 9.

«ТОМЪ ЛѢ постави црѣвь княгыни Гѣрославла» 122,10; также 19,17, 53,6, 144,4, 241,5, 261,6, 310, 3¹.

4. Подлежащее выражено имен. пад. прилагательныхъ формъ, являющихся выразителями подлежащаго за отсутствіемъ существительнаго-опредѣляемаго. Сюда относятся, прежде всего, имена прилагательныя качественныя и относительныя, которыя въ качествѣ подлежащаго всегда выступаютъ въ Синод. сп. въ мѣстоименной формѣ: «и жалахоу по немь в Новгородѣ добрии, а злии радовахоуса» 115,9; «и веселашеса блжннй дшею и теломь» 119,2 и др.

Сюда же относятся, далѣе, прилагательныя формы числительныхъ: «поженеть единъ ·р̄· вастъ» 290,2, 17,15, «придоша кождо десатыи въ домы своѣ» 240,21, 198,4 и др.

Далѣе, подлежащее выражается имен. пад. мѣстоименій - прилагательныхъ:

«и ради быша вси по градуу» 21,2.

«а сами Ѡбегоша къ морю» 84,18.

«тоую же и съ прии печаль» 154,2 и др.

«а ини азвни въбѣгоша въ Гюргевъ» 234,17.

«и оба положена оу стго Георгита» 119,11, 308,4.

Отдѣльно надо отмѣтить примѣры съ мѣстоименіемъ - прилагательнымъ въ формѣ ср. р. ед. ч.:

«ово ихъ измьроша» 24,7.

«а на Търожкоу все чело бы» 161,15.

«бы же се мца генвара» 181,4 и др.

Нѣкоторыя мѣстоименія - прилагательныя имѣютъ сложную форму имен. пад.:

«а друзии разидошаса по чюжимъ земламъ» 24,7, 36,6 и др. (ср. «овы побыша, а другы изымаша живы 277,17).

«а иноѣ помьрло голодомъ» 165,8.

«мно бо глѣють о немь инии» 247,13 и др.

¹ См. того же автора «Употребленіе именныхъ и мѣстоименныхъ формъ именъ прилагательныхъ въ Синод. сп.» — Изв. Отд. ряз. и слов., 1918, кн. 1, стр. 28—29.

5. Подлежащее выражено словомъ «заѸтра», являющимся этимологически нарѣчіемъ, но получающимъ значеніе имени существительнаго въ имен. пад.:

«и бѣ заѸтра» 171,15, 179,20, 274,17¹.

§ 14. Сказуемое.

Простое сказуемое. Простое сказуемое Синод. сп. не требуетъ особыхъ замѣчаній. Съ исторической точки зрѣнія интересно употребленіе формъ наст. времени глагола-существительнаго, но объ этомъ сказано выше (стр. 55 и сл.). О значеніи глагольныхъ формъ будетъ сказано ниже.

Составное сказуемое. Для составнаго сказуемаго исторически цѣнными являются показанія Синод. сп. объ именной части этого сказуемаго, такъ какъ именно эта часть претерпѣла историческія измѣненія. Въ Синод. сп. находимъ именную часть въ формѣ существительнаго въ имен. пад. въ слѣдующихъ случаяхъ:

При связкѣ—личной формѣ глагола-существительнаго наст. времени или безъ связки:

«ты ми ѳси снѣ, а газъ тѣбе оѿѣ» 151,18.

«намъ ѳсте не брѣга» 210,15.

«ты нѣ кнѣзь» 231,5; также 36,11, 132,8, 134,12, 217,2, 267,17, 307,14 (о примѣрахъ типа «никто же не вѣсть, кто соуть» 190,16, 191,11, 191,15, см. выше стр. 56).

Далѣе, имя существительное въ имен. пад. наблюдается при связкѣ въ формѣ прош. времени:

«разболѣвѣса и бѣ мнихъ» 132,14.

«съ же Котанъ бѣ тѣсть Мьстиславоу Галицьскомоу» 192,18.

«башеть бо моу блѣтъ, кроткъ»... 225,14.

¹ Эти примѣры Синод. сп. согласуются съ подобными примѣрами другихъ др.-русскихъ памятниковъ, а также вообще съ данными русскаго языка (см. Срезневскій, Мат. для слов..., Даль, Толк. Слов., Словарь русск. яз. II отд. А. Н. и др.; ср. «яко бѣ заутра», Лавр. лѣт. 39,1).

«прѣвѣса митрополитъ... родомъ грѣцинь бѣ» 233,11; сюда же, вѣроятно, относится—«і не то бѣ зло» 255,16.

Рядомъ съ этими примѣрами, находимъ примѣры съ твор. предикативнымъ при формѣ буд. времени глагола-существительнаго:

«да не боудеть Новии тѣргъ Новгородомъ, ни Новгородъ Тѣржкомъ» 165,14;

при другихъ глаголахъ: «а самъ прѣмъ ста» 128,1, 132,6, 135,4 (всѣ одинаковы, изъ повѣсти о взятіи Царьграда), а также въ составномъ сказуемомъ съ причастіемъ страдательнымъ:

«поставленъ бѣ помъ въ сыропѣую нѣ, архіѣпимъ по чѣби нѣ»... 219,16.

Приведенные примѣры не даютъ основаній для какихъ-либо опредѣленныхъ выводовъ относительно чередованія имен. и твор. предикативнаго именъ существительныхъ. Что касается прилагательныхъ формъ, то въ Синод. сп. встрѣчаемъ для нихъ въ составномъ сказуемомъ исключительно имен. пад. именныхъ формъ; сюда относятся частые примѣры съ именами прилагательными и страдательными причастіями, какъ при связкахъ отвлеченныхъ, такъ и при связкахъ съ вещественнымъ содержаніемъ или и безъ связки; сюда же относится примѣръ съ мѣстоименіемъ: «а не вѣдоуще, кака есть (сила крѣтнага» 290,10, (АТ «какова»). Далѣе, въ Синод. сп. наблюдаемъ два примѣра составнаго сказуемаго съ дѣйствительнымъ причастіемъ въ именной части, при связкѣ «баше, бахоу»:

«бахоу бо перевѣтъ держаче с нѣмци пльсковичи» 254,21.

«в неі же баше множество чюди влѣзше» 287,18.

О примѣрѣ «томъ лѣ концаша прѣквѣ пишюще стѣго блѣщенига» 98,7, см. дальше, въ главѣ о причастномъ сказуемомъ.

Именно частью составнаго сказуемаго выступаетъ имя прилагательное сравнительной степени, согласованное съ подлежащимъ, или нарѣчіе. Какъ часть составнаго сказуемаго безсубъектныхъ предложений, нарѣчіе выступаетъ въ Синод. сп. соотвѣтственно современному его употребленію и не требуетъ особыхъ замѣчаній. Иное дѣло нарѣчіе въ субъектныхъ двучленныхъ предложеніяхъ. Тутъ оно наблюдается въ формахъ сравнительной степени, въ связи съ исторической утратой склоненія

прилагательныхъ сравнительной степени и съ переходомъ имен. пад. этихъ формъ въ нарѣчія. Въ Синод. сп., какъ уже было указано, въ именнй части сказуемаго прилагательныя сравнит. степени сохраняютъ еще согласованіе съ подлежащимъ въ родѣ и числѣ, хотя и не во всѣхъ случаяхъ; такимъ образомъ, въ Синод. сп. отражается процессъ перехода прилагательныхъ сравнит. степени въ нарѣчія, которыя остаются частью составнаго сказуемаго. Согласованіе находимъ въ примѣрахъ:

«а вода бы больши третьяго лѣ» 47,1.

«онѣмъ больши будетъ сила» 193,12.

«но горше быхомъ на зло» 290,6.

Примѣры типа: «нѣ скорѣиши быхомъ на зло» 219,6, 226,16, 227,10, вѣроятно, отражаютъ согласованіе въ числѣ (по аналогіи съ окончаніемъ имен. пад. мн. ч. на и).

Несомнѣнное отсутствіе согласованія и, слѣдовательно, нарѣчіе встрѣчаемъ въ примѣрахъ: «градъ же тако габльковъ боле» 60,2, «а тамо того сянѣе огнь» 301,12.

Переходимъ къ вопросу объ употребленіи и опущеніи связки въ составномъ сказуемомъ. При имени существительномъ въ именнй части составнаго сказуемаго примѣры со связкой наст. врем. наблюдаются почти въ той же мѣрѣ, какъ и безъ связки; тѣ и другіе, впрочемъ, немногочисленны въ Синод. списокѣ:

«азъ ксмь црѣ» 132,8.

«ты ми кси снѣ, а азъ тѣбе оцѣ» 151,18.

«намъ ксте не брата» 210,15.

«ты еси бѣ нашъ» 307,14; (см. также примѣры 190,16, 191,11, 191,15 на стр. 56).

Безъ связки:—«кто Всеволодо[у] пригатель богаръ» 36,11 (КАТ «пріяеть»; восстановлено по КАТ).

«азъ вашъ црѣ» 134,12.

«кого да митрополитъ, тогъ намъ оцѣ» 217,1.

«ты на кнзѣ» 231,5.

«азъ вамъ не кнзѣ» 267,17.

При прилагательныхъ формахъ въ именнй части составнаго ска-

зуемаго положеніе нѣсколько иное. Примѣры безъ связки встрѣчаются часто; можно сказать, что связка наст. вр. обычно опускается при прилагательныхъ формахъ въ сказуемомъ (именахъ прилагательныхъ и страдательныхъ причастіяхъ), то же наблюдается при нарѣчіяхъ:

«а кнѣзь вашъ, снѣ мой Стѣславъ малъ» 143,13.

«ано тамо измано вачьшіе моу» 165,7.

«свалба пристроена, меды изварены, невѣста приведена, кнѣзи позвани» 232,19.

«новгородци прави, а Дрославъ виновать» 297,12; также 131,19, 139,17, 159,15, 207,2, 209,17, 248,12, 277,18, 281,1, 293,11, 301,11; въ безсубъектныхъ: 114,17, 140,1, 188,9, 216,10 (см. эти примѣры на стр. 50).

Со связкой встрѣчаются лишь слѣдующіе примѣры:

«Ѫ поведемъ къ нѣмечскомуу Црю, Ѫнеле же ксме послани» 135,11.

«О великъ к, брае, промыслъ бжии» 172,12.

«и оувѣдавъ Михайлъ, тако приати соуть послѣ новгородьстия»... 214 18.

«и не вѣдоуше, кака есть сила крѣпала» 290,10.

Приведенные примѣры даютъ основанія для вывода, что въ Синод. сп. связка наст. врем. обычно опускается, особенно при прилагательныхъ формахъ въ именной части. Связка выступаетъ или въ связи съ нѣкоторыми условіями конструкціи предложенія, или въ предложеніяхъ, не отражающихъ непосредственно языка русскимъ писцовъ (въ переводной повѣсти о взятіи Царьграда, въ церковнославянскимъ выраженіяхъ). Что касается выступленія связки въ связи съ условіями конструкціи, то трудно сказать, насколько связка въ этихъ случаяхъ была свойственна живому языку; возможно, что писцы пользовались ею въ книжной рѣчи съ тою же степенью искусственности, съ какой въ современной книжной рѣчи тоже иногда пользуются формами «есть» и «суть». Въ Синод. сп., въ зависимости отъ конструкціи, связка наблюдается: а) когда подлежащее не названо (1-е и 2 лица примѣры 210,15, 135,11), б) когда сказуемое-прилагательное выступаетъ передъ подлежащимъ; съ этимъ несомненно необходимо соединить то обстоятельство, что во

всѣхъ примѣрахъ съ прилагательными безъ связки эти прилагательныя выступаютъ послѣ подлежащихъ, кромѣ «а тамо того сидѣе огонь» 301,11.

§ 15. Согласованіе сказуемаго съ подлежащимъ.

Въ области согласованія сказуемаго съ подлежащимъ отмѣчаемъ тѣ явленія Синод. сп., которыя являются характерными для него, какъ для древне-русскаго памятника.

Въ Синод. сп. сохраняются формы дв. числа; поэтому, въ немъ сказуемое согласуется съ подлежащимъ въ дв. числѣ, причѣмъ согласуются какъ личныя формы глагола, такъ и именная часть составного сказуемаго:

«погрѣбена бы .в̄. кнѣзѣ» 4,13.

«оутопоста .в̄. по» 47,4.

«и съгореста цркви .в̄.» 87,15.

«и оба положена... въ монастыри» 119,11.

«и ту обадиста Володимирица браю свою» 146,9; также 9,15, 46,13, 95,1, 119,6, 197,1, 199,3; то же въ неполномъ предложеніи безъ подлежащаго: «рѣкшема има, тако избѣвѣ сѣхъ, а сама примѣва власть всю» 177,3.

Рядомъ съ этимъ, наблюдаемъ лишь два примѣра, указывающіе на утрату дв. ч., въ которыхъ при подлежащемъ дв. ч. сказуемое стоитъ во мн. ч.; оба въ концѣ списка:

«і два пона сгорѣша» 302,5.

«сопростаса два кнѣзѣ о великое княжение ... і поідоша въ ордоу оба» 308,4.

Сказуемое въ дв. ч. согласуется какъ съ подлежащимъ въ дв. ч., такъ и съ двумя подлежащими; примѣры такого согласованія:

«прогнаста Изаслѣ въ лѣ Стослѣ и Всѣволодь» 9,3.

«а бра его Романъ и Мьстиславъ пожьгоста Лоукы» 68,1; также 8,15, 27,9, 112,2, 261,3. Точно также въ рядѣ примѣровъ наблюдается дв. число сказуемаго при подлежащемъ ед. ч. съ твор. соціативнымъ.

«томѣ лѣ концаста прѣквѣ архейпѣ Илѣга съ брамѣ» 89,15.

«постависта църковѣ стѣго Еѹпатѣга Радѣко съ брамѣ» 90,2; также 62,13, 74,6, 128,8, 178,17, 183,3; также въ неполномъ предложеніи, съ ранѣе названными подлежащими — 82,1. Но въ другихъ случаяхъ при двухъ подлежащихъ въ ед. ч. сказуемое выступаетъ во мн. ч.:

«и замыслиша Твърдислѣ и Гякоунѣ тысячѣскыи» 182,15.

«а Домашѣ Твърдиславичѣ и Кербетѣ быша в розгонѣ» 257,9.

«рѣ же Мьстиславѣ и Володимирѣ: поидемѣ къ Перегаславлю» . . . 167,10.

Въ нѣкоторыхъ примѣрахъ мн. ч. сказуемаго не указываетъ опредѣленно на утрату согласованія, а можетъ быть формой сказуемаго другого, неопредѣленно-личнаго предложенія; такъ въ примѣрахъ: «иде Стѣпѣлкѣ и Володимирѣ на Дѣда Смольнѣскоу, и вдаша Дѣдоу Новѣгородѣ» 11,13; «в тѣ лѣ съвершиша църкѣвѣ каману стѣго Михаила, Твърдислѣ и Феодорѣ» 198,18 (подлежащія являются добавочными); также 84,1, 86,6, 183,6, 322,23; мн. ч. сказуемаго связано съ слѣдующимъ подлежащимъ и въ примѣрѣ 246,2.

Если сказуемое стоитъ въ ед. ч., то это указываетъ на согласованіе его съ ближайшимъ подлежащимъ; объ этомъ ниже. Примѣръ: «оѣцѣ и мѣти чадо свое вѣсажаше въ лодью даромѣ гостѣмѣ» 24,5 неясенъ по формѣ сказуемаго.

Примѣры согласованія сказуемаго съ подлежащимъ въ дв. ч. указываютъ, что въ начальной части списка, именно въ первомъ почеркѣ согласованіе это проводится послѣдовательно (кромѣ примѣра 24,5); дальше оно начинаетъ утрачиваться въ случаяхъ, гдѣ нѣтъ подлежащаго съ числительнымъ .Ѡ. и, наконецъ, въ 3-мъ почеркѣ списка наблюдается всего одинъ примѣръ со сказуемымъ въ дв. ч., который можетъ быть принятъ, какъ церковнославянизмъ:

«ідеже Аркаді і Мартоури архиеѣпа лежѣга» 261,4.

Въ этомъ же почеркѣ наблюдаются явные примѣры несогласованія въ дв. ч.: «два попа сгорѣша» 302,5, также 257,8, 308,4.

Множ. число сказуемаго наблюдается въ Синод. сп. не только при

подлежащемъ во мн. ч., но и при подлежащемъ ед. ч. съ собирательнымъ значеніемъ. Такое согласованіе наблюдается при слѣдующихъ именахъ собирательныхъ.

Послѣдовательно оно наблюдается при названіяхъ народностей: «морьдва, ѣмь, корела, чюдь, югра, литва»:

«семѣ лѣ побѣдиша Ірослава морьдва Муромѣ» 12,15.

«приходиша ѣмь и вокваша область новгородскоую» 44,13.

«ходиша корела на кѣмь» 45,17; также 52,9, 98,17, 104,14, 123,8, 155,7, 265,4, 287,21.

Далѣе, мн. ч. сказуемаго наблюдается при существительныхъ «народъ» и «чернь»:

«и шьдѣше весь народъ, погнша и из монастыра» 58,1.

«і чернь не хотѣша дати числа» 273,20, 132,18.

При имени собирательномъ «братита» сказуемое послѣдовательно стоитъ во мн. ч., кромѣ одного примѣра:

«идоша вса браѣта . . и побѣдиша га» 12,11, 16,2, 59,1, 59,10, 181,8; единичный примѣръ съ ед. ч. именной части сказуемаго безъ verb. finit. таковъ:

«моужи мои і браѣта моя і ваша побита» 293,11.

Здѣсь же надо указать на примѣры: «а клиросъ вѣсь съ людьми падоша ници» 17,18, съ дополненіемъ въ твор. пад. (см. ниже); «ово ихъ измьроша» 24,7; «ходиша же из Новагорода помочыѣ кызнюмъ» 47,12 (но в КАТ—«въ помощь»).

При другихъ именахъ существительныхъ съ собирательнымъ значеніемъ сказуемое стоитъ то во мн., то въ ед. числѣ, а именно при именахъ, обозначающихъ городъ или часть его:

«Търговии же полъ сташа въ оружию по немъ» 58,18.

«и весь Новъгородъ шьдѣше съ чѣтью посадиша и» 122,4.

«і выдоша весь граѣ въ оружиі» 298,3; также 38,15, 130,11.

И обратно, съ ед. числ. сказуемаго, рѣже:

«събраса весь граѣ люѣи; изволиша собе ейшь поставити» 57,16.

«и обрадоваса вѣсь Новъгородъ» 123,5.

При имени «земла»: «ходиша вса роуѣска земла» . . . 47,8, 81,1, но «раздѣраса вса земла роуѣскаѧ» 29,17.

«сильно бо възмаласа вса земла роуѣскаѧ» 31,12.

При именахъ «прокъ, останькъ, избытокъ»:

«а прокъ ихъ злѣ Ѡбѣгоша» 73,7, 203,7.

«и тѣгда придоша избытокъ живыхъ изъ Югры» 108,6, 124,6.

«а останькъ почаша мерети» 222,4; но съ ед. числ. сказуемаго:

«а останьке разидеса» 162,14.

«а прокъ ихъ вѣбѣже съ вокводою своимъ» . . . 195,8, 206,18.

При имени «множество» — со мн. ч. 245,9 и 287,17, съ ед. числ. 62,9, 78,2, 80,5, 252,21 (см. стр. 25).

Множ. число сказуемаго при именахъ съ собирательнымъ значеніемъ относится лишь къ собранію лицъ. При именахъ, означающихъ собраніе другихъ живыхъ существъ и предметовъ, мн. ч. сказуемаго не наблюдается; ср. «и конь множество помре» 60,9, «и скоть помре рогатый» 60,13.

Изъ другихъ случаевъ согласованія сказуемаго съ подлежащимъ надо указать на примѣры:

«придоша каждо десатый въ дома свои» 240,21; но:

«а прочии вои, десатый приде каждо въ свои» 198,3.

Въ примѣрѣ: «ано тамо измано вачышнѣ моу, а мньшекъ, они розидошаса, а инокъ помърло голодомъ» 165,7 интересны формы «мньшекъ», «инокъ помърло».

Въ примѣрѣ: «суть ми орудия въ Роуси» 159,14 — согласованіе во мн. ч. связывается съ употребленіемъ формы «суть» (ср. въ современномъ русскомъ: «есть у меня дѣла»).

Переходимъ къ вопросу о числѣ сказуемаго при нѣсколькихъ подлежащихъ. При нѣсколькихъ подлежащихъ сказуемое согласуется или съ однимъ изъ нихъ — ближайшимъ или съ суммой ихъ. Синод. сп. даетъ слѣдующія показанія въ этомъ отношеніи. О дв. ч. и о мн. ч. сказуемаго при двухъ подлежащихъ въ ед. ч. уже сказано. Согласованіе сказуемаго съ суммой подлежащихъ наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, когда сказуемое означаетъ совмѣстное дѣйствіе подлежащихъ:

«и прислаша понь митрополитъ и вса княжья роусьскага» 93,9.
 «и печаловахоуса въ Новгородѣ кнѣзь и вѣдка и весь Новгородъ» 106,4.

«Мьстиславъ же и Константинъ и два Володимира съ новгородци сташа на рѣцѣ Липичи» 169,4; 257,20.

Но въ большинствѣ случаевъ сказуемое согласуется лишь съ ближайшимъ подлежащимъ; это наблюдается, когда сказуемое выступаетъ передъ подлежащимъ; сюда относимъ и примѣры съ двумя подлежащими въ ед. ч., т. е. такіе, гдѣ можно ждать сказуемаго въ дв. ч.:

«избра вѣдка и сестры все» 110,8.

«пойде кнѣзь Мьстиславъ и Володимиръ ис Кыква къ Галицю» 183,8.

«баше тогда и Константинъ кнѣзь и Ярославъ, бра Александровъ, съ своими моужи, і полотьскыи кнѣзь Товтивиль» . . . 276,20; также 19,4, 135,18, 182,12, 186,10, 249,6, 327,11, 329,12, 329, 23.

Въ другихъ случаяхъ при ед. ч. сказуемаго второе подлежащее носить явно добавочный характеръ: «иде Всѣволодъ на Соуждаль ратью, и вса Новгородская область» 30,7; «бѣжа Константинъ посадникъ къ Всѣволодоу, и инѣхъ добрыхъ моужь нѣколько» 35,8; также 138,19, 170,14, 187,15, 223,10, 297,4.

Въ некоторыхъ случаяхъ первое сказуемое согласуется съ ближайшимъ подлежащимъ въ ед. ч., а послѣдующія съ суммой ихъ во множ. числѣ; впрочемъ, иногда трудно рѣшить вопросъ, согласуется ли послѣдующее сказуемое съ подлежащими или оно является въ формѣ 3 л. мн. ч., какъ сказуемое новаго неопредѣленно-личнаго предложенія:

«иде Стопѣлкъ, Володимиръ, Дѣвѣ и вса зѣмля просторѣускага на половьце и побѣдиша га» 14,10; «и прига и съ любѣвью кнѣзь Стослѣ и митрополитъ, и поставиша и мѣда дека» 104,1; также 154,8, 156,7, 303,20.

Типы согласованія сказуемаго съ нѣсколькими подлежащими соответствуютъ типамъ согласованія его съ подлежащимъ и творит. социативнымъ. Въ Синод. сп. имѣются примѣры сказуемаго во мн. ч при подлежащемъ въ ед. ч. и дополненіи—творит. социативномъ: «и съложи-

шаса на Новѣгородъ Андрѣи съ смолянны и съ полоцаны» 68,4;
«а кнѣзь съ новѣгородьци посылахоу к нимъ» 86,14; также 303,14.

Чаще въ этихъ случаяхъ сказуемое въ ед. ч.; сюда относимъ и примѣры, въ которыхъ ед. ч. вмѣсто возможнаго двойств.: «в томъ вечере перевозиса Ярославъ съ вой» 1,14; «победи Изасла съ Вацеславомъ Гюрга оу Перегаславлѣ» 53,3; также 7,12, 32,2, 64,10, 69,1, 80,2, 82,11, 85,14 и др.

Иногда послѣдующія сказуемыя стоятъ во мн. ч. «ходи Романъ съ новгородьци къ Торопыцю и пожьгоша дома ихъ» 70,16; также 73,1, 80,12, 92,5 и др.; въ двойств. числѣ: «оуладиса Ростисла съ Андрѣемъ о Новѣгородъ, и вывѣдоста Мьстислава» 62,11.

Всѣ разсмотрѣнные случаи согласованія сказуемаго съ суммой подлежащихъ указываютъ на представленіе о совмѣстномъ дѣйствіи дѣйствующихъ лицъ. Примѣры такого согласованія относятся всѣ къ именамъ дѣйствующихъ лицъ, но не къ названіямъ предметовъ и не къ существительнымъ съ отвлеченнымъ значеніемъ. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ сказуемое при нѣсколькихъ подлежащихъ или при подлежащемъ съ твор. соціативнымъ всегда выступаетъ въ ед. числѣ, но не въ дв. или множ.: «О, великъ страхъ и тьма бѣ» 20,16; «бѣ дѣжгъ съ градомъ» 49,10; «и бѣ тоуга и беда останкоу живыхъ» 105,18; «и той ноци загорѣса городъ и кнѣзь дворъ» 171,12; «и бѣ въплъ и плачь и печаль» 198,9; «і погорѣ торгъ і домове по Рогатицю» 313,14; также 21,7, 46,3, 53,17, 63,8, 94,15 и др. Единственный примѣръ со сказ. мн. ч.: «і зажгоша посадъ всь, і много зла бѣ, і погорѣша цркви и чтныа іконы, и книги» 254,12.

Здѣсь же надо отмѣтить примѣры съ ед. ч. сказуемаго при двухъ подлежащихъ съ собирательнымъ значеніемъ:

«и тако по грѣхомъ нашимъ разидеса власть наша и градъ нашъ» 162,15.

«и разидеса грѣдъ нашъ и волость наша» 222,1.

«Ростовъ же и Соуждалъ разидеса розно» 247,14.

§ 16. Второстепенное сказуемое.

Со сказуемымъ тѣсно связывается по своему значенію тотъ членъ предложенія, который выражается нечленной формой дѣйствительнаго причастія въ имен. пад., перешедшей позже въ дѣепричастіе, и который называется, по терминологіи Потебни, причастіемъ аппозитивнымъ или аппозиціей¹. Аппозитивное причастіе опредѣляется, какъ переходная

¹ Терминъ «аппозиція», «аппозитивное причастіе» не является вполне опредѣленнымъ по своему содержанию и достаточно разграниченнымъ отъ нѣкоторыхъ другихъ терминовъ, какъ «приложеніе», «собственно - приложеніе», но съ нимъ связываются обычно двѣ характерныя черты называемаго имъ явленія: во-первыхъ, онъ содержитъ указаніе на атрибутивно-предикативный характеръ даннаго члена предложенія; во вторыхъ, онъ указываетъ на отсутствіе тѣсной непосредственной связи этого члена съ подлежащимъ и съ сказуемымъ, т. е. нѣкоторую его самостоятельность, обособленность. Обѣ указанныя черты сближаютъ именное дѣйствительное причастіе съ тѣми прилагательными и страдательными причастіями, которыя выступаютъ въ предложеніи, какъ обособленные опредѣленія съ предидирующимъ значеніемъ, что и дало поводъ Потебнѣ называть всѣ ихъ «аппозиціей» и разсматривать вмѣстѣ причастія дѣйствительныя и страдательныя. Впрочемъ, въ отношеніи дѣйствительныхъ причастій въ имен. пад. Потебня и другіе изслѣдователи отмѣчаютъ большее тяготѣніе къ сказуемому; это тяготѣніе повело въ дальнѣйшей исторіи русскаго языка къ полному разрыву дѣйствительнаго причастія съ подлежащимъ и къ подчиненію его сказуемому, причемъ причастіе стало дѣепричастіемъ. Но пока оно оставалось причастіемъ, т. е. пока оно согласовалось съ подлежащимъ, оно не теряло своей связи съ этимъ послѣднимъ, какъ съ *опредѣляемымъ*, и только связывалось съ нимъ менѣе тѣсно, чѣмъ со сказуемымъ (Потебня, Изъ зап. II, 182), Е. Ф. Карскій опредѣленіе указываетъ на отношеніе причастія къ подлежащему, какъ къ опредѣляемому, говоря: «Пока оно склонялось и согласовалось съ именемъ, оно несомнѣнно относилось къ послѣднему, служа его опредѣленіемъ» — имѣя въ виду здѣсь причастіе въ имен. пад. въ отношеніи къ подлежащему (Бѣлор. II, 3 79). Въ объясненіяхъ же Потебни и Овсянико-Куликовскаго мы находимъ нѣкоторую неясность. Съ одной стороны, «аппозиція» вообще отличается отъ простаго опредѣленія (атрибута) нѣкоторой своей независимостью отъ опредѣляемаго, въ данномъ случаѣ — подлежащаго (см. Потебня, Изъ зап. II, 105, 195 и др.); съ другой стороны, независимость, обособленность аппозитивнаго причастія касается какъ-будто, главнымъ образомъ, его отношенія къ сказуемому (въ отличіе отъ преикативнаго атрибута и отъ нынѣшняго дѣепричастія), такъ что отъ сказуемаго отдѣляется цѣлое сочетаніе причастія съ подлежащимъ-опредѣляемымъ и косвенными членами (см. Потебня, Изъ зап. II, 183, 187, 188, 197; см. постановку знаковь препинанія въ приводимыхъ здѣсь примѣрахъ, какъ напр.: *приникъши Ольга, и рече имъ*, стр. 188; ср. толкованіе Овсянико-Куликовскаго «убоявшійся Олегъ побѣжалъ» — Синт. русск. языка, стр. 64 и др.).

ступень отъ опредѣленія подлежащаго къ части сказуемаго, къ которому оно тяготеетъ и черезъ посредство котораго связывается съ подлежащимъ; конечная ступень этого перехода — современное дѣепричастіе, какъ обстоятельственное приглагольное слово. Если исходить изъ этой точки зрѣнія, то для Синод. сп. надо поставить вопросъ, какой изъ моментовъ исторіи дѣйствительнаго аппозитивнаго причастія (дѣепричастія) отражается въ списокѣ. Но разсмотрѣніе данныхъ Синод. сп. заставляетъ не только отмѣтить отражаемый имъ моментъ, но и внести въ него нѣкоторыя дополненія и поправки, такъ какъ синтаксическое положеніе такъ называемыхъ аппозитивныхъ причастій не можетъ быть всецѣло сведено къ одному изъ моментовъ послѣдовательнаго перехода отъ опредѣленія подлежащаго къ приглагольному обстоятельному слову.

Прежде всего, является вопросъ: насколько въ Синод. сп. сохраняется согласованіе нечленнаго дѣйствительнаго причастія съ подлежащимъ въ родѣ и числѣ, т. е. насколько нечленное дѣйствительное причастіе выступаетъ въ немъ, какъ таковое, а не какъ дѣепричастіе? Оказывается, что въ Синод. сп. это согласованіе проводится вполне послѣдовательно; случаевъ несогласованія, указывающихъ на переходъ причастія въ дѣепричастіе, въ немъ не наблюдается, исключая одинъ примѣръ на послѣдней добавочной страницѣ списка: «обечерившиса за Прощеникомъ съ едину версту на рѣцѣ на Чересѣ стаща, и разболѣса ту» 337,4.

Эти данныя указываютъ какъ-бы на атрибутивный характеръ нечленныхъ дѣйствительныхъ причастій въ имен. пад. въ Синод. сп.

Аттрибуты Синод. сп. по своему значенію различаются, какъ а) собственно-аттрибуты, непредицирующіе, б) аттрибуты предицирующіе и в) аттрибуты предикативные, т. е. входящіе въ составное сказуемое, какъ именная часть. Аттрибуты въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. непредицирующіе, вполне подчиненные своимъ опредѣляемымъ, выражаются въ Синод. сп. членной формой прилагательныхъ и причастій страдательныхъ; точно также для дѣйствительныхъ причастій такая атрибутивность, думаемъ, должна быть связана только съ членной формой (примѣры ниже, § 26); слѣдовательно, для нечленныхъ дѣйствительныхъ причастій въ Синод. сп. не можетъ быть рѣчи объ атрибутивности въ тѣс-

номъ смыслѣ слова. Причастія дѣйствительныя нечленныя предикативныя, т. е. входящія въ составное сказуемое, какъ вторые имен. падежи, наблюдаются въ Синод. сп. въ двухъ примѣрахъ, которые указаны выше, стр. 64. Такимъ образомъ, разсматриваемыя здѣсь нечленныя дѣйствительныя причастія, называемыя аппозитивными, могутъ быть сопоставлены, согласно съ указанной терминологіей, только съ атрибутами предидирующими. Но, при этомъ, предидирующія опредѣленія Синод. сп. различаются, какъ предидирующіе атрибуты связные и предидирующіе атрибуты обособленные (см. ниже, § 26). Въ какомъ отношеніи это положеніе стоитъ къ примѣрамъ «аппозитивнаго» употребленія дѣйствительныхъ именныхъ причастій въ Синод. сп.?

Примѣры Синод. сп. съ нечленными дѣйствительными причастіями даютъ слѣдующія показанія.

1. Во-первыхъ, встрѣчаемъ въ Синод. сп. большое количество примѣровъ, въ которыхъ дѣйствительное нечленное причастіе, одно или съ относящимися къ нему косвенными членами не связывается тѣсно ни съ подлежащимъ ни со сказуемымъ и выдѣляется въ предложеніи, какъ обособленный членъ:

«томъ лѣ въниде самъ въ Новѣгородъ, бивъса съ стрѣемъ своимъ Михалкомъ» 78,14.

«Ідрославъ же поиде съ Торожкоу, поймавъ старейшиѣ моужи съ собою» 168,11.

«и прислаша к нимъ второѣ послы татари, рекоуще тако» 194,20.

«приде кнѣзь Михайлъ, исправивъ товары оу Гюрга» 201,18.

«и рекоша пльсковици, приславъше грѣчина» 209,7.

«і Ѡѣхаша оканьниі, вземше число» 275,8.

«і срубиша городъ на порозѣ новъ, ветхыи сметавше» 310,21 и др.

Отдѣльно надо отмѣтить примѣры, въ которыхъ соединяется второй именит. пад. съ причастіемъ нечленнымъ дѣйствительнымъ, какъ со связкой («составное приложеніе» по термину Потебни). Сюда относятся три примѣра Синод. сп., всѣ изъ вставныхъ повѣстей:

«тѣгда же фрази, печальни бѣвъше за прѣслоушаниѣ свои... [и рѣша] сами к себе вси» 135,17 (доб. изъ КАТ).

«Глѣбъ кнѣзь Рязаньскыи Володимиричь, наоученъ съ сотоною на оубиство, слоумавъ въ своимъ оканьнѣмъ помыслѣ»... 176,17.

«оцъ же, поганъ съ, ласкаше его остатиса вѣры хртѣянъскыи» 281,17.

Примѣры обособленнаго нечленнаго причастія наблюдаются въ Синодальномъ сп. въ большомъ количествѣ, такъ же какъ и въ другихъ древне-русскихъ памятникахъ. Если бы основываться только на такихъ примѣрахъ, то можно было бы говорить о нечленномъ дѣйствительномъ причастіи въ Синод. сп., какъ о предидирующемъ обособленномъ опредѣленіи, соответственно причастіямъ страдательнымъ и прилагательнымъ. Однако, дальнѣйшая исторія тѣхъ и другихъ для данныхъ случаевъ указываетъ на существенное различіе между ними; кромѣ того, другіе примѣры Синод. сп. даютъ инныя указанія.

2. Именно, въ Синод. сп. находимъ такіе примѣры, въ которыхъ дѣйствительное нечленное причастіе тѣсно связывается съ подлежащимъ, входя вмѣстѣ съ нимъ въ сочетаніе, характерное по своему составу и по порядку словъ: къ причастію относятся косвенные члены, а подлежащее входитъ внутрь между причастіемъ и его косвенными членами, какъ это наблюдается при глагольномъ сказуемомъ. Подобное соотношеніе причастія дѣйствительнаго къ подлежащему и глагольному сказуемому наблюдается во многихъ примѣрахъ Синод. сп. и можетъ быть признано обычнымъ въ его языкѣ¹:

«тѣгда оучювъ Мьстислѣ. Мьстиславлицѣ. зло то. въѣха въ Новьгородъ» 163,12.

«и приѣхавъ кнѣзь ис Перетаславлѣ. изима пльсковизи» 230,9.

«і оувидѣвши кнѣзь і влѣка і кнагыни. іако зажженъ бѣ градъ... вбѣгоша въ стоую бѣю» 246,12.

«пришедше новгородци въ Новьгородъ. і покрутившеса ідоша за Наровоу» 264,21.

¹ Знаки препинанія въ приводимыхъ здѣсь примѣрахъ разставлены согласно съ Синод. сп.

«роспрѣвпеса оубоици Миндовгови о товаръ его. оубиша добра кнѣза полотьского Товтивила» 279,17.

«і совкоупившеса вси кнѣзи в Новѣгородѣ. Дмитрии. Стславъ... поідоша к Раковору» 287,6: также 37,7, 51,18, 57,10, 193,20, 195,15, 237,12, 1.

Сюда же относятся и слѣдующіе два примѣра той же конструкціи, съ тою лишь разницей, что въ нихъ подлежащее выступаетъ не послѣ, а передъ причастіемъ:

«да то мы видаше не разоумѣхомъ своєю погыбели» 219,5.

«тѣ же мы въ роухъ държаще сквѣрнны оусты цѣлоумъ» 221,7; оба примѣра, впрочемъ, носятъ отпечатокъ церковно-славянизмовъ.

Связь причастія дѣйствительнаго съ подлежащимъ въ приведенныхъ примѣрахъ нельзя признать связью опредѣленія съ опредѣляемымъ, ни связнаго ни обособленнаго; подобнаго построенія съ причастіемъ страдательнымъ и прилагательнымъ не встрѣчается, что указываетъ на различіе синтаксическаго значенія; наблюдаемый въ приведенныхъ примѣрахъ порядокъ словъ не возможенъ при атрибути, какой-бы характеръ этотъ атрибути ни носилъ; онъ возможенъ только при сказуемомъ.

Далѣе, находимъ въ Синод. сп. примѣры, въ которыхъ дѣйствительныя нечленные причастія тоже примыкаютъ къ подлежащему и не являются обособленными, хотя мѣсто косвенныхъ членовъ или ихъ отсутствіе и не даютъ для этого положенія столь же очевидныхъ данныхъ, какъ въ уже приведенныхъ примѣрахъ; положеніе это, однако, въ значительной степени подтверждается разстановкой знаковъ препинанія:

«и съдоумавъше новѣгородци. показаша путь кнѣзю Роману» 73,14.

«и възвративъса Всѣволодъ поустѣ Омоу Новоугороду» 115,1.

«Въ лѣтѣ .5. 1022. приславъ Всѣволодъ выведе Іярослава изъ Новагорода» 121,3.

1 Съ этими примѣрами Синод. сп. можно сопоставить такіе обороты, какъ «увидя мышъ кошку, забыла и ложку».

«слышавъше же то кнзи роустии. поидоша за Днѣпръ» 195,16.

«а Володымира и княгыню его имше половци. поведоша въ землю свою» 238,17.

«пришедше безбожнии татарове. плѣниша всю землю болгарскоую» 239,18.

«і оувѣдавше черныи люди, погнаша по немъ» 267,7.

«тѣ же лѣ. сдоумавше новгородци с посадникомъ Михайломъ. призваша кнѣза Дмитриа Александровича» 286,6.

«похвалившеса оканьнии нарскоша его вѣнецъ земли» 305,3; также 58,1, 91,3, 129,16, 151,6, 233,19, 255,22, 257,19, 266,2, 279,1, 286,23, 296,23, 326,10, 331,8.

Итакъ, эти причастія, примыкая къ подлежащему, не являются, для него предидирующими опредѣленіями въ томъ значеніи, какое при дается этому термину для причастій страдательныхъ и прилагательныхъ. Различіе заключается въ слѣдующемъ. Предидирующее опредѣленіе въ именной формѣ обозначаетъ признакъ, энергично проявляющійся и важный въ предложеніи, въ отличіе отъ опредѣленія непридирующаго, выражаемаго мѣстоименной формой. Но въ томъ и другомъ случаѣ признакъ представляется даннымъ въ предметъ, какъ его качество; признакъ же, обозначаемый дѣйствительнымъ нечленнымъ причастіемъ въ имен. пад., не представляется, какъ качество предмета, проявляющееся съ особой энергичностью, выдвигаемое на первый планъ, что отличало бы его отъ опредѣленія непридирующаго въ членной формѣ. Если бы смотрѣть на причастіе дѣйствительное, какъ на предидирующее опредѣленіе къ подлежащему, то въ такомъ опредѣленіи часто нельзя было бы уловить какъ-разъ той особой энергичности и того значенія, которыя оправдали бы нечленную форму и которыя могли бы быть выражены въ устной передачѣ особой интонаціей. Правда, предидирующее значеніе не всегда можетъ быть вполне ясно, значеніе формы можетъ колебаться; но въ такомъ случаѣ, при возможности такого колебанія мы въ правѣ были бы ждать иногда колебанія и формъ причастія, т. е. ждать форму членную вмѣсто нечленной, чего, однако, не находимъ. Съ этимъ связывается и различіе въ порядкѣ словъ: дѣйствительное нечленное причастіе

въ разсматриваемыхъ примѣрахъ предшествуетъ подлежащему, между тѣмъ какъ предцирующее опредѣленіе обычно слѣдуетъ за своими опредѣляемыми. (См. мою статью «Употребленіе им. и мѣстоим. формъ»..., Изв. Отд. р. яз. и с.л., 1918 г. кн. 1). Слѣдовательно, именныя дѣйствительныя причастія въ данныхъ примѣрахъ не могутъ быть признаны предцирующими опредѣленіями; ихъ значеніе въ отношеніи подлежащаго и обоснованность ихъ именной формы представляются иными.

Такимъ образомъ, примѣры Син. сп. съ имен. пад. дѣйствительнаго нечленнаго причастія могутъ быть раздѣлены на двѣ группы. Въ одной группѣ причастіе дѣйствительное, единичное или съ относящимися къ нему косвенными членами, можетъ быть понято, какъ предцирующее обособленное опредѣленіе, соответствующее такому же опредѣленію съ прилагательными и страдательными причастіями въ именной формѣ. Въ другой группѣ дѣйствительное именное причастіе не можетъ быть понято, какъ опредѣленіе, независимо отъ характера этого послѣдняго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, причастіе въ примѣрахъ второй группы не можетъ быть отнесено и къ сказуемому, черезъ посредство котораго оно связывалось бы уже съ подлежащимъ, такъ какъ связь причастія съ подлежащимъ является въ этихъ примѣрахъ явно непосредственной. Вематриваясь въ это особое положеніе дѣйствительнаго нечленнаго причастія, въ характеръ его отношенія къ подлежащему, приходимъ къ такимъ выводамъ. Признакъ, обозначаемый дѣйствительнымъ нечленнымъ причастіемъ, связывается въ разсматриваемой группѣ примѣровъ съ подлежащимъ не какъ его качество, хотя бы и активно проявляемое, но какъ его дѣйствіе, параллельное дѣйствію глагольнаго сказуемаго, но второстепенное сравнительно съ нимъ. Значеніе дѣйствительнаго нечленнаго причастія въ имен. пад. въ данныхъ примѣрахъ есть, такимъ образомъ, не значеніе предцирующаго опредѣленія, а значеніе предиката, только не равносильнаго глагольному сказуемому, а второстепеннаго сравнительно съ нимъ, т. е. нечленное дѣйствительное причастіе въ имен. пад. является второстепеннымъ сказуемымъ.

Терминъ «второстепенное сказуемое» для нечленнаго дѣйствительнаго причастія въ имен. пад. былъ употребленъ Потебней, но онъ не былъ имъ точно опредѣленъ; этотъ терминъ находимъ въ его трудѣ «Изъ за-

писокъ по русск. грамм.», съ одной стороны, рядомъ съ терминомъ «апозитивное причастіе», причемъ сюда отнесены и причастія страдательныя, съ другой — не только для «апозитивнаго причастія, но и для инфинитива. Поэтому, необходимо выяснитъ значеніе этого термина въ нашемъ употребленіи и отношеніе его къ термину «предизирующее обособленное опредѣленіе» (апозиція, приложение). Дѣйствительное нечленное причастіе въ томъ положеніи, которое опредѣляется терминомъ «второстепенное сказуемое», не есть опредѣленіе съ бѣльшей предикативной силой и съ бѣльшей самостоятельностью, сравнительно съ простымъ опредѣленіемъ; оно связывается съ подлежащимъ, какъ съ таковымъ, а не какъ съ опредѣляемымъ. Атрибутивный характеръ такого причастія какъ-будто вытекаетъ изъ его формы — причастія, согласованнаго въ родѣ и числѣ съ подлежащимъ; но такое согласованіе само по себѣ не противорѣчитъ значенію сказуемаго (ср. сказуемое на «лъ»); этой формой, безъ формы личнаго глагола, выражается особый членъ предложенія — второстепенное сказуемое. Но, при этомъ, дѣйствительное нечленное причастіе, какъ второстепенное сказуемое, не является второстепеннымъ членомъ, вполне подчиненнымъ главному сказуемому и только черезъ его посредство связаннымъ съ подлежащимъ, соотвѣтственно съ дѣепричастіемъ въ современномъ литературномъ языкѣ; и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно не является переходной ступенью отъ примененной къ приглагольной «апозиціи». Дѣйствительное нечленное причастіе въ имен. пад. относится къ подлежащему, какъ его сказуемое. Къ подлежащему, такимъ образомъ, могутъ относиться два сказуемыхъ: одно — главное, глагольное, другое — второстепенное, причастное.

Но форма должна связываться съ соотвѣтствующимъ значеніемъ. Согласно съ этимъ, второстепенное сказуемое, выражаемое нечленнымъ дѣйствительнымъ причастіемъ, обозначаетъ дѣйствіе подлежащаго менѣе важное, второстепенное, сравнительно съ дѣйствіемъ главнаго, глагольнаго сказуемаго, что легко выясняется изъ общаго содержанія предложенія. Это значеніе второстепенности содержанія причастія и мѣшаетъ признать въ причастіи то значеніе энергичности, которое связывается обычно съ предизирующимъ опредѣленіемъ и которое должно было бы оправдывать его нечленную форму — какъ атрибута; но при признаніи

его второстепеннымъ сказуемымъ, нечленная форма причастія является вполне понятной.

Итакъ, мы признали значеніе второстепеннаго сказуемаго за нечленнымъ дѣйствительнымъ причастіемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ предложеніи явно обнаруживается непосредственная тѣсная связь его съ подлежащимъ, связь, которая не можетъ быть опредѣлена, какъ отношеніе опредѣленія къ опредѣляемому, какой бы характеръ это опредѣленіе ни носило. Но Синод. сп., какъ указано выше, имѣетъ и такіе примѣры, въ которыхъ отношеніе причастія къ подлежащему можетъ быть признано отношеніемъ обособленнаго предидирующаго опредѣленія. Полагаемъ, однако, что и въ этихъ примѣрахъ дѣйствительное нечленное причастіе можетъ быть признано второстепеннымъ сказуемымъ. Дѣйствительное нечленное причастіе, какъ выраженіе второстепеннаго сказуемаго, выступаетъ въ предложеніи съ большей или меньшей самостоятельностью и съ предикативной силой; различіе въ степени самостоятельности и предикативной силы и создаетъ нѣкоторыя варіаціи въ синтаксическомъ положеніи его; второстепенное сказуемое съ большей самостоятельностью непосредственно соединяется съ подлежащимъ и выступаетъ, почти какъ равносильное сказуемому—*verb. finit*; второстепенное сказуемое съ меньшей самостоятельностью кажется болѣе подчиненнымъ главному сказуемому. Степень самостоятельности связывается съ порядкомъ словъ и съ положеніемъ причастія относительно главнаго сказуемаго и подлежащаго. Выступая передъ глагольнымъ сказуемымъ, причастіе получаетъ болѣшую самостоятельность; если же главное сказуемое является впереди причастія, то подлежащее связывается съ главнымъ сказуемымъ, а причастіе выступаетъ съ меньшей предикативной силой. Однако, и въ этомъ случаѣ оно не теряетъ своего предикативнаго значенія.

§ 17. Союзы между именнымъ дѣйствительнымъ причастіемъ и главнымъ сказуемымъ.

Мы не касались до сихъ поръ одного очень важнаго доказательства значенія причастія, какъ второстепеннаго сказуемаго, именно — поста-

новки союзовъ между главнымъ сказуемымъ и причастіемъ, такъ какъ это значеніе выясняется и помимо постановки союзовъ. Принимая нечленное дѣйствительное причастіе, какъ второстепенное сказуемое, полагаемъ, что союзъ соединяетъ два сказуемыхъ, а не «сказуемое съ подлежащимъ, къ которому тянетъ аппозиція», какъ это объясняетъ Потѣбня (Изъ зап. II, 187). Обращаемся къ даннымъ Синод. сп. относительно употребленія союзовъ между нечленнымъ дѣйствительнымъ причастіемъ и глагольнымъ сказуемымъ.

Въ Синод. сп., какъ и въ другихъ древне-русскихъ памятникахъ, союзы наблюдаются въ значительномъ большинствѣ случаевъ при такомъ порядкѣ словъ, когда причастіе выступаетъ передъ глагольнымъ сказуемымъ. При этомъ въ Синод. сп. наблюдаемъ слѣдующіе случаи:

а) Причастіе выступаетъ передъ подлежащимъ и сказуемымъ (положеніе, соединяющееся съ большей самостоятельностью причастія); причастіе соединяется съ глагольнымъ сказуемымъ союзомъ «и»:

«и оучювъ Гюрги оже въ мале шли. и посла кнѣзѣ Берладьскаго съ вои» 51,18.

«и съдоумавъше новгородьце (КАТ «новгородьци»). и показаша поуть из Новагорода» 115,4.

«и събращеса чернь. и волочахоу добрыѣ мо[у]жа» 132,18 (возстн. по КАТ).

«не хотя же дѣволъ добра. родоу крѣтыньскоу. и зли члѣвч. и вложи кнѣзю грѣхъ въ срѣдци» 185,8.

«тѣгда же оувѣдавъше татари. оже идоуть роустии кнѣзи противоу имъ. и прислаша послы» 193,20.

«испросивъше половци оу Мьстислѣ. и оубиша и» 195,14, также 207,6, 214,18, 325,4, 332,8.

б) Причастіе выступаетъ передъ глагольнымъ сказуемымъ, съ которымъ соединяется союзомъ «и»; подлежащее предшествуетъ причастію или отсутствуетъ въ данномъ неполномъ предложеніи:

«онъ же оубоивъса новгородьць. чи прѣльстивъше ма пмоуть. и бежа отаи въ ночь» 42,1.

«и потѣ Исакъ помысливъ. и въсхотѣ црѣтва» 128,15.

«Твѣрдиславъ же позра на стѣбую Софрѣю. и рѣ» 180,6.

«и створше вѣче на Ярослали дворе. и поидоша на владыцнѣ дворъ» 211,11.

«кнѣзь же Юры пришедъ ѿ Выбора. і поиде на низъ» 324,12; также: 77,12, 83,10, 132,13, 135,14, 137,15, 158,10, 174,8, 175,13, 177,14, 178,7, 185,17, 186,5, 186,14, 194,18, 197,4, 211,5, 218,16, 225,7, 229,7, 238,7, 241,10, 254,11, 282,15, 305,6, 321,9, 322,4.

Примѣры конструкціи а) и б) съ другими союзами рѣдки:

«велевъ ны, рѣ, къ Всѣволодоу пристоупити, а пакы ѿстѣпити велить» 33,16 (АТ «велѣль»).

«кого же слѣпивъ, а самъ црѣмъ ста» 127,19.

«а онъ про то не бързо ѿрадивъ кого, нѣ посади и въ Печерьстѣмъ монастыри» 51,7.

«и ꙗще же ищюще то, кто Всеволодо[у] припатель богаръ, тѣ имаша на нихъ нѣ съ полоуторы тысаце грѣвнѣ» 36,10.

«а они исѣкше полонъ весь, а сами побегоша на лѣсъ» 206,5.

«дажъ что зло съдоумавъ на стоую Софію, а побѣгль». . . 214,4.

«а вы роздравше та прочъ» 209,18.

в) Въ положеніи послѣ глагольнаго сказуемаго и передъ причастіемъ союзъ наблюдается значительно рѣже. При этомъ иногда списки КАТ даютъ варианты, измѣняющіе конструкцію:

«и съдоумавъше кнѣзь и люде на поути. въспатишася на Дубровнѣ. и ꙗще рекъше» 37,7.

«тѣгда же даша посадництво Костантину Микоульцию. и оу Нѣжатѣ отъмъше» 48,8; (К «оу Нѣжатѣ отъяше»; АТ — «а оу Нѣжатѣ отъемше»).

«села ихъ потрати и осѣкы ихъ възьма» 156,1.

«сташа около кого пълкомъ. и оурадивъше на е пълковъ» 186,4 (КАТ нѣтъ «и»).

Союзъ «а» въ этой конструкціи встрѣчается въ Синод. сп. въ немногихъ примѣрахъ, чаще передъ причастіемъ наст. вр.:

«ходи Всѣволодъ въ Роусь Переяславлю повелениемъ Яропълцемъ, а целовавъ крѣтъ къ новгородцемъ» 27,1.

«и иде Ростовоу... а снѣ оставивъ Новгородѣ» 79,16¹.

«иде кнѣзь Іярослѣ Пльсковоу... а самъ седе на Пльскове, а дворъ свои пославъ съ пльсковіци воевать» 101,11 (КАТ «посла»).

«и одариша князь роусьскыхъ. а рекоуче тако» 193,4.

«тѣгда приведе пѣлкъ ис Переяславлѣ. а река» 208,1.

«кнѣзь насъ зоветь на Ригоу. а хотѣ ити на Пльсковъ» 208,20.

«а на Іярослѣлихъ любѣвницехъ поимаша новгородци коунъ много... а дворовъ ихъ не грабаче, и даша на Великый мостъ» 215,16 [КАТ нет «а»].

«и гордлиши того быхомъ на зло. а видаще предъ очима пашима гневъ бѣжи» 226,17.

«ганашаса оканьнии безбожници... до Игнача крта. а все лю сѣкуще акы травоу» 249,4.

Въ примѣрѣ «възаша миръ съ рижанты, Новгородъ въложивъше. а рекоуче» 208,13 союзъ соединяетъ два причастія, а не глаголь и причастіе; также въ 105,1 («рекоуще... а лстаще»).

Такимъ образомъ, точныя данныя Синод. сп. подтверждаютъ замѣченный раньше фактъ, что союзъ употребляется между глагольнымъ сказуемымъ и причастіемъ гораздо рѣже, чѣмъ между причастіемъ и глагольнымъ сказуемымъ (это наблюденіе связывается, главнымъ образомъ, съ употребленіемъ союза «и»; другіе союзы встрѣчаются въ памятникахъ вообще рѣдко; союзъ «а» въ Синод. сп. наблюдается какъ разъ чаще послѣ глагола и передъ причастіемъ). Постановка союзовъ связывается, конечно, съ степенью самостоятельности причастія, съ его сравнительной равноправностью въ отношеніи глагольнаго сказуемаго; союзы соединяютъ какъ-бы два равныя сказуемыя. Причастіе, выступающее впереди глагольнаго сказуемаго, обладаетъ большей самостоятельностью, и поэтому въ данномъ положеніи союзы естественно наблюдаются чаще, чѣмъ при обратномъ порядкѣ словъ. Что касается лексическаго значенія союзовъ, то они въ положеніи между причастіемъ и глаголомъ (и обратно) сохраняютъ свои обычныя значенія, соотвѣтственно ихъ значеніямъ между

¹ Но см. печатное изданіе, стр. 153: «оставивъ Новгородѣ»; однако, въ этой части списка предлогъ «въ» употребляется при мѣстн. падежѣ «Новѣ-городѣ» чрезвычайно рѣдко.

двумя глаголами (по см. Пот. Изъ зап. II, 191 и сл.). Такъ, союзъ «и» соединяетъ причастіе и глаголь, какъ два послѣдовательныя событія: «оувѣдавъше татари... и прислаша послты» 193,20, какъ бы: «узнали татары и прислали»; въ другихъ примѣрахъ той же конструкции (т. е. причастіе и глагольное сказуемое) союзъ «и» можетъ соединять два дѣйствія внѣ указанія на ихъ послѣдовательность, такъ что ихъ можно перемѣстить: «Твѣрдиславъ же съшедъса съ кнѣзьмъ въ любовь и лишиса посадницства» 186,15; но союзъ «и» не можетъ соединять дѣйствія послѣдующаго съ предшествовавшимъ, противорѣча такому порядку; примѣры съ союзомъ «и» между глаголомъ и послѣдующимъ причастіемъ прошедш. времени (или настоящ. совершеннаго), какъ обозначающимъ предшествовавшее дѣйствіе сравнительно съ дѣйствіемъ глагола, единичны и сомнительны (см. выше, стр. 83). Потѣбня отмѣтилъ, что послѣ причастія наст. врем. союзъ «и» обычно не употребляется (Изъ зап. II, 191); это наблюденіе можетъ быть отнесено и къ Синод. сп.; послѣ причастія наст. врем. несовершеннаго вида находимъ союзъ лишь въ примѣрахъ:

«и ꙗще же ищюще то, кто Всеволодо[у] пригатель богаръ, тѣ имаша на нихъ»... 36,11.

«не хотя же дьяволъ добра... и вложи кнѣзю грѣхъ въ срѣдци» 185,8.

«оканьнѣи дияволъ испърва не хотаи добра родоу члѣвчю. и завидѣвъ ѿмоу... и въздвиже... крамолоу велику» 211,5 (о членной формѣ «хотати» см. § 26).

Указанный фактъ связывается, конечно, съ взаимоотношеніемъ двухъ дѣйствій, обозначаемыхъ причастіемъ наст. времени и глаголомъ; такая конструкция передается современнымъ литературнымъ языкомъ не посредствомъ двухъ глаголовъ, но посредствомъ дѣепричастія и глагольной формы прош. врем., или же съ помощью придаточнаго предложенія, съ подчинительнымъ союзомъ и съ личной глагольной формой (ср. напр. «а па Соуждалъ идоуце неп оустыша ꙗго» 31,2).

Причастія наст. и прош. времени, выступая послѣ глагола, рѣже связываются союзами, какъ менѣе самостоятельныя; примѣры съ соединительными союзами единичны и сомнительны; обыченъ союзъ «а» съ проти-

вительнымъ или усилительнымъ значеніемъ; можетъ быть, съ этими значеніями связывается и усиленіе предикативности постпозитивнаго причастія. Въ общемъ, не останавливаясь на дальнѣйшихъ подробностяхъ, замѣтимъ, что присутствіе союза указываетъ вообще на сравнительную самостоятельность причастія; постановка же того или иного союза въ отдѣльныхъ случаяхъ связывается съ лексическимъ содержаніемъ предложенія и съ различными оттѣнками видовыхъ и временныхъ значеній причастія и глагола; эти значенія создаютъ между причастіемъ и глаголомъ нѣсколько иныхъ соотношенія, чѣмъ между двумя глаголами; съ этимъ обстоятельствомъ и связываются характерныя черты употребленія союзовъ между причастнымъ и глагольнымъ сказуемымъ; сами же союзы не получаютъ при этомъ никакихъ спеціальныхъ оттѣнковъ значенія.

Постановка союзовъ между нечленнымъ дѣйствительнымъ причастіемъ въ имен. пад. и глагольнымъ сказуемымъ (и обратно), обычная въ Синод. сп. и въ другихъ древне-русскихъ памятникахъ, отличаетъ причастіе дѣйствительное отъ причастія страдательнаго и вмѣстѣ съ этимъ—данную синтаксическую конструкцію отъ обособленнаго предципирующаго опредѣленія съ страдательнымъ причастіемъ въ именной формѣ. Въ Синод. сп. не находимъ примѣровъ съ союзами между страдательнымъ причастіемъ, въ роли обособленнаго предципирующаго опредѣленія, и глагольнымъ сказуемымъ; подобные примѣры неизвѣстны вообще и въ другихъ древне-русскихъ памятникахъ¹.

Нечленное дѣйствительное причастіе въ имен. пад., какъ второ-

¹ Потехня, сопоставляя «апозитивныя причастія» дѣйствительныя и страдательныя, приводитъ лишь два примѣра съ союзомъ при страдательномъ причастіи (Изъ зап. II, 190). Оба примѣра кажутся сомнительными; первый, изъ Ипатской лѣтописи, повимаемъ такъ, что союзомъ соединяются не страдательное причастіе и verb. fin., а причастіе дѣйствительное и verb. fin., а страдательное причастіе выступаетъ, какъ «апозиція» (по нашей терминологіи «обособленное предципирующее опредѣленіе») въ составѣ той части предложенія, въ которой выступаетъ и именное дѣйствительное причастіе, какъ второстепенное сказуемое, т. е. такъ: «Русь же dospѣвше полкъ (Божіею помощію укрьпѣями) и поидоша»; во второмъ примѣрѣ страдательное причастіе одръжимъ можетъ быть понято и какъ именная часть составнаго сказуемаго при опущенной связкѣ: «аще кто завистию сотониною одръжимъ и дръзветъ разорити» (Mikl. Mon. Serb., 10); примѣръ этотъ, впрочемъ, взятъ и не изъ русскаго памятника.

степенное сказуемое, можетъ входить въ предложеніе и съ помощью относительныхъ словъ (мѣстоименій и нарѣчій), такъ же, какъ и сказуемое въ формѣ личнаго глагола. Подлежащее въ предложеніи одно, и къ нему относятся два сказуемыхъ, соединенныхъ относительнымъ словомъ; второстепенное по значенію сказуемое выражается нечленнымъ дѣйствительнымъ причастіемъ и входить въ предложеніе съ помощью относительнаго слова. Примѣры Синод. сп. съ нечленными дѣйствительными причастіями съ относительными словами немногочисленны:

«и ꙗкоже желавъ, пригн: црѣтво нбѣноє и радость неисконьцаемоу» 113,15.

«нѣ тѣхъ корѣла, кде обидоуче: въ лѣсе ли [или на нивѣ или въ вежахъ], въыводаче избиша» 206,20 (доб. изъ КАТ).

«инии пѣ злии члѣвци почаша добрыхъ люди домѣ зажігати, кде чююче рожь» 226,14.

Причастіе въ указанномъ положеніи вполнѣ можетъ быть признано второстепеннымъ сказуемымъ; съ одной стороны, оно является здѣсь въ положеніи, въ которомъ выступаетъ обычно и глагольное сказуемое; съ другой — причастіе выступаетъ въ подчиненной части предложенія, и въ главной части оно невозможно, что указываетъ на второстепенность причастнаго сказуемаго. Употребленіе причастнаго сказуемаго въ данномъ положеніи не является распространеннымъ въ языкѣ Синод. сп., такъ что подчиненность части предложенія не связывается сама по себѣ съ второстепеннымъ причастнымъ сказуемымъ; причастіе является даже въ этомъ положеніи какъ бы излишнимъ, сравнительно съ случаями, гдѣ оно соединяется съ глагольнымъ сказуемымъ сочинительными союзами, или стоитъ при немъ безъ союза; въ этихъ послѣднихъ случаяхъ причастное сказуемое имѣетъ явно иное синтаксическое значеніе, чѣмъ имѣло бы на его мѣстѣ сказуемое личнаго глагола, такъ какъ съ причастной формой связывается его второстепенность; при относительныхъ же словахъ трудно уловить различіе въ значеніи между глагольнымъ и причастнымъ сказуемымъ.

§ 18. Второстепенное сказуемое, не относящееся къ подлежащему
главнаго сказуемаго.

Значеніе нечленнаго дѣйствительнаго причастія въ им. падежѣ, какъ второстепеннаго сказуемаго, сказывается также въ томъ, что такое причастіе самостоятельно выступаетъ, какъ сказуемое отдѣльнаго предложенія, со своимъ подлежащимъ, но только въ соединеніи съ другимъ предложеніемъ, явно независимымъ. Явленіе это находитъ выраженіе въ Синод. сп. въ слѣдующихъ случаяхъ:

1. Причастіе дѣйствительное имѣетъ при себѣ отдѣльное подлежащее, образуя зависимое относительное предложеніе, но только не съ глагольнымъ, а съ причастнымъ сказуемымъ; зависимое предложеніе соединяется съ главнымъ посредствомъ относительнаго слова. Примѣры Синод. сп. таковы:

«а прокъ ихъ разбежеса, коуды кто вида» 206,18.

«инии же мѣхъ гадахоу, оушь, сосноу, короу липовоу и листь ильмъ, кто что замысла» 226,11.

2. Причастіе дѣйствительное имѣетъ при себѣ отдѣльное подлежащее-имя существительное въ имен. пад.; это предложеніе съ причастнымъ сказуемымъ соединяется съ другимъ предложеніемъ посредствомъ сочинительныхъ союзовъ, т. е. являются два сочиненныхъ предложенія, но одно съ verb. finit. сказуемаго, другое — съ причастнымъ сказуемымъ:

«[почто прїидосте с хромчель тѣмъ?] а вы плотници суще, а приставимъ вы хоромъ рубити» 1,1 (доб. изъ КАТ).

«въротивъса Гюрги, оже поустилъ снѣ свои Новоугородоу, и оуслышаша Новѣгородѣ, гакъ»... 44,3.

«и сѣдѣвшє на Лоукахъ, воротишаса домовъ, а Всѣволодъ въшьдъ въ землю ихъ, и не вда бѣ межи ими крѣви пролитига больша, и възаша миръ межи собою» 114,13.

«той же ноци просивъше мира, и не да имъ посаднѣ съ ладожаны» 206,3.

«много же кнѣзь ноудивъ, и не гашаса по поуть» 210,7 (КАТ «ноуди»).

Въ приведенныхъ примѣрахъ соединеніе двухъ предложеній происходитъ съ помощью союзовъ сочинительныхъ; однако, причастная форма сказуемаго даетъ основанія для различенія такихъ сочиненныхъ предложеній. Предложеніе съ причастнымъ сказуемымъ именно формой причастія вмѣсто verb. finit. обнаруживаетъ нѣкоторую долю зависимости отъ другого предложенія, такъ какъ причастіе выступаетъ въ немъ только въ связи съ тѣмъ, что въ другомъ предложеніи сказуемое выражено личной формой глагола.

Съ формальными признаками нѣкоторой зависимости и подчиненности нечленнаго дѣйствительнаго причастія соединяется и внутреннее его значеніе. А именно, по своему значенію причастное сказуемое, сравнительно съ verb. finit., и въ данныхъ предложеніяхъ представляется второстепеннымъ. Соотношеніе двухъ предложеній можно выразить такъ, что предложеніе съ причастнымъ сказуемымъ, хотя и соединяется съ другимъ предложеніемъ посредствомъ сочинительнаго союза, но по своему значенію соответствуетъ предложенію зависящему и легко можетъ быть выражено въ формѣ зависимаго предложенія съ помощью подчинительныхъ союзовъ; предложеніе же съ глагольнымъ сказуемымъ явно независимо, и при указанной передачѣ можетъ выступить только, какъ главное предложеніе. Такъ, въ примѣрѣ 1,1 предложеніе съ второстепеннымъ сказуемымъ можетъ быть понято и передано, какъ: «а такъ какъ вы плотники, то приставимъ васъ». . . ; въ примѣрѣ 206,3: «и хотя просили мира, но имъ не далъ посадникъ» и т. п. Этимъ не приравниваются конструкціи Синод. сп. къ даннымъ предложеніямъ, а только иллюстрируется характеръ предложеній съ причастнымъ сказуемымъ.

Значеніе второстепенности предложенія съ причастнымъ сказуемымъ не воспринимается нами лишь въ примѣрѣ:

«и сѣдѣвъше на Лоукахъ. воротишася домовъ. а Всѣволодъ въшьдъ въ землю ихъ. и не вда бѣ межи ими крѣви пролития больша. и възаша миръ межи собою» 114,13, хотя по конструкціи своей этотъ примѣръ сходенъ съ вышеприведенными.

3. Итакъ, второстепенное сказуемое можетъ выступать въ сложномъ предложеніи, какъ его составная часть, со своимъ подлежащимъ, отдѣль-

нымъ отъ подлежащаго глагольнаго сказуемаго. Въ Синод. сп. находимъ примѣры употребленія именнаго дѣйствительнаго причастія также съ значеніемъ второстепеннаго неопредѣленно-личнаго сказуемаго и съ тѣмъ же отношеніемъ къ главному предложенію, какое наблюдается для нечленныхъ дѣйствительныхъ причастій съ отдѣльнымъ подлежащимъ, однако, обычно безъ союзныхъ словъ:

«въ сѣ лѣ, идоуце изаморѣна съ Готь, потопа лодии \bar{z} » 25,8 (КАТ «идущи. . . потопе»).

«зажъжеса пожаръ Новегородѣ въ нѣ на всѣхъ стѣхъ, въ говѣниѣ идоуче, въ заоутрѣнюю» 106,15.

«. . . дома тѣска, зраще дѣтии плачуще хлѣба» 227,17.

«и пристави моужа. . . именемъ Станила, возити мѣртвѣца, на кони, кде обидоуце по городу» 222,14.

Форма мн. ч. муж. рода вполне соответствуетъ значенію неопредѣленно-личнаго второстепеннаго сказуемаго. Именные дѣйствительныя причастія въ этомъ положеніи могутъ быть сопоставлены въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ Дательнымъ самостоятельнымъ; объ этомъ ниже въ § 33.

Итакъ, въ разсмотрѣнныхъ типахъ сложныхъ предложений причастное сказуемое выступаетъ въ одномъ изъ предложеній въ связи съ тѣмъ, что въ другомъ предложеніи является сказуемое глагольное, независимо отъ того, какъ первое предложеніе соединяется со вторымъ—по способу ли подчиненія или по способу сочиненія; и въ послѣднемъ случаѣ оно обнаруживаетъ извѣстную долю зависимости или, по крайней мѣрѣ, второстепенности, такъ что относится къ предложенію съ глагольнымъ сказуемымъ, какъ къ главному, независимому.

Но приходится отмѣтить въ Синод. сп. и нѣсколько такихъ примѣровъ, въ которыхъ причастное сказуемое не связывается съ зависимостью предложенія, а, обратно, предложеніе съ причастнымъ сказуемымъ соединяется съ другимъ предложеніемъ, не какъ съ главнымъ, а какъ съ своимъ зависимымъ, соединеннымъ съ нимъ посредствомъ подчинительнаго союза, такъ что предложеніе съ причастіемъ-сказуемымъ выступаетъ именно, какъ независимое; другого независимаго оно не имѣетъ. Эти примѣры явно противорѣчили бы тому второстепенному значенію причастнаго сказуемаго, которое проявляется во всѣхъ разсмотрѣнныхъ до

сихъ поръ случаяхъ, если бы они могли быть признаны достовѣрными для языка Синод. сп. Но этой достовѣрности въ нихъ какъ разъ и нѣтъ. Разсмотримъ ихъ: «а вѣдка троужамса и гора. въ днѣ зноѣмь. а въ ноцъ печалоумса. абы коньцати и видети црѣвь съвѣршеноу. и оукрашеноу. и ѡго же желавъ прига. црѣтво нбѣноѣ и радость неисконьцаѣмоу» 113,11. Затрудняемся: одно ли это предложеніе «троужамса и гора (абы. . .) и прига(ѡго же желавъ)», и въ такомъ случаѣ первое предложеніе съ причастнымъ сказуемымъ выступаетъ, какъ второстепенное, или здѣсь два предложенія, и въ этомъ случаѣ въ первомъ предложеніи, заканчивающемся словами «съвѣршеноу и оукрашеноу», главною, независимою частью приходится считать предложеніе съ причастнымъ сказуемымъ.

«Того ради всемлтивыи бѣ. хотя погоубити безбожныа снѣы Измайлковы. коуманы. іако да ѡмьстать крѣвь крѣтыаньску, ѡже и бѣ надъ ними незаконными» 192,6: главною независимою частью этого сложнаго предложенія можно признать только первую часть съ причастнымъ сказуемымъ. Примѣръ взятъ изъ вставной повѣсти о татарскомъ нашествіи.

«Томъ лѣ Глѣбъ. . . . имѣа поспешника Костангина. . . и с нимъ диавола. юже (sic) и прѣлести. помысль има вѣложи. рѣкшема има іако избѣѣве сѣхъ а сама примѣва власть всю. а не вѣси оканьѣ бѣжѣа смотренѣа». . . 176,17. Примѣръ взятъ изъ вставной повѣсти, отсутствующей въ спискахъ КАТ. Текстъ, несомнѣнно, страдаетъ неправильностью построенія, и поэтому нельзя полагаться на показаніе этого примѣра въ отношеніи причастнаго сказуемаго.

«да кто браѣе и оѣи и дѣти. видѣвше бѣѣ попоущение се на всеі роусьской земли. грѣхъ же рѣа нашихъ попоусти бѣѣ поганьы на ны» 249,14. Списки КАТ даютъ такое же чтеніе, но Софійскій Временникъ имѣетъ послѣ словъ: «роусьской земли» добавленіе: «и не плачетьса» (печ. изд., стр. 251); смыслъ текста и конструкція предложенія подтверждаютъ пропускъ.

Итакъ, примѣры Синод. сп. съ причастнымъ сказуемымъ въ независимомъ предложеніи недостовѣрны—частью по явной невыдержанности своей конструкціи (анаколуфія), частью по принадлежности ихъ къ

вставнымъ разсказамъ. Такимъ образомъ, они не противорѣчатъ тому положенію, что причастное сказуемое является въ Синод. сп. сказуемымъ второстепеннымъ или въ отношеніи главнаго сказуемаго, выраженного личной формой глагола въ томъ же предложеніи, или въ отношеніи главной части сложнаго предложенія, въ которомъ предложеніе съ причастнымъ сказуемымъ выступаетъ, какъ зависимое (подчиненное или сочиненное).

§ 19. Согласованіе причастнаго сказуемаго съ подлежащимъ.

Чтобы закончить разсмотрѣніе нечленнаго дѣйствительнаго причастія, какъ второстепеннаго сказуемаго, остается сказать нѣсколько словъ о согласованіи его съ подлежащимъ.

Нечленное дѣйствительное причастіе, какъ второстепенное сказуемое, послѣдовательно согласуется въ Синод. сп. со своимъ подлежащимъ въ родѣ и числѣ (о согласованіи въ падежѣ въ этомъ положеніи говорить не приходится).

Огромное большинство примѣровъ Синод. сп. оказывается въ формѣ муж. рода ед. и мн. числа; на согласованіе въ формѣ ж. р. ед. числа указываетъ лишь одинъ примѣръ: «престависа княгыни Ярославла, постригшиа оу стѣго Георгина в манастиры» 261,7.

Болѣе интересными являются случаи согласованія нечленнаго дѣйствительнаго причастія съ подлежащимъ ед. ч. съ собирательнымъ значеніемъ. Здѣсь наблюдается, что нечленное дѣйствительное причастіе согласуется съ подлежащимъ съ собирательнымъ значеніемъ не въ ед. ч., какъ согласуется опредѣленіе, а во множ., соответственно согласованію сказуемаго въ личной формѣ глагола:

«и шьдѣше весь народъ пошша и из манастира» 58,1.

«и весь Новѣгородъ шьдѣше съ чтью посадиша и» 122,4.

«и събрачеса чернь и волочахоу добрънѣ мо[у]жа». . . 132,18.

«и възвониша. . . они половіци цересь ночь, а Неревьскыи коньчъ оу стѣхъ м̄, тѣже копаче мѣ на Твѣрдислава» 179,19.

«нѣтѣхъ корѣла, кде обидоуче. . . въводаче избиша» 206,20.

«і ідоша с нѣи весь Новѣгородъ и Пльсковъ, поімше влѣоу Дѣда съ собою» 322,2.

Какъ видно, форма мн. ч. причастія является независимо отъ своего положенія относительно мѣста подлежащаго, что вполне совпадаетъ съ согласованіемъ сказуемаго въ личной глагольной формѣ и совѣзмъ не соответствуетъ согласованію опредѣленія съ именемъ собирательнымъ, какъ своимъ опредѣляемымъ.

При нѣсколькихъ подлежащихъ въ ед. ч. или при подлежащемъ съ соціативнымъ твор. дополненія нечленное дѣйствительное причастіе также нерѣдко выступаетъ въ формѣ мн. ч., но это согласованіе не столь характерно для него, какъ второстепеннаго сказуемаго: «і оувидѣвше кнѣзь і вѣка і кнагъни . . . вѣгоша въ стоую бѣю» 246,12, 236,2, 303,15.

Съ достовѣрностью можно указать лишь на одинъ примѣръ несогласованія, на послѣдней страницѣ списка: «доуха до Прощеника въ днѣ недѣлныи; обечерившиса за Прощеникомъ съ єдину версту на рѣцѣ на Чересѣ сташа и разболѣса ту» 337,4, гдѣ форма «обечерившиса» указываетъ уже на переходъ къ дѣепричастію.

Примѣръ «і полаты каменныи скрушившеся падоша» 330,13 не доказателенъ относительно согласованія, но и не противорѣчитъ ему.

Въ примѣрѣ «нъ и тѣхъ оуротівше поуша, а Иванка после имѣ оуби Водовикъ, вѣвѣргошь въ Волхово» 220,19 форма «имѣ», что надо читать, какъ «имѣше» (К — изимаша, АТ — имѣше), согласуется не съ подлежащимъ «Водовикъ», но имѣетъ неопредѣленно-личное значеніе, соответственно «оуротівше поуша. . . и вѣвѣргошь».

Въ примѣрѣ «да кто, браѣ и оѣи и дѣти, видѣвше бѣе попоущение се на всеі роусьской земли [и не плачеться]» 249,14 (доб. по Софійск. Временику), форма «видѣвше», вѣроятно, согласована съ «браѣ и оѣи и дѣти».

Разсмотрѣвъ примѣры Синод. сп. съ нечленнымъ дѣйствительнымъ причастіемъ въ имен. пад., приходимъ къ общему выводу, что его употребленіе въ языкѣ Синод. сп. отражало живое явленіе языка и что оно выступало въ предложеніи, какъ второстепенное сказуемое, относящееся къ тому же подлежащему, къ какому относилось и главное сказуемое, выраженное личной формой глагола, или же какъ сказуемое отдѣльнаго предложенія, примыкающаго къ главному предложенію по

способу подчиненія или сочиненія, приче́мъ и въ послѣднемъ случаѣ предложене́е съ причастнымъ сказуемымъ являлось зависимымъ. Въ этомъ сказывается связь нечленного дѣйствительнаго причастія съ личной формой глагола.

Въ дальнѣйшей исторіи русскаго языка нечленное дѣйствительное причастіе перешло въ дѣепричастіе, подчиненное глаголу. Но думаемъ, что тѣ примѣры «независимаго» употребленія дѣепричастія, которые наблюдаются и въ современной литературной рѣчи и въ народныхъ говорахъ, слѣдуетъ понимать, какъ остатки прежняго синтаксическаго значенія причастія, а не какъ новообразованія, объясняющіяся тѣмъ, что дѣепричастіе получило возможность отрываться отъ подлежащаго, какъ своего опредѣляемаго. Было бы интересно прослѣдить употребленіе именнаго дѣйствительнаго причастія въ памятникахъ Новгородской области послѣдующихъ вѣковъ и подойти къ вопросу о связи этого употребленія съ современнымъ употребленіемъ дѣепричастія; какъ независимаго сказуемаго въ прош. врем. По даннымъ Синод. сп. связь эту прослѣдить еще нельзя.

ФОРМЫ ВРЕМЕНИ.

§ 20. Формы настоящаго времени.

Основное значеніе формъ наст. времени несоверш. вида—совпаденіе момента рѣчи съ моментомъ дѣйствія—не требуетъ замѣчаній. Въ Синод. сп. это значеніе наблюдается въ предложеніяхъ прямой рѣчи и въ авторскихъ замѣчаніяхъ. Рядомъ съ этимъ, въ Синод. сп. наблюдаются примѣры, въ которыхъ формы наст. врем. несоверш. употребляются для обозначенія дѣйствія ближайшаго будущаго:

«или не выдадите, гдзъ вамъ не кнѣзь, ідоу на городъ ратью»
267,17.

«не хотимъ тебе, али идемъ, всь Новъгородъ, прогонить тебе»
296,10 и др.

Значеніе настоящаго постоянства также наблюдается въ Синод. сп.:
«и толико оста него, гдко же бываесть мѣць ·д· дѣии» 40,17.

«еже бо сѣть члѣкъ, тѣ̄ і пожнеть» 327,16; также 177,6
190,16, 190,21, 191,6, 213,7, 221,5 и др.

Значеніе настоящаго историческаго, когда наст. время является вмѣсто прошедшаго при изображеніи прошедшихъ событій для живости разсказа, встрѣчается въ Синод. сп. лишь въ примѣрѣ:

«тогда издвоишаса люди... и сотвориша соупоръ: ватшии велат са гати меншимъ по числоу» 274,5.

Въ зависимыхъ предложеніяхъ наблюдаются въ Синод. сп. формы настоящаго объективнаго, въ соотвѣтствіи съ глаголомъ воспріятія въ главномъ предложеніи, указывающія, что время дѣйствія представляется настоящимъ относительно другаго дѣйствія въ главномъ предложеніи:

«п разоумѣ Іѣрославъ, тако въ ночь велить сѣциса» 1,13.

«п оуслышана Новѣгородѣ, тако Стопѣлкъ идетъ къ нимъ» 44,6 и др.

Формы наст. врем. соверш. вида имѣютъ обычно значеніе будущаго времени:

«кѣ̄, княже, очима позриши ты, тѣ̄ мы главами своими вѣржемъ» 157,10.

«мы же на прѣднеѣ вѣзвратимъса» 225,18 и др.

Иногда въ этихъ формахъ выступает не временное, но видовое ихъ значеніе, и форма выступаетъ соотвѣтственно формѣ настоящаго времени постоянства:

«наводитъ бѣ̄... иноплемьники на землю; і тако съкроушеномъ имъ, вѣспоманутса къ бѣу» 249,20.

«кто подъ другомъ копаетъ гату, самъ впадетса в ню» 334,24 и др.; впрочемъ, дѣйствія въ формѣ наст. соверш. являются въ этихъ примѣрахъ послѣдующими въ отношеніи къ формамъ «съкроушеномъ» и «копаетъ».

»

Въ зависимыхъ предложеніяхъ форма наст. соверш. выступаетъ съ значеніемъ будущаго объективнаго (относительно времени главнаго предложенія) также въ связи съ глаголами воспріятія въ главномъ:

«Методии глѣтъ, тако... гавити тѣмъ... и поплѣнять всю землю» 191,8.

Формы наст. соверш. въ зависимыхъ предложеніяхъ выступаютъ

въ Синод. сп. съ модальнымъ значеніемъ, соответственно Conjunct; характеръ примѣровъ часто указываетъ на живую рѣчь:

«да аще кто изъ истыбы вылезеть, напрасно оубыкънъ бываше» 11,6.

«а кого доидеть рука... а ты вѣдоша въ поганынъ» 126,12.

«а товары ихъ — кого роука доидеть» 150,19.

«нача продавати, колико кѡ станетъ» 319,1.

Съ тѣмъ же модальнымъ значеніемъ Conjunct. выступаютъ формы наст. соверш. времени въ зависимыхъ предложеніяхъ, обозначая событіе, долженствующее еще наступить:

«нъ посади и въ Печерьстѣмъ монастыри, дондеже Гюрги придетъ» 51,8.

«и вѣдоша и, порочивъше епѣью въ дворѣ стѣна Софиѣ, дондеже придетъ митрополитъ въ Роуѣ» 58,6, также 122,5, 133,1, 151,10, 217,13, 303,19, 326,20, 332,19.

Отдѣльно надо указать примѣръ: «затвори въ стѣнахъ высокихъ стражею, како не выидеть» 128,3 (Ск. о вз. Царьгр.), съ формою наст. соверш. съ значеніемъ Conjunct. съ желательнымъ отгѣнкомъ.

Относительно формъ будущаго сложнаго надо замѣтить слѣдующее. Форма «буду» наблюдается въ Синод. сп., какъ знаменательный глаголь и какъ связка составнаго сказуемаго: «донеле боудеть оуправа съ оцѣмъ» 151,10; «олна насъ всѣхъ не боудеть, тѣ все то ваше боудеть» 242,5 и др.

Формы будущаго сложнаго (несовершеннаго вида) съ глаголомъ «буду» и инфинитивомъ не встрѣчаются въ Синод. сп. (ср. Miklosich, Syntax, 862). Изъ другихъ соединеній личнаго глагола съ инфинитивомъ, которымъ придается значеніе будущаго времени, въ Синод. сп. встрѣчается одинъ примѣръ съ «имуть» (имѣти) и инфинитивомъ соверш. вида: «тѣ си имоуть придатиса к нимъ» 193,11.

Глаголь «хочю» встрѣчается нерѣдко въ соединеніи съ инфинитивомъ несоверш. вида (67,6, 149,16, 176,4, 201,21, 208,2) и соверш. вида (27,4, 27,7, 170,2, 186,6, 289,22, 296,16), но большею частью безъ значенія будущаго времени; отгѣнокъ будущаго времени съ большей

или меньшей достовѣрностью можно видѣть въ примѣрахъ съ инфинитивомъ соверш. вида: «а целовавъ крѣтъ къ новгородцемъ, тако хоцю оу васъ оумерети» 27,4; «се Яропѣлкѣ... по смѣрти своѣи хоцеть дати Кыкъвъ Всеволодоу» 27,7; и въ примѣрѣ съ инфинитивомъ несоверш. вида: «и цѣловаша новгородци чѣтныи хѣтъ, око не хоцемъ оу себе държати дѣтии Дмитровыхъ» 149,16; но и въ этихъ примѣрахъ все же сохраняется лексическое значеніе личной формы глагола, какъ сохраняется въ нихъ и отношеніе къ настоящему моменту; въ виду этого, затрудняемся признать эти сочетанія сложными формами будущаго времени; изъ свойственнаго этимъ сочетаніямъ значенія намѣренія, готовности, долженствованія могло бы развиваться значеніе будущаго времени, но въ великорусскомъ нар. оно не развилось; кромѣ того, эти сочетанія во всякомъ случаѣ не имѣли значенія будущаго сложнаго несовершеннаго вида, въ соотвѣтствіи съ будущимъ простымъ совершеннымъ, т. к. въ нихъ является нерѣдко инфинитивъ совершеннаго вида.

§ 21. Формы аориста и имперфекта.

Въ Синод. списокѣ сказуемое со значеніемъ прошедшаго времени выражается слѣдующими формами прошедшаго времени: формой аориста, формой имперфекта и формами прошедшаго сложнаго съ причастіемъ на - «лъ». Синтаксическое изслѣдованіе данныхъ Синод. сп. въ отношеніи употребленія различныхъ формъ прошедшаго времени должно выяснитъ, имѣеть ли каждая изъ названныхъ формъ прошедшаго времени свое опредѣленное значеніе, каково это значеніе, насколько послѣдовательно проводится въ памятникѣ различіе между формами, и являются ли въ связи съ этимъ указанныя формы живыми формами въ языкѣ писцовъ. При этомъ, формы аориста и имперфекта могутъ быть соединены вмѣстѣ при разсмотрѣніи ихъ отношенія къ формамъ прошедшаго сложнаго; но внѣ зависимости ихъ отношенія къ формамъ прошедшаго сложнаго, эти формы (аориста и имперфекта) должны быть разсмотрѣны въ ихъ отношеніи другъ къ другу; а это соотношеніе, несомнѣнно, связывается съ видовыми значеніями глагола.

Обычной формой прошедшаго времени въ повѣствовательной рѣчи

Синод. сп. является форма аориста; это показаніе Синод. сп. вполне совпадаетъ съ показаніями другихъ памятниковъ древнерусской письменности того же литературнаго типа.

Форма славянскаго аориста признается формой прошедшаго совершеннаго (иначе - недлительнаго) времени; при этомъ указывается, что формы аориста образуются въ славянскихъ языкахъ не только отъ глагольныхъ основъ совершеннаго (недлительнаго, перфективнаго) вида, но и отъ глагольныхъ основъ вида несовершеннаго (длительнаго, имперфективнаго, дуративнаго) и даже отъ кратныхъ (итеративныхъ) глаголовъ. Форма же славянскаго имперфекта признается формой прошедшаго несовершеннаго, длительного; она образуется, естественнымъ образомъ, отъ основъ длительного вида и кратныхъ, но также, хотя и рѣдко, отъ основъ вида совершеннаго. Такимъ образомъ, въ формахъ аориста и имперфекта наблюдается смѣшеніе значеній времени и вида относительно способа проявленія дѣйствія ¹.

Проф. Ульяновъ такъ рѣшаетъ вопросъ о соотношеніи временнаго и видового значенія въ формахъ простаго прошедшаго времени. Въ случаяхъ, когда аористъ образуется отъ основъ недлительныхъ, онъ сохраняетъ, по мнѣнію Ульянова, тѣ различія въ видовыхъ значеніяхъ, которыя обозначаются въ самихъ основахъ формъ аориста; въ случаяхъ же, когда аористъ образуется отъ основъ длительныхъ, онъ «получаетъ простое значеніе недлительности; слѣдовательно, говорить Ульяновъ, славянскій аористъ является такой формой прошедшаго времени, которая сама по себѣ даетъ глаголу видовое значеніе недлительности... Такимъ образомъ, различіе по значенію между славянскимъ имперфектомъ и аористомъ, прежде всего, заключается въ томъ, что первый обозначаетъ отношеніе къ прошедшему времени признака, представляемаго въ его развитіи, второй обозначаетъ отношеніе къ прошедшему времени признака, представляемаго только въ его проявленіи»... И далѣе, въ объясненіе приведенныхъ примѣровъ, говорить: аористы здѣсь только «констатируютъ» факты..., имперфектъ обозначалъ бы данное дѣйствіе, какъ продолжающееся извѣстное время. (Значенія глагольныхъ основъ въ

¹ См. Miklosich, Synt., стр. 786, 788; Delbrück, Synt. II, 338—341.

литовско-славянскомъ языкѣ, I часть, стр. 218). И далѣе: «Различіе двухъ видовъ длительности и недлительности въ формахъ прош. времени обуславливаетъ собой различіе ихъ на формы имперфекта и аориста» (ibid., стр. 16).

Сдѣлавъ эти предварительныя замѣчанія, обращаемся къ даннымъ Синод. сп. Формы аориста отъ основъ несовершеннаго вида встрѣчаются въ Синод. спискѣ очень часто и должны быть признаны вполне обычными въ его языкѣ. Достаточно назвать такія постоянно встрѣчающіяся въ спискѣ формы, какъ «ходи, иде, вокваша, ведоша, биша, сѣдѣ, цѣловаша, говиша» и др. Имѣютъ ли все подобныя формы аориста въ Синод. сп. достовѣрное значеніе недлительности?

Во многихъ случаяхъ видовое значеніе формъ аориста отъ несовершенно-длительныхъ основъ, дѣйствительно, представляется сознанію современнаго изслѣдователя легче всего, какъ значеніе недлительности, и не только простой недлительности, но и въ различныхъ ея отгѣнкахъ. На такое пониманіе значенія аориста наталкиваетъ переводъ древней формы на современный языкъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ такихъ случаяхъ, какъ «и не даша емоу оуправитиса и ведоша и въ Гороньць» 153,17, также 62,5, 89,2, 121,5, 126,14, 179,14 и др.,

«и послаша по Гюрга по кнѣза Соуждалю, и не иде» 43,11, также 2,5, 2,12, 240,17,

«престави великыи кнѣзь Андрѣи Александрови. . . и положенъ бы на городци, а богаре его ѣхаша во Тѣбрь» 307,22,

«одраша и везоша погании въ землю свою» 127,3, также 66,11, 322,1, 322,9 и др., аористы «ведоша, иде, ѣхаша, везоша» легко могутъ быть поняты современнымъ изслѣдователемъ, какъ формы, имѣющія видовое значеніе недлительности, т. к. современнымъ языкомъ они лучше всего передаются формами: «повели, пошелъ, поѣхали, повезли». Однако, при переводѣ утрачивается самый матеріалъ для изслѣдованія, и кажущееся соответствіе между древней формой и современной не можетъ быть основаніемъ для опредѣленія значенія первой. Кромѣ того, въ другихъ примѣрахъ трудно признать недлительное значеніе формъ аориста, даже прибѣгая къ переводу. Трудно приписывать значеніе недлительности формамъ аориста отъ длительныхъ

основъ въ случаяхъ, когда въ языкѣ имѣлись параллельныя основы съ значеніемъ недлительнымъ и когда общій смыслъ предложенія явно указываетъ на продолжительность проявленія дѣянія, обозначаемаго формой аориста:

«в томъ вечере перевозиса Ярославъ съ вои» 1,15.

«въ то лѣ приходиса ѣмъ и воєваша область Новгородскоую» 44,13.

«томъ лѣ стоа всѣ лѣ ведромъ» 63,1, 41,11, 38,1.

«и стоаша подь городомъ .ѣ. нѣ» 104,13, 184,2, 282,18.

«и бишаса всь днѣ» 72,18.

«і на осень би морозъ обилье, но останокъ ізбыиса» 263,17.

«по нихъ же видоша .ѣ. днѣи» 195,18.

«и гониса въ лодихъ по нихъ» 205,17, 291,12.

«и гонишаса по нихъ новгородци...и биша» 218,15; также въ многочисленныхъ примѣрахъ съ формами «стѣ црквь» 34,13, 49,17, 76,16, 97,14 и др., «цѣловаша кргъ» 149,15, 152,4, 163,18, 168,10, 181,10 и др.

Кажется сомнительнымъ, чтобы эти формы аориста отъ несовершенно-длительныхъ основъ имѣли бы видовое значеніе простой недлительности (о какомъ-либо другомъ значеніи недлительности нѣтъ основаній говорить, и аористу приписывается именно значеніе простой недлительности). Сомнѣніе поддерживается и сравненіемъ параллельныхъ формъ аористовъ отъ основъ несовершенно-длительныхъ и недлительныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, рядомъ съ основами длительными «бити, стоати, перевозити, грабити, ити, приходити, раздаати, воєвати, слатиса, гонитиса» и др., существовали параллельныя основы съ недлительнымъ значеніемъ: «побити, стати, перевезти, поити, приити, раздати, послатиса, погонитиса; постоянно встрѣчаются такія парныя формы аориста отъ несовершенно-длительныхъ и отъ недлительныхъ основъ:

«и послашаса новгородци Кыевою по Стослѣ по Олговица» 40,8.

«поби мразъ обилье по волости» 161,14.

«а кнѣзь погониса по нихъ съ своимъ дворомъ. і би та подѣ
Зижьчемъ» 262,7, 261,20, 293,1.

«і поїдоша с полономъ проче» 261,19, 1,17.

«приходиша нѣмци въ озеро Ладожское і побиша мно^ѡ Обо-
нижскихъ коупецъ» 320,21.

«кнѣзь же того не послюша і поѣха проче» 293,22, 293,3.

«и ста всѣ лѣ дѣжгево» 125,15, 63,5 и др.

Если въ языкѣ существовали рядомъ такія параллельныя формы, какъ «гониса» и «погониса», «стоѣша» и «сташа», «идоша» и «по-
идоша», «сѣдѣша» и «сѣдоша» и др., то между ними, несомнѣнно, было какое-то различіе въ значеніи; это различіе могло быть только идовымъ; если же считать, что форма аориста отъ длительныхъ основъ получала значеніе простой недлительности, то между подобными параллельными формами аориста не оказывалось бы никакого различія, т. е. недлительныя основы сами по себѣ могли имѣть значеніе простой недлительности (аористическое), которое сохранялось, конечно, и въ формѣ аориста (см. Ульяновъ, II т. 49, 154—166).

Для дальнѣйшаго выясненія значенія аориста отъ длительныхъ основъ обращаемся къ формамъ имперфекта. Значеніе тѣхъ и другихъ формъ можетъ быть прослѣжено при сопоставленіи примѣровъ, подобныхъ по содержанію, съ параллельными формами аориста отъ длительныхъ основъ и имперфекта тѣхъ же основъ:

«томѣ лѣ ходи Мьстислѣ на очелоу» 15,3.

«ходиша новгородьци съ корелою на юмь и воюваша землю ихъ и пожьгоша» 99,5.

«а новгородьце измавъ Всеволодъ за Волокомъ и по всѣи земли своей, държаше оу себе, не поуста ихъ Новоугородоу, нѣ хожяхоу по городоу по воли Володимири» 116,2.

«толь лють баше пожаръ, тѣко і по водѣ хожаше огонь» 285,6.

«а Всѣволодъ иде на Чърниговъ, съ[во]коупивъ силоу свою и половчьскоу силоу приведъ, и вожаше съ собою посадника новгородскаго Мирошку и Иванка и Омоу» 114,6.

«і посадиша Ярослава і водиша і къ кртѡу» 299,18.

«і мно^ѡ молиша і новгородци всѣ Новымъ городомъ» 332,2.

«новгородъци же много молахоу: не ходи, княже, и не можахоу сго оуати» 176,6.

«новгородци же много оуимаша и молачеса, и не могоша его оумолити» 202,3 (АТ «възмогоша»).

«мъртвъци по оу[ли]чамъ и по търгоу... оже не можахоу погрѣбати» 227,1 (возстан. по КА).

«и хотѣша новгородъци полести къ городуу» 171,13.

«но самъ хотѣ особъ брань створити» 242,15.

«а новгородъци хотахоу съ моста съврѣщи» 149,6.

«и вда имъ волю всю и оуставы старыхъ кнѣзь, его же хотѣхоу новгородъци» 147,13.

«томѣ лѣ стоа всѣ лѣ ведромъ... нъ пакы на зиму ста вса зима тепломъ и дѣжгемъ» 63,1.

«и стоаше вса осенина дѣждева» 45,5.

При сопоставленіи приведенныхъ примѣровъ аориста и имперфекта различіе въ значеніи обнаруживается особенно ясно тогда, когда въ имперфектѣ выступаетъ значеніе кратности. Такъ, кажется яснымъ различіе въ значеніи: «водиша и къ крѣгоу» и «вожаше съ собою»; въ первомъ случаѣ — новгородци помирились съ княземъ Ярославомъ, посадили его у себя на столѣ и при этомъ «водиша» его къ кресту, дѣйствіе само по себѣ длительное, по цѣльное и происходившее однажды, въ одинъ промежутокъ времени; во второмъ случаѣ «новгородця слахоуса къ кн. Всеволоду», чтобы онъ отпустилъ посадника Мирошку, Иванка и Оому; но Всеволодъ не пустилъ ихъ, пошелъ войной на Черниговъ и «вожаше съ собою» этихъ лицъ, т. е. водилъ ихъ все время и всюду за собою.

При сопоставленіи примѣровъ типа:

«томѣ лѣ ходи Мьстясла на очелоу» 15,3 съ примѣрами:

«нъ хожахоу по городуу» 116,3; «яко и по водѣ хожаше огонь» 285,7, также обнаруживается значеніе аориста, какъ дѣйствія цѣльнаго, происходившаго однажды въ определенное время, хотя бы оно и было продолжительнымъ, и значеніе имперфекта, какъ дѣйствія не цѣльнаго, кратнаго: ходили по городу вообще, время отъ времени, а не однажды шли туда и обратно; мы бы могли теперь сказать «расхаживали».

вали»; огонь не ходилъ когда-то однажды по водѣ, а временами то въ одномъ то въ другомъ мѣстѣ продолжалъ горѣть и на водѣ.

Точно также различіе между «много молиша, не могоша его оумолити», съ одной стороны, и «много молаху . . . и не можаху оути» — съ другой, представляется какъ различіе между дѣйствіемъ простой длительности, какъ дѣйствіемъ цѣльнымъ и дѣйствіемъ нецѣльнымъ, кратнымъ: «нѣсколько разъ обращались съ просьбой и каждый разъ не могли упросить князя».

Рядомъ съ кратнымъ значеніемъ имперфекта, значеніе аориста отъ длительныхъ основъ представляется не какъ значеніе дѣйствія недлительнаго, но какъ длительно-цѣльнаго, и различіе между формами имперфекта и аориста отъ длительныхъ основъ опредѣляется именно различіемъ кратности и некратной, простой длительности, но не различіемъ длительности и недлительности. Кратное значеніе имперфекта представляется достаточно яснымъ и во многихъ другихъ примѣрахъ, въ связи съ окружающимъ текстомъ, въ непосредственнаго сравненія съ аористомъ. Таковы примѣры:

во время голода приставили Станила «возити мѣртваца на кони, кде обидоуце по городуу; и таѣ беспрестани по вса дни влачаше» 222,16.

«браѣ браѣ не съжалашеться, ни очѣ снѣви . . . не оуламлаше хлѣба . . . и коуплахомъ по грѣнѣ хлѣ и по болшую, а ржи. д. ю чаѣ кади коуплахомъ по грѣнѣ серѣбра, и дагахъ оѣи и мѣри дѣ свое одрени ис хлѣба гостымъ» 227,11.

«Щтоле вѣста зло; по вса дни загарашеса невидимо . . . и не съмаху людье тировати въ домъхъ. нѣ по полю живахоутъ» 107,14.

«і оступиша Торжекъ на сборъ чѣбѣ и отъниша тыномъ весь около, яко же и инии гради имахоу» 248,2; также 20,11, 73,8, 73,11, 90,17, 97,3, 162,3, 226,2, 281,17 и др.

Но въ другихъ случаяхъ значеніе имперфекта не улавливается съ достаточной ясностью, какъ значеніе кратное, въ связи съ реальнымъ значеніемъ глагольныхъ основъ и съ окружающимъ текстомъ; употребленіе имперфекта въ такихъ случаяхъ не кажется необходимымъ и

спеціальное его значеніе сравнительно съ формами аориста остается какъ-будто недостаточно яснымъ. Таковы примѣры:

«исходящю лѣ слахоуса новѣгородьци къ Всѣволодоу» 113,18
сравнительно съ —

«томѣ лѣ слашаса по Гюрга Володимирица Соуждалю»
38,11; или:

«ейпѣ и коунице и слы новгородьскыи не поущахоу из
Роуси, и они не хотахоу иного кнѣза» 43,18; «а новгородьци хо-
тахоу съ моста съврѣщи» 149,6; «и вда имъ волю всю и
оуставы старыхъ кнѣзь, кого же хотѣхоу новгородьци» 147,13,
сравнительно съ —

«и хотѣша новгородьци полести къ городу» 171,13; «и ство-
риша вѣче, и хотѣша оубити Соудимира» 206,10, 212,11,
273,20, 281,21; или:

«и оу себе и държаше въ мѣти» 42,18; «и държаше оу себе,
не поуста ихъ Новоугородоу» 116,2; сравнительно съ —

«и държа послы все лѣ» 218,9; «и держаша ихъ въ влѣни
дворѣ» 315,21; или:

«и сѣдеша всю зиму Новегородѣ бесъ кнѣза; а Ярославъ
кнажаше на Търъжькоу» 115,12.

«Яропѣлкъ к себе зваше новѣгородьце, а церниговьскыи
кнѣзь к себе, и бишаса» 31,13, 39,18 и др.

Въ подобныхъ примѣрахъ не обнаруживается съ достаточной ясно-
стью для нашего сознанія кратность дѣйствія; но, съ другой стороны,
различіе между данными формами имперфекта и соответствующими фор-
мами аориста отъ длительныхъ основъ не представляется, какъ различіе
между дѣйствіемъ длительнымъ и недлительнымъ. Значеніе имперфекта
кажется не только длительнымъ, но оно представляется или кратнымъ,
или такимъ неопредѣленно-длительнымъ, съ которымъ не соединяется
значенія цѣльности дѣйствія, относящагося къ опредѣленному проме-
жутку времени, что свойственно формамъ аориста. Такъ можетъ объ-
ясняться различіе между приведенными параллельными примѣрами: «хо-
тѣхоу» — вообще хотѣли, дѣйствіе, не относящееся только къ данному,
опредѣленному промежутку времени, но неопредѣленно-длительное, безъ

значенія цѣльности въ примѣрахъ 43,18, 147,13, или даже: пѣсколько разъ хотѣли, пытались сбросить съ моста—въ примѣрѣ 149,6; въ «хотѣша» дѣйствіе представлено какъ цѣльное, прикрѣпленное къ данному промежутку времени, и т. п. Такое же значеніе нецѣльности, кратности имперфекта при цѣльности аориста, связанной съ опредѣленнымъ временемъ, проявляется и во многихъ другихъ примѣрахъ:

«и сѣдѣ въ нѣ, и негодовахоуть его люю» 47,17, гдѣ первое дѣйствіе представлено, какъ цѣльное, второе, какъ не цѣльное, прерывистое;

«а загородьци не вѣсташа ни по сих, ни по сихъ, нъ зрахоу перезора» 180,5, какъ бы: посматривали, но не длительно глядѣли въ теченіе нѣкотораго времени. Та же разница между «троудишаса» 223,18, 252,5 и «троуждахоуса», «веселашеса» и «веселиса» (въ этой формѣ дѣйствіе представлялось бы какъ цѣльное, продолжавшееся извѣстное время), «творахоуть» 33,12, 108,11, 204,20, 206,21, 252,20, 320,7 и «твориша» и др.

Такимъ образомъ, формы аориста и имперфекта различаются въ Синод. сп. по своему значенію такъ. Аористъ называетъ дѣйствіе, прикрѣпляя его къ извѣстному, ограниченному промежутку времени, въ отношеніи къ его длительности или недлительности (что находитъ себѣ выраженіе въ значеніи глагольныхъ основъ);¹ дѣйствіе аориста представляется, какъ дѣйствіе, однажды происходившее, относящееся къ цѣльному, не повторяемому промежутку времени, хотя бы оно и было длительнымъ; въ этомъ отношеніи аористъ Синод. сп. сохраняетъ старое значеніе индоевропейскаго аориста. Имперфектъ называетъ прошедшее дѣйствіе, какъ неопредѣленно-длительное или повторяющееся.

Указанныя значенія аориста и имперфекта Синод. сп. обнаруживаются достаточно ясно и даютъ основанія предполагать, что писцы Синод. сп.

¹ Ср. «... da se I predašnje vrijeme gradi i od trajnijeh glagola. Ovdje ćemo samo dodati, da oblici na pr. pletoh, nosih, pletosmo, nosiše i t. d. znače savijem isto, što napr. pletijah, nošah, pletijasmo, nošahu i t. d.. Što ćemo ovdje dalje govoriti o I pred. vremenu, ticat će se gotovo sve toga oblika samo od svršenijeh glagola jer je on u svojoj porabi mnogo razvijeniji, nego li je oblik od trajnijeh glagola». Maretić, Gram. i stil. § 584 b, ср. также § 590 a.

чувствовали это различіе формъ. Конечно, для каждаго отдѣльнаго случая нельзя установить, какая должна быть употреблена въ немъ форма, но употребленіе той или другой формы въ Синод. сп. послѣдовательно связывается съ соответствующими отгѣнками рѣчи. Въ Синод. сп. не наблюдается безпорядочности въ употребленіи формъ прошедшаго времени, и рѣчь Синод. сп. не вызываетъ въ этомъ отношеніи сомнѣній и недоумѣній. Можно указать лишь на немногіе отдѣльные примѣры, которые останавливаютъ на себѣ вниманіе относительно своего видового значенія и формы времени:

«княгыню поустиша въ монастырь . . . , а д[р]оужиноу ѿго въ погрѣбъ въсажаша, и въвѣдоша Мѣстислава» 61,18, АТ «всадиша»; ср. съ этимъ: «тоуга, бѣда на всѣхъ. оѣ и мѣи чадо свое въсажаше въ лодью даромъ гостымъ» 24,5, АТ «въсажааше»; акад. А. И. Соболевскій видитъ ошибку вм. «въсажаша» (Лекція по ист. р. яз. 4 изд., 236).

«много съжаливъ си о гра^ѣ и о цр^твѣ своемъ и о грабленіи монастырьскыхъ, ѿже дагаста фрагомъ злѣ и срѣбро» 132,11 (повѣсть о взятіи Царьграда).

«вода баше велика въ Волхове, и хоромъ много споси» 24,11, КАТ «разъноси».

«тогда же ганашаса оканънии безбожници ѿ Торжкою Серегѣрьскыѣмъ поутемъ» 249,1, КАТ «гоняхоуся, гоняшеся»; ср. «но и Тесовъ взаша, і за .л̄. версть до Новагорода ганашаса» 255,18, КТ «гонящася, гоняхутся»; ср. «повокваша около Търожкою бещисла и не доганаша Търж[к]оу за .г̄. вьрсты» 202,14, КАТ «догониша».

«и пристоупиша къ градуу въ нѣ на съборъ, и съездишаса по .г̄. днѣ, въ четвертыи же днѣ . . . пристоупиша» 72,16 (К «сходистася промежи себе о уряди»).

«новгородци же поставиша острогъ около города . . . , а товаръ въвозиша в гор^ѣ и пригониша сторожи Іярославли» 298,1.

Соотношеніе аориста совершеннаго, аориста несовершеннаго длительнаго и имперфекта разсмотрѣно до сихъ поръ лишь въ глаголахъ вещественнаго значенія; формы аориста и имперфекта глагола -существитель-

бра̃мь Стопѣлко̃мь, и матежь бѣ̃ великъ Новегородѣ; не въско-
тѣша людѣ Всѣволода» 36,1.

«приде кнѣзь Всѣволодъ в Новѣгородъ и вѣдка и вси моу ода-
рени бещисла, и ради бѣша новгородѣци, и бѣ̃ миръ» 187,15.

«въ то лѣ̃ на зиму бѣ̃ зима тепла, не бѣ̃ снѣга чересь всю
зиму, і не добыша лѣ̃ хлѣба, і бѣ̃ дороговъ велика, тоуга ве-
лика и печаль людемъ» 307,3.

Что касается видового значенія аориста «бѣ̃», то оно можетъ пред-
ставляться современному изслѣдователю то какъ совершенное, то какъ
длительное-несовершенное. Во многихъ случаяхъ современному изслѣдо-
вателю видовое значеніе аориста «бѣ̃» легко можетъ показаться зна-
ченіемъ совершеннымъ; по крайней мѣрѣ, при передачѣ Синод. текста
современнымъ литературнымъ языкомъ наиболѣе подходящими соотвѣт-
ствіями аористу глагола «быти» нерѣдко кажутся совершенныя глаголь-
ныя формы, какъ «сталъ, насталъ, сдѣлался, оказался, случился», —
особенно, при сопоставленіи съ формой имперфекта «баше»; такимъ
переводомъ кажется легко и удобно передать различіе между двумя раз-
сматриваемыми формами, напримѣръ:

«сѣробиша прѣ̃въ на островѣ . . . и бѣ̃ прибежище крѣстья-
номъ» 102,12; въ современномъ переводѣ было бы: «и стала прибѣ-
жищемъ христіанамъ», или — «явилось прибежище»; также 84,4,
109,18.

«тѣгда Исакъ црѣ̃ . . . разболѣвъса и бѣ̃ мнихъ и Ѡиде
свѣта сего» 132,13.

«мы же ихъ не вѣмы, кто соуть, нѣ сде въписахомъ о нихъ
памати ради роускыхъ кнѣзь и бѣды, таже бѣ̃ Ѡ нихъ» 191,17.

«и поставиша другоую скоудьльницу . . . и бѣ̃ та пѣлна . . .
а .г̃-тѣкою поставиша . . . и та бѣ̃ пѣлна» 227,4,7.

Число примѣровъ можно бы еще увеличить (157,16, 171,15, 179,20,
181,4, 187,17 и др.), но количество подобныхъ примѣровъ не подтвер-
дить положенія о совершенномъ видовомъ значеніи аориста; то значе-
ніе, которое придается формѣ аориста переводомъ ея современной
формой, приближаетъ значеніе утраченной формы къ значеніямъ совре-
меннаго языка, но не раскрываетъ древняго значенія; обратно, переводъ

придаеть формѣ значенія, несомнѣнно, не свойственныя ей. Кромѣ того, во многихъ другихъ примѣрахъ видовое значеніе аориста представляется съ достаточной выразительностью, какъ дѣйствіе несовершенно-длительное; такое значеніе аориста обнаруживается въ примѣрахъ:

«и тако быша вѣча по всю нѣ» 181,5.

«и тѣ быша безъ мира лѣ все» 230,18.

«архейпъ Антони . . . онѣмъ на сто Ольѣна, бѣ лѣ .5. въ болезни тои и .з. мець и .о. днни и тѣ оумре» 232,1.

«і изнемогопѣ лѣ въ градѣ, а із Новагорода имъ не бы помочи» 248,5.

«в лѣ .5. ѿ .ѿй. бѣ тишина на все лѣ» 276,1.

«всю бо землю ихъ оружиемъ поплѣни, а по хрѣтыанскоі земли веселие бѣ всюда» 282,20.

«і мно гадавшѣ новгородци, і быша безъ влѣкъ съ .й. мѣдъ» 332,9; также 47,1, 212,16, 307,3 и др.

Такимъ образомъ, нельзя признать, что значеніе аориста «бѣ» было значеніемъ совершеннаго вида, и различіе между аористомъ и имперфектомъ глагола «быти» приходится искать внѣ видового значенія аориста «бѣ». Если аористъ глагола «быти» называетъ событія, какъ звенья одной цѣпи въ отношеніи одновременности или послѣдовательности, то имперфектъ глагола «быти» называетъ такія событія, которыя стоятъ внѣ этой послѣдовательности во временномъ отношеніи; событія, обозначаемыя формой имперфекта, нарушаютъ мѣрную смѣну событий и являются для этой смѣны или дѣйствіями соотносительными, побочными или обобщающими, выступающія во всѣхъ случаяхъ, такъ сказать, внѣ очереди; при этомъ, дѣйствіе имперфекта выходитъ изъ границъ времени, опредѣляемыхъ соотносительнымъ въ предложеніи аористомъ или даже цѣлымъ рядомъ ихъ; само же оно не прикрѣпляется къ опредѣленному промежутку времени и носитъ болѣе широкій, обобщающій характеръ. Такихъ побочных, внѣочередныхъ сообщеній въ формѣ имперфекта можетъ быть нѣсколько подрядъ, но какъ только рассказъ возвращается къ послѣдовательной смѣнѣ событий, къ обозначенію дѣйствій, относящихся къ опредѣленному времени, снова выступаютъ формы аориста. Таковы примѣры:

«и нача Дньѣпръ мързнути; и баше Гѣрославоу моужь въ пригазнъ оу Стопѣлка; и посла к нѣмоу Гѣрославъ ноцію отрокъ свои» 1,3.

«въ лѣ · \bar{c} · \bar{x} · \bar{o} · \bar{z} · иде Даньслѣ Лазоутиниць за Волокъ даньникомъ съ дружиною; и присла Андрѣи пѣлкъ свои нань; и бишаса с ними; и бѣше новгородецъ · \bar{y} ·, а соуждальць · \bar{z} ·; и пособи бѣ новгородцемъ, и паде ихъ · \bar{t} · и · \bar{a} ·». . . 71,12.

«иде кнѣзь Мьстислѣ съ новгородци на чюдъ . . . села ихъ пограти . . . и чю поклонишаса нѣмоу, и Мьстиславъ же кнѣзь възъа на нихъ дань . . . баше же тоу и пльсковьскыи кнѣзь Всѣволодъ» 156,7.

«и на то възложиша вѣнць бес патриарха, и тоу быша с нимъ въ стѣи Софии · \bar{s} · днѣи . . . црѣ же Исаковиць башеть въ Влахернѣ и хоташе въвести фразгы» 133,14.

Такое же различіе аориста и имперфекта наблюдаемъ въ примѣрахъ:

«моръ бѣ въ люхъ многъ, и конь мнѣжьство помре, тако нълѣ бѣше дойти до тѣргоу» 60,10.

«а оу города тѣ оста · \bar{v} · воєводѣ: Цыгырканъ и Тешюканъ, на Мьстислѣ и на зати его на Андрѣи и на Ольксандра Доубровьцьскаго: беста бо · \bar{v} · кнѣза съ Мьстиславѣ; тоу и бродници съ татары быша и воєвода Плоскына» 196,21; «быша», т. е. у города, какъ и «оста» «беста» — не только въ данное время, а вообще были съ нимъ.

«і Ѡідоша проче, і тако быша безъ мира, бахоу бо переѣтъ держаче с нѣмци пльсковичи» 254,19.

«і тако быша на [Къ]землі, поусти полкъ весь в зажитиѣ, а Домашъ Твердиславичъ и Кербетъ быша в розгонѣ, і оусрѣтоша га нѣмци и чюдъ оу моста и бишаса тоу» 257,6; также объясняемъ различіе формъ въ примѣрахъ:

«а на весноу ходи Всѣволодъ съ новгородци на нѣм . . . и побѣди га, нѣ лютъ баше поуть, оже коуплахоу по ногатѣ хлѣбъ» 20,7.

«і поиде съ своіми полкы кнѣзь і с новгородци, і бѣ золь

поуть, акты же не видали ни дни ни ночи, і многѣмъ шестникомъ бѣ пагоуба, а новгородцевъ бѣ соблюде» 270,6 и др.

Различеніе этихъ формъ, какъ и въ глаголахъ вещественнаго значенія, связывается не съ длительностью или недлительностью дѣйствія самими по себѣ (что выражается основой глагола), но съ отношеніемъ дѣйствія, какъ цѣльнаго, къ опредѣленному времени, — для формы аориста, и съ относительной неопредѣленностью этого времени — для имперфекта, дѣйствіе котораго только частью своей совпадаетъ со временемъ текущихъ событій разсказа и не имѣетъ значенія цѣльности. Такимъ образомъ, и для формъ аориста и имперфекта глагола «бѣти» выдвигаются тѣ же основныя значенія и то же различіе, что и для глаголовъ вещественнаго значенія, съ тою разницею, что съ имперфектомъ «баше» не соединяется значенія кратности (которая выражается формой имперфекта «бываше»).

Приходится замѣтить еще нѣкоторыя особенности въ употребленіи формъ «бѣ» и «баше» сравнительно съ формами вещественныхъ глаголовъ. Какъ уже было отмѣчено, различіе формъ аориста и имперфекта глагола «бѣти» обнаруживается для нашего сознанія слабѣе, чѣмъ при вещественныхъ глаголахъ; въ связи съ этимъ наблюдаемъ въ Синод. сл. такіе примѣры съ аористомъ и имперфектомъ, въ которыхъ не обнаруживается различія въ значеніи этихъ формъ; такъ, наприм., трудно понять, чѣмъ объясняется употребленіе аориста или имперфекта въ слѣдующихъ примѣрахъ:

«и не то баше зло, нѣ боле почаства копити вои» 31,18 и

«і не то бѣ зло, но и Тесовъ взаша» 255,16.

«въ то лѣ баше боура велика, съ громомъ, и градомъ, и хоромы раздѣра» 21,7.

«томъ лѣ вода баше велика въ Волховѣ, а снѣгъ лежа до Іаковла дни. . . . и бѣ голодъ» 22,14.

въ се лѣ вода баше велика въ Волхове, и хоромъ много сноси» 24,11 (К «бѣсть»).

«той же зиме баше сильнъ морозъ» 65,17; также 265,19, 316,16 рядомъ съ примѣрами:

«въ лѣ̄ ·,̄с̄ ·х̄ ·ѡ̄ ·бѣ̄ вода велика въ Днѣпри и въ Деснѣ и въ Припетѣ̄» 14,3.

«стоише вса осенина дѣждева . . . и бѣ̄ вода велика вельми въ Волхове и всюде» 45,8.

«а вода бѣ̄ болши третьаго лѣ̄» 47,1.

«той же осѣни бѣ̄ вода велика въ Вѣлховѣ̄» 212,16.

По аналогіи съ другими примѣрами слѣдовало бы ждать въ приведенныхъ выше примѣрахъ, въ которыхъ сообщаются событія, форму аориста вмѣсто имперфекта; но трудно сдѣлать выводъ, являются ли эти примѣры признаками начавшейся потери чутья формы, или же имперфекты связываются съ отбѣнками значеній, которые особенно трудно уловить нашему сознанию при отвлеченномъ значеніи глагола «бѣти» и въ связи съ обычнымъ употребленіемъ имперфекта «баше» въ Синод. сп. для дѣйствій соотносительныхъ и обобщающихъ. Указанныя особенности и нѣкоторыя сомнѣнія въ употребленіи формъ аориста и имперфекта глагола «бѣти» не мѣшаютъ, однако, признать, что и для этого глагола различіе формъ аориста и имперфекта связывается съ тѣми же значеніями, что и для глаголовъ вещественнаго значенія.

§ 22. Сложныя формы прошедшаго времени.

Рядомъ съ формами аориста и имперфекта, сказуемое прош. времени выражается въ Синод. сп. сложными формами прош. времени, т. е. формами причастія на -лѣ въ соединеніи съ глаголомъ-связкой или съ опущеніемъ глагола-связки. Вопросъ объ употребленіи въ Синод. сп. сложныхъ формъ прош. времени тѣсно соприкасается съ вопросомъ предшествующей главы—о жизненности простыхъ формъ прош. времени въ этомъ памятникѣ; простыя формы прошедшаго времени могутъ быть признаны или не признаны живыми формами языка въ зависимости, между прочимъ, отъ того значенія, съ какимъ употреблялись сложныя формы прош. времени; если бы эти послѣднія не имѣли въ Синод. сп. своего определеннаго значенія, отличнаго отъ значенія простыхъ прошедшихъ, и могли бы являться въ роли всякаго сказуемаго прош. времени (какъ это наблюдается въ болѣе позднемъ періодѣ), то было бы ясно, что про-

стыя прошедшія утратили уже свою жизненность, и ихъ употребленіе объяснялось бы лишь традиціей. Иными словами, вытѣсненіе простыхъ формъ прош. времени формами сложными должно связываться какъ съ потерей въ языкѣ простыхъ формъ, такъ и съ измѣненіемъ значенія сложныхъ формъ; старое специальное значеніе послѣднихъ формъ необходимо должно было расширяться и видоизмѣняться по мѣрѣ того, какъ эта форма становилась единственной формой выраженія сказуемаго прошедшаго времени.

Исходя уже изъ этихъ соображеній, можно предположить, что поскольку въ Синод. сп. употребительны формы аориста и преходящаго и поскольку эти формы сохраняютъ свое значеніе, постольку надо ожидать, что и формы на -лъ имѣли свое особое значеніе; для писцовъ Синод. сп., такимъ образомъ, каждая изъ трехъ формъ прош. времени соединялась съ особымъ отгѣнкомъ значенія, и соответственно съ этимъ они употребляли ту или иную форму.

Наблюдая случаи употребленія сложныхъ прошедшихъ формъ въ Синод. сп., приходится отмѣтить, что сказуемое въ этой формѣ, прежде всего, очень часто встрѣчается въ предложеніяхъ прямой рѣчи; рѣже оно попадаетъ въ предложеніяхъ непрямой рѣчи зависимыхъ и, наконецъ, независимыхъ. Именно: на предложенія прямой рѣчи, съ одной стороны, падаетъ большинство всего числа примѣровъ сложныхъ формъ; съ другой стороны, въ этихъ предложеніяхъ для сказуемаго прош. времени почти безъ исключенія употребляются сложные формы прош. времени, формы же аориста и имперфекта въ нихъ почти не встрѣчаются. Здѣсь имѣются въ виду сложные формы съ «нсть» или безъ глагола-связки, но не формы съ аористомъ или преходящимъ глагола - связкой, типа «баше въбеглѣ» и др.

На такое же употребленіе прошедшаго сложнаго въ прямой рѣчи дѣйствующихъ лицъ указывалъ для Лаврентьевской лѣтописи Д. Н. Кудрявскій въ статьѣ «Къ статистикѣ глагольныхъ формъ въ Лаврентьевской лѣтописи» — Изв. Отд. р. яз. и сл. 1909, кн. 2. Въ Лаврентьевской лѣтописи, по наблюденіямъ Кудрявскаго, формы на -лъ вообще встрѣчаются очень рѣдко, но авторъ предполагаетъ, что «въ живомъ русскомъ языкѣ эта форма употреблялась гораздо чаще»; это мнѣніе